

ИВЛИН ВО

МЕРЗКАЯ ПЛОТЬ

Глава 1

«В нашей стране, – сказала Алиса, все еще не успев отдышаться, – если бежать очень долго и очень быстро, вот как мы сейчас, обычно попадаешь в какое-нибудь другое место».

«Значит, у вас очень медленная страна, – сказала королева. – А здесь, ты сама видишь, твоего бега хватает только на то, чтобы остаться на том же месте. А если хочешь попасть в другое место, нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее!»

«Если бы я была не настоящая, – сказала Алиса, готовая рассмеяться сквозь слезы, до того все это было нелепо, – я бы не могла плакать».

«Ты, надеюсь, не воображаешь, что это настоящие слезы?» – перебил ее Твидлдум весьма презрительным тоном.

Льюис Кэрролл. «Зазеркалье».

Всем было ясно, что качки не миновать.

Отец Ротшильд, иезуит, с чисто восточным фатализмом поставил свой чемодан в углу бара и вышел на палубу. (Чемодан был небольшой, из поддельной крокодиловой кожи. Инициалы, выдавленные на нем готическим шрифтом, были не отца Ротшильда – он в то утро попросил на время чемодан у лакея французской гостиницы, где провел ночь. Содержимое его составляло кое-какое белье, шесть очень нужных новых книг на шести языках, накладная борода и школьный географический атлас с испещренным пометками указателем.) Выйдя на палубу, отец Ротшильд облокотился о поручни, подпер ладонями

подбородок и стал смотреть, как по трапу поднимаются пассажиры, все как один со сдержанно-опасливым выражением на лицах.

Большинство этих лиц было иезуиту знакомо, так как он обладал счастливой способностью запоминать все, что можно было узнать, обо всех, кто мог представлять хоть какой-то интерес. Язык его чуть высунулся наружу, и, не будь мысли пассажиров так заняты багажом и погодой, кто-нибудь из них мог бы заметить, как он похож на те гипсовые копии с химер собора Парижской богородицы, которые можно увидеть в витринах художественных магазинов, где они, покрашенные в цвет «старой слоновой кости», пылливо глядят на вас из-за наборов кистей и трафаретов, разноцветного пластилина и тюбиков с акварельными красками. Высоко над его головой, на фоне темнеющего неба, проплыл издававший виды «паккард» миссис Мелроз Оранг, неся на себе пыль трех континентов, а на палубу поднялась во главе своих ангелов сама миссис Мелроз Оранг, знаменитая проповедница.

– Вера!

– Здесь, миссис Оранг.

– Любовь!

– Здесь, миссис Оранг.

– Стойкость!

– Здесь, миссис Оранг.

– Непорочность... Где Непорочность?

– Непорочность плохо себя чувствует, миссис Оранг.
Она ушла в каюту.

– От этой девчонки больше забот, чем толку. Чуть нужно заняться вещами, как она чувствует себя плохо. Остальные все здесь? Кротость, Оглядка, Доброта, Праведная Обида, Справедливость, Святая Тревога?

– Святая Тревога потеряла крылья, миссис Оранг. Она в поезде заговорила с одним джентльменом... Ах, вот она.

– Нашла? – спросила миссис Оранг.

Святая Тревога так запыхалась, что могла только кивнуть головой. (Ангелы носили свои крылья в узких черных картонках, похожих на футляр для скрипки.)

– Хорошо, – сказала миссис Оранг. – И пожалуйста, не выпускай их из рук и поменьше разговаривай с джентльменами в поездах. Вы же ангелы, а не хористки, понятно?

Ангелы сокрушенно сбились в кучку. Ужасно, когда миссис Оранг бывает такая. Ох и зададут же они Непорочности и Святой Тревоге, когда останутся одни, в ночных рубашках! Мало того, что всех будет тошнить от качки, так еще миссис Оранг шпыняет.

Заметив, как они расстроены, миссис Оранг смягчилась и заулыбалась. В «обаянии» ей нельзя было отказать.

– Ну, девочки, – сказала она, – мне нужно идти. Говорят, будет сильно качать, но вы не верьте. Если на душе спокойно, то и желудок не подведет. И помните, если все-таки станет мутить – пойте. Это самое лучшее средство.

– До свидания, миссис Оранг, спасибо. – Они сделали грациозный книксен, повернулись и дружно засеменили на корму, во второй класс. Миссис Оранг проводила их благосклонным взглядом, а потом, расправив плечи (ни дать ни взять бывалый моряк, только бороды маловато),

решительно зашагала в бар первого класса, расположенный на носу.

На борт всходили и другие выдающиеся личности, тоже очень недовольные погодой; чтобы уберечься от ужасов морской болезни, они прибегли к различным видам цивилизованного знахарства, но веры им не доставало.

Были здесь мисс Рансибл, и Майлз Злопрактис, и весь Цвет Нашей Молодежи. Они весело провели утро, обклеивая друг другу животы полосками липкого пластыря (как мисс Рансибл при этом повизгивала!).

Был здесь и distinguished Уолтер Фрабник, член парламента и на прошлой неделе – премьер-министр. Перед утренним завтраком мистер Фрабник выпил две максимальные дозы некоего хлорного препарата (после чего завтрак не лез ему в горло), а потом в поезде, совсем упав духом, допил весь флакон. Он двигался как во сне, сопровождаемый по пятам двумя откровенными детективами. Они побывали с ним в Париже и знали о его тамошних делах все, что стоило знать, – по крайней мере с точки зрения романиста. (Между собой они называли его Distinguished Бабник, но это было скорее остроумной игрой на его фамилии, чем порицанием его любовных интрижек, в которых он, если говорить начистоту, проявлял изрядную робость, а то и поддавался паническому страху.)

Леди Троббинг и миссис Блекуотер отер, сестры-близнецы, чей портрет кисти Милле был недавно продан на аукционе у Кристи за рекордно низкую цену, сидели на палубной скамейке тикового дерева, ели яблоки и пили то, что леди Троббинг со старомодной игривостью называла «шипучкой», а миссис Блекуотер именovala более

эксцентрично – «шампань», произнося это слово в нос, на французский лад.

– Посмотри, Китти, ведь это мистер Фрабник, тот, что на прошлой неделе был премьер-министром.

– Не может быть, Фанни, где?

– А вон, чуть впереди тех двух мужчин в котелках рядом со священником.

– Да, похоже на его фотографии. Какой у него странный вид!

– В точности так выглядел покойный Троббинг... весь тот последний год.

– ... А мы ведь не подозревали, пока кто-то не нашел флаконы под половицей в его гардеробной... а то мы все думали, что он просто пьет...

– По-моему, в наши дни премьер-министры были маркой выше, ты не находишь?

– Говорят, на мистера Фрабника имеет влияние только одна особа...

– Из японского посольства...

– Разумеется, милочка, только не говори так громко... Но серьезно, Фанни, как ты думаешь, мистер Фрабник действительно такой?

– Фигура у него для его возраста вполне хорошая.

– Да, но его возраст и этот явно полнокровный тип так часто бывают обманчивы. Еще бокал? Не пожалеешь, когда мы отчалим.

– А я думала, мы уже плывем.

– Чудачка ты, Фанни, такие уморительные вещи говоришь.

И пьяненькие старушки, давясь от беззвучного смеха, под ручку отправились вниз, в свою каюту.

Из остальных пассажиров одни заткнули уши ватой, другие надели темные очки, а кое-кто ел сухари из бумажных пакетов – говорят же, что индейцы едят змеиное мясо, чтобы перехитрить врага. Миссис Хуп лихорадочно твердила формулу, которой обучил ее в Нью-Йорке один йог. Немногочисленные «морские волки», чей багаж пестрел ярлыками многих плаваний, расхаживали по палубе, вызывая попухивая короткими вонючими трубками и подбирая партнеров для партии в бридж.

За две минуты до того, как пароход должен был отойти, когда уже раздавались вокруг первые предупредительные свистки и возгласы, по трапу поднялся молодой человек с чемоданом. Ничего примечательного в его внешности не было. Он выглядел в точности так, как выглядят подобные ему молодые люди; свой чемодан, до противности тяжелый, он нес сам, потому что у него не осталось ни одного франка да и почти никакой другой валюты. Он прожил два месяца в Париже, где писал книгу, а теперь возвращался домой, потому что сделал по почте предложение и получил согласие. Звали его Адам Фенвик-Саймз.

Отец Ротшильд приветливо ему улыбнулся.

– Едва ли вы меня помните, – сказал он. – Мы познакомились пять лет назад в Оксфорде, на завтраке у декана Баллиол-колледжа. Мне будет интересно прочесть вашу книгу, когда она выйдет, – сколько я понимаю, это автобиография? И разрешите мне одним из первых

поздравить вас с вашей помолвкой. Боюсь, вы убедитесь, что ваш тесть несколько чудаковат... и забывчив. Этой зимой он перенес сильный бронхит. Дом – сплошные сквозняки, непомерно велик по нашим временам. Ну что ж, пойду к себе. На море волнение, а я плохо переношу качку. Встретимся двенадцатого у леди Метроленд, а если посчастливится, то и раньше.

Адам не успел ничего ответить – иезуит уже исчез. Вдруг голова его опять возникла рядом.

– Здесь находится одна весьма опасная и неприятная женщина, некая миссис Оранг.

Он опять скрылся из глаз, и почти тотчас же пароход заскользил прочь от пристани, к выходу из порта.

Началась качка, то бортовая, то носовая, а то пароход, весь дрожа, замирал на месте, над бездной черной воды, после чего низвергался, как вагонетка на американских горах, в безветренную глубину и снова взлетал прямо в пасть к урагану; то он прорывал себе путь, судорожно тыкаясь носом, как терьер в кроличьей норе, то падал камнем, как лифт. Этот последний его трюк доставлял пассажирам больше всего мучений.

– Ой, – стонал Цвет Нашей Молодежи. – Ой! Ой! Ой!

– Точно из тебя сбивают коктейль, – сказал Майлз Злопрактикис. – Ну и лицо у вас, деточка, – оттенка нильской воды.

– Это же заболеть можно, – сказала мисс Рансибл и, что редко с ней случалось, попала в точку.

Китти Блекуотер и леди Троббинг лежали одна над другой на своих койках, содрагаясь от парика до пят.

– Как ты думаешь, неужели это шампань...

– Китти.

– Да, милочка?

– Китти, мне кажется... нет, я уверена, у меня есть где-то нюхательные соли... Китти, я подумала, тебе там ближе... А мне отсюда слезать просто небезопасно... как бы не сломать ногу...

– А ты не боишься, что после шампань...

– Но они мне нужны. Конечно, милочка, если это тебе затруднительно...

– Мне ничего не затруднительно, ты же знаешь. Но помнится, нет, я даже совершенно ясно помню, что нюхательные соли ты не укладывала.

– Ну, Китти, ну, пожалуйста... тебе же будет жалко, если я умру... Ой!

– Но я видела нюхательные соли на твоём туалетном столике уже после того, как твои вещи снесли вниз. Помню, я ещё подумала, надо захватить их, а потом замешкалась с чаевыми, так что, понимаешь...

– Я... их... сама уложила... Вместе со щётками... Китти, противная!

– Как не стыдно, Фанни!

– Ой! Ой! Ой!

Для отца Ротшильда все плавания были равны. Он размышлял о муках святых угодников, об изменчивости

человеческой природы, о Четырех Последних Вещах [1] и время от времени повторял про себя отрывки из покаянных псалмов.

Лидер оппозиции его величества лежал, погруженный в сладостный транс, созерцая роскошные восточные видения: домики из раскрашенной бумаги; золотые драконы и цветущий миндаль; золотые фигурки и миндалевидные глаза, смиренные и ласкающие; крохотные золотые ножки среди цветов миндаля; раскрашенные чашечки, полные золотого чая; золотой голос, поющий за ширмой из раскрашенной бумаги; смиренные, ласкающие золотые ручки и глаза формой как миндаль, а цветом как ночь.

Два совсем обмякших детектива, дежуривших у его каюты, покинули свой пост.

– Если он и при такой качке сумеет набедокурить, молодец будет, – решили они. – Грех было бы ему мешать.

Пароход скрипел всей обшивкой, хлопали двери, падали чемоданы, выл ветер; винт, то взлетая над водой, то зарываясь в волны, бешено крутился, и шляпные картонки сыпались с полок, как спелые яблоки. Но сквозь весь этот рев и грохот из дамского салона второго класса звучали отчаянные голоса ангелов миссис Оранг – они пели, пели в унисон, исступленно, надрывно, словно сердца их готовы были разлететься вдребезги, а рассудок помрачиться, – пели знаменитый гимн сочинения миссис Оранг «Агнец Божий – барашек что надо».

Капитан и первый помощник сидели в рубке и увлеченно решали кроссворд.

– Похоже, ветер свежеет, того гляди погода испортится, – сказал капитан. – Вечером может и покачать.

– Не всегда же бывает так тихо, как сейчас, – сказал первый помощник. – Хищное млекопитающее. Слово из восемнадцати букв. Просто непонятно, как они такое выдумывают.

Адам Фенвик-Саймз сидел с морскими волками в курительной, пил третий стакан виски и гадал, когда ему окончательно станет плохо.

Уже сейчас он ощущал какую-то тяжесть в затылке. Плыть еще тридцать пять минут, а скорее всего, и больше, раз ветер встречный.

Наискосок от него сидел болтливый, объездивший весь свет журналист и рассказывал ему неприличные анекдоты. Время от времени Адам вставлял более или менее подходящие к случаю замечания вроде «Да, здорово», или «Это надо запомнить», или «Ха-ха-ха», но по-настоящему что-либо воспринимать он был неспособен.

Корабль взлетел – выше, выше, выше, а потом как-то наискось ухнул вниз. Адам успел схватить свой стакан и спасти содержимое. Потом закрыл глаза.

– А вот этот годится и для дамских ушей, – сказал журналист.

За спиной у них четыре коммивояжера играли в карты. Сначала игра шла весело – когда карты, стаканы и пепельница летели на пол, они только приговаривали: «Вот это так потрянуло!» и «Держись, гвардейцы!» – но за последние десять минут заметно притихли. Тишина была неуютная.

– ... И сорок за тузы и двести пятьдесят. Роббер. Ну что, опять тянуть или останемся так?

– А может, сделаем небольшой перерыв? Стол все время куда-то едет, я даже устал.

– Э, Артур, тебя уж не тошнит ли?

– Ничего не тошнит, просто устал.

– Конечно, если Артура тошнит...

– Кто бы подумал, что нашего Артура будет тошнить?

– Да не тошнит меня вовсе. Устал немножко, и все. Но если вы хотите продолжать – пожалуйста, я вам игру портить не собираюсь.

– Молодчина, Артур. И нисколько его не тошнит. Эй, Билл, не зевай, карты сейчас упадут. Опять нас подымает.

– Может, повторим, друзья? Того же?

– Того же.

– Твое здоровье, Артур. Ваше здоровье. Чтобы не в последний.

– Кто сдает? Ведь последним сдавали вы, мистер Гендерсон?

– Да, теперь сдавать Артуру.

– Тебе сдавать, Артур. Гляди веселей, приятель.

– Перестань! Разве можно так хлопать человека по спине!

– Не спутай карты, Артур!

– Попробуй не спутать, когда тебя так хлопнули по спине. Устал я.

– Ну вот, у меня оказалось пятнадцать карт.

– А этот вы слышали? – сказал журналист. – Как один человек из Абердина очень любил бриллианты, до того любил, что, когда надумал жениться, выбрал жену с солитером. Здорово, а? Понимаете, у нее был солитер, а он, понимаете, любил бриллианты. А жил в Абердине. Ловко, ничего не скажешь.

– Знаете, я, пожалуй, выйду ненадолго на палубу. Здесь что-то душновато.

– И не думайте. Там все время заливает. Или, может быть, вас мутит?

– Ни капельки не мутит. Я просто подумал, что на свежем воздухе... О черт, да когда же это кончится?

– Держитесь, дружище. Я бы на вашем месте не стал прогуливаться. Лучше сидеть, как сидели. Глоток виски, вот что вам требуется.

– Меня не мутит. Просто здесь душно.

– Правильно, дружище. Уж вы мне доверьтесь.

Игра в бридж явно не клеилась.

– Эй, мистер Гендерсон, это еще что за пика?

– Туз, а то что же?

– Вижу, что туз. Я про то говорю, что нельзя вам было брать взятку козырем, когда у вас на руках была пика.

– Почему это нельзя было козырем? Ведь пошли-то с козыря.

– Ничего подобного. Артур пошел с пики.

– Нет, с козыря. Так ведь, Артур?

– Артур пошел с пики.

– Не мог он пойти с пики, а то зачем бы ему класть червонку на моего короля пик, когда я думал, что у него дама. Нет у него пик.

– Почему это у меня нет пик? У меня дама.

– Артур, старина, тебя, видно, и вправду тошнит,

– Ничего не тошнит, просто устал. Ты бы тоже устал, если б тебя так хлопнули по спине... В общем, хватит с меня этой забавы. Вот видите, опять карты разлетелись.

На этот раз никто не дал себе труда их собрать. Вскоре мистер Гендерсон сказал: – Странно, с чего это у меня вдруг перед глазами все поплыло? Наверно, что-нибудь съел не то. С этими заграничными блюдами всегда такая история – намешают бог весть чего.

– А знаете, у меня тоже, оказывается, самочувствие не ахти. Вентиляция на этих пароходах ни к черту.

– Да-да. Вентиляция. Это вы верно заметили. В этом все дело.

– Странная вещь. Меня, имейте в виду, никогда не укачивает, но иногда морские переезды плохо на меня действуют.

– Вот и со мной так же.

– Вентиляция... безобразная.

– Уж поскорей бы очутиться в Дувре. «Родина, милая родина». Верно я говорю?

Адам крепко ухватился за обитый медью край столика, и ему стало легче. Нет, не допустит он, чтобы его вырвало, во всяком случае, пока на него пялится этот журналист. Теперь-то уж скоро, скоро покажется берег.

В это-то время, когда настроение в курительном салоне упало до нуля, там опять появилась миссис Оранг. Секунды три она балансировала между вращающейся дверью и ускользающим косяком, а как только судно немного выровнялось, зашагала к стойке, широко расставляя ноги и сунув руки в карманы толстого жакета.

– Рома. Двойную порцию, – сказала она и с обаятельной улыбкой обвела глазами жалкую горстку мужчин, сидевших в салоне. – Ой, мальчики, какой у вас расстроенный вид. В чем дело? Душа тоскует или пароход не хочет стоять смирно?... Качает? Ну ясно, качает. Но я вот что у вас спрошу. Ежели вы за какой-нибудь час так расклеились от морской болезни («Не морская болезнь, а вентиляция», – машинально пробормотал мистер Гендерсон), так что же с вами будет, когда вы пуститесь в далекое странствие, которое всех нас ожидает? Чисты ли вы перед богом? – спросила миссис Оранг. – Готовы ли вы к смерти?

– А то нет? – сказал Артур. – Я последние полчаса только об этом и думаю.

– Так вот, мальчики, знаете, чем мы с вами сейчас займемся? Мы с вами споем песню. («О господи», – сказал Адам.) Вам, может, кажется, что не споем, а вот споем. От нее и душе и телу будет польза. Это песня надежды. Не очень-то много сейчас говорят о надежде, правда? О вере – сколько угодно, о любви – пожалуйста. А про надежду забыли. Ныне в мире есть только одно истинное зло – безнадежность. Я Англию как свои пять пальцев знаю, и я

вам прямо говорю, мальчики, – у меня есть для вас нужный товар. Вам требуется надежда. Я вам ее предлагаю. Ну-ка, бармен, раздайте всем эти листки. Там на обороте слова песни. Вот так. А теперь давайте хором. Сумеете меня перепеть, бармен, заработаете пять шиллингов. Нет – пять шиллингов с вас. Ну, мальчики, дружно!

Миссис Оранг запела звучным голосом и очень внятно. Руки ее поднимались, трепетали и падали в такт песне. Бармен повиновался ей сразу. Слова он немного перевирал, но уверенная сила его голоса на низких нотах была заразительна. Следующим вступил журналист, потом Артур, сжав зубы, стал подтягивать мелодию. Скоро уже пели все, пели как оглашенные, и надо сказать, что им действительно стало легче.

Отец Ротшильд услышал их и повернулся лицом к стене.

Их услышала Китти Блекуотер.

– Фанни!

– Да?

– Фанни, милочка, ты слышишь – поют?

– Да, милочка, благодарю.

– Фанни, милочка, а это не молебен? А то звучит похоже на песнопения.

Может, мы в опасности, как ты думаешь? Фанни, может быть, мы идем ко дну?

– Вполне возможно. Туда и дорога.

– Фанни, какие ты ужасные вещи говоришь! Но ведь мы бы почувствовали, если бы пароход на что-нибудь наскочил? Фанни, милочка, если хочешь, я сейчас поищу твои нюхательные соли.

– Стоит ли, милочка, ведь ты сама видела, что они остались на моем туалете.

– Я могла ошибиться.

– Ты же сказала, что сама видела...

Их услышал капитан.

– Сколько ни плаваю, – сказал он, – до сих пор от этих миссионеров с души воротит.

– Слово из шести букв, – сказал первый помощник, – первые буквы «кб», означает «применяется при астрономических вычислениях».

– Не может быть, чтобы «кб», – сказал капитан, подумав.

Их услышал Цвет Нашей Молодежи.

– Как на первых вечерах в семнадцать лет, – сказала мисс Рансибл. – Тебя тошнит, а другие поют.

Их услышала миссис Хуп. «Хватит с меня теософии, – решила она. – Присмотрюсь-ка я, пожалуй, к католикам».

На корме, в салоне второго класса, где качка ощущалась сильнее всего, их слышали ангелы. Сами они уже давно перестали петь.

– Опять она за свое, – сказала Праведная Обида.

Один только мистер Фрабник лежал в безмятежном забытии, и в мозгу его проплывали чарующие видения – нежные голоса, такие ласкающие, такие смиренные, и темные глаза цвета ночи, а формой как миндаль, над раскрашенными бумажными ширмами, и золотые фигурки, такие гибкие, пружинистые, принимающие столь неожиданные позы.

В курительной все еще пели, когда пароход, почти точно по расписанию, вошел в дуврский порт. И тут миссис Оранг, следуя своему неизменному правилу, пустила, так сказать, шапку по кругу и собрала около двух фунтов стерлингов, не считая собственных пяти шиллингов, которые ей, впрочем, возместил бармен. «Спасение души не идет впрок, когда дается бесплатно» – таково было ее любимое изречение.

Глава 2

– Что имеете предъявить?

– Крылья.

– Ношенные?

– Конечно.

– Тогда все в порядке. Проходите.

– Праведной Обиде всегда все улыбаются, – пожаловалась Стойкость Доброте. – А между прочим, хорошо опять очутиться на суше.

– Нетвердыми шагами, но с воскресшими надеждами пассажиры уже покинули пароход.

Отец Ротшильд помахал дипломатическим паспортом и исчез в огромном автомобиле, высланном его встретить. Остальные толкались со своими чемоданами у барьера, стараясь привлечь внимание таможенных чиновников и мечтая о чашке чаю.

– У меня припрятано полдюжины, высшей марки, – откровенничал журналист. – В такую погоду они обычно не придираются.

И правда, вскоре багаж его уже был погружен, а сам он с удобством устроился в вагоне первого класса (расходы его, само собой, оплачивала газета).

Адам дожидался своей очереди довольно долго.

– У меня только старая одежда и книги, – сказал он.

Это были опрометчивые слова – вялое равнодушие чиновника как ветром сдуло.

– Книги? А какие у вас книги, позвольте спросить?

– Смотрите сами.

– И посмотрю. Скажи пожалуйста, книги!

Адам, чуть не падая от усталости, расстегнул ремни и отпер чемодан.

– Так, – сказал таможенный грозно, словно подтвердились его худшие подозрения. – Книги у вас есть, это я вижу.

Одну за другой он стал доставать их из чемодана и складывать стопкой перед собой. На томик Данте он взглянул прямо-таки с отвращением.

– Французская? Так я и думал, небось сплошные пакости. Так, а теперь я проверю эти ваши книги (как это было сказано!) по своему списку. Министр внутренних дел – он насчет книг знаете какой строгий. Если мы не можем искоренить литературу у себя дома, мы можем хотя бы добиться, чтобы ее не ввозили к нам из-за границы. Это он сказал на днях в парламенте, и правильно сказал... Стоп, а это что, позвольте спросить?

Осторожно, точно опасаясь, что она вот-вот взорвется, он вытащил и положил перед собой толстую пачку исписанных на машинке листов.

– Это тоже книга, – сказал Адам. – Я ее сам только что написал. Это мои мемуары.

– Вот оно как? Ну, я их тоже захвачу к начальнику. И вы со мной проходите.

– Но мне нужно поспеть на поезд...

– Пошли, пошли, бывают вещи и похуже, чем опоздать на поезд, – намекнул он зловеще.

Они проследовали во внутреннее помещение, где стены были увешаны отобранной у пассажиров порнографией и какими-то инструментами непонятного назначения. Из соседней комнаты неслись вопли и визги мисс Рансибл, которую приняли за известную аферистку, промышляющую продажей контрабандных драгоценностей, и передали на предмет личного обыска двум свирепого вида досмотрщицам.

– Ну, что у вас там с книгами? – спросил начальник.

По длинному печатному списку, в котором первым значилось «Аристотель. Сочинения (иллюстрированное издание)», они сверили книги Адама, старательно, одну за другой, по складам читая заглавия.

Через кабинет прошла мисс Рансибл, на ходу манипулируя губной помадой и пудрой.

– Адам, миленький, как же я вас не видела на пароходе. Ой, если б я могла вам рассказать, что они там со мной делали... Где только не искали, это со стыда сгореть можно. Точно у врача, и такие злющие старухи, чем-то напоминают вдовствующих герцогинь. Как только попаду в Лондон, сейчас же позвоню всем министрам и во все до одной газеты и сообщу им такие подробности...

Начальник между тем читал рукопись Адама, время от времени издавая смешок, не то победоносный, не то язвительный, но, в общем, непритворно восхищенный.

– Прочитай-ка вот это, Берт, – сказал он. – Здорово закручено, а?

Наконец он собрал листы в пачку, перевязал тесемкой и отложил в сторону.

– Так вот, – сказал он. – Книги по архитектуре и словарь можете взять. И книги по истории, так и быть, тоже забирайте. Но вот эта книга, по экономике, подходит под рубрику «Подрывная пропаганда», она останется у нас. И этот самый «Purgatorio» [2] мне что-то не нравится, ее мы тоже оставим здесь до выяснения. А уж что касается ваших мемуаров, так это чистейшая порнография, мы ее незамедлительно сожжем.

– Боже милостивый, да там нет ни одного слова... вы, наверно, не так поняли...

– Еще чего. Уж я-то знаю, что порнография, а что нет, иначе меня бы тут не держали.

– Но вы поймите, от этой книги зависит мой хлеб насущный!

– А мой хлеб насущный зависит от того, чтобы не пропускать такую пакость в Англию. Так что топайте отсюда, не то ответите перед полицейским судом.

– Адам, миленький, не спорьте, а то мы опоздаем на поезд.

Мисс Рансибл взяла его под руку и потащила на платформу, а по дороге рассказала, на какой замечательный вечер она сегодня приглашена.

– Тошнило? Кого это тошнило?

– Да тебя же, Артур.

– Ничего подобного... просто устал.

– Одно время там действительно стало душно.

– Просто чудо, как эта тетка нас взбодрила. На будущей неделе она выступает в Альберт-холле.

– А что, можно и сходить. Вы как считаете, мистер Гендерсон?

– Она говорит, у нее труппа ангелов. Наряжены, с белыми крыльями, красота. Да если на то пошло, она и сама недурна.

– Ты сколько положил ей в тарелку, Артур?

– Полкроны.

– И я тоже. Странное дело, никогда я раньше не отдавал полкроны вот так, ни за что. Она, черт ее возьми, как-то их из тебя вытягивает.

– В Альберт холле тоже небось придется раскошелиться.

– Скорее всего, но уж больно охота посмотреть на разряженных ангелов, верно я говорю, мистер Гендерсон?

– Фанни, смотри, ведь это Агата Рансибл, дочка бедной Виолы Казм.

– Не понимаю, как это Виола пускает ее всюду одну. Будь она моей дочерью...

– *Твоей* дочерью, Фанни?

– Китти, как не стыдно!

– Прости, милочка, я только хотела сказать... Кстати, ты давно о ней не слыхала?

– Последние вести были совсем плохие, Китти. Она уехала из Буэнос-Айреса. Видимо, окончательно порвала с леди Метроленд. Теперь, говорят, разъезжает с какой-то трупой.

– Какая жалость, милочка, зря я об этом заговорила. Но всякий раз, как я вижу Агату Рансибл, я невольно думаю... Нынешние девушки так много знают... Нам-то, Фанни, приходилось до всего доходить своим умом, это занимало столько времени... Будь у меня в юности такие

преимущества, как у Агаты Рансибл... А кто этот молодой человек, с которым она шла?

– Не знаю, и, честно говоря, мне не кажется... а тебе? На вид он такой сдержанный.

– У него красивые глаза. И походка хорошая.

– Возможно, если бы дошло до дела... И все же, я говорю, будь у меня в свое время такие возможности, как у Агаты Рансибл...

– Ты что ищешь, милочка?

– Смотри-ка, милочка, какие чудеса. Вот они, мои нюхательные соли, все время тут и лежали, вместе со щетками.

– Ах. Фанни, мне так совестно, если б я знала...

– Вероятнее всего, моя дорогая, ты видела на туалете другой пузырек. Может быть, это горничная его туда положила. В той гостинице все бывает, правда?

– Фанни, прости меня...

– Что тут прощать, дорогая? Ведь ты же, милая, правда видела там другой пузырек?

– Смотри-ка, а вон Майлз.

– Майлз?

– Твой сын. дорогая. Ну знаешь, мой племянник.

– Ах, **Майлз!** А знаешь, Китти, кажется, это и в самом деле он. Совсем перестал меня навещать, такой нехороший мальчик.

– Станный у него вид, ужасно похож на педа.

– Знаю, моя дорогая. Это для меня большое огорчение. Но я стараюсь меньше об этом думать, ведь иного трудно было и ждать при том, что представлял собой бедный Троббинг.

– За грехи отцов, Фанни...

Где-то, не доезжая Мейдстона, мистер Фрабник окончательно пришел в себя. Напротив него на диване спали оба детектива – котелки съехали на лоб, рот раскрыт, красные ручищи бессильно лежат на коленях. По стеклам барабанил дождь; в вагоне было очень холодно и стоял застарелый запах табака. Со стен глядели рекламы отвратительных живописных развалин; снаружи под дождем мелькали щиты, рекламирующие патентованные средства и собачьи галеты. «Каждая галета МОЛЛАСИН виляет хвостом», – прочел мистер Фрабник, а колеса без конца отстукивали: «Достопочтенный джентльмен, достопочтенный джентльмен...»

Адам сел в вагон вместе с Цветом Нашей Молодежи. Все они еще выглядели неважно, но сразу воспрянули духом, когда узнали, какому жестокому обращению подверглась мисс Рансибл на таможне.

– Ну, знаете ли, – заявили они, – Агата, деточка, это же просто позор! Это неслыханно, это безобразие, это недомыслие, это варварство, это ужасно, ужасно! – А потом заговорили о предстоящем вечере у Арчи Шверта.

– Кто такой Арчи Шверт? – спросил Адам.

– А-а, это уже после вашего отъезда. Жуткий человек. Его обнаружил Майлз, но с тех пор он так вознесся, что скоро перестанет нас узнавать. В общем-то, он очень

милый, только безнадежно вульгарен, бедняжка. Живет в отеле «Ритц», это, по-моему, шикарно, правда?

– Он и вечер устраивает там?

– Ну что вы, милый, конечно, нет. Вечер будет в доме Эдварда Троббинга. Вы же знаете, это брат Майлза, но он занят какой-то там политикой и ни с кем не знаком. Он заболел и уехал в Кению или куда-то там еще, а его дом на Хартфорд-стрит, идиотский такой дом, стоит пустой, вот мы все туда и переселились. И вы к нам вселяйтесь, очень будет весело. Дворецкий и его жена сначала были очень недовольны, но мы их угощали вином и дарили им всякие вещи, и теперь они в восторге, только и делают, что вырезают из газет заметки о нашем времяпрепровождении.

Одно плохо, что у нас нет машины. Майлз ее разбил, я имею в виду машину Эдварда, а ремонт нам абсолютно не по карману, так что скоро придется переезжать. Да и вообще там все побилось и грязь ужасная. Понимаете, прислуги в доме нет, только вот дворецкий с женой, а они теперь вечно пьяные. Такой дурной пример... Мэри Маус была ангельски добра, она нам присылала корзины с икрой и всякими вкусностями... Сегодняшний вечер Арчи, конечно, тоже устраивает на ее деньги.

– А знаете, меня что-то опять начинает тошнить.

– Ох, Майлз!

(Ох, Цвет Нашей Молодежи!)

У ангелов, ехавших в переполненном вагоне второго класса, настроение поднималось медленно.

– Опять она взяла Оглядку с собой в машину, – сказала Праведная Обида, которая когда-то в течение одной блаженной недели состояла у миссис Оранг в любимицах. – Что она в ней нашла, не понимаю... А в Лондоне хорошо, Стойкость? Я там только раз побывала, уже давно.

– Там просто рай. Магазины и вообще.

– А мужчины там какие, Стойкость?

– У тебя, Непорочность, только и есть на уме что мужчины?

– Ничего подобного. Я просто спросила.

– Как тебе сказать. Смотреть особенно не на что по сравнению с магазинами. Но польза от них есть.

– Слышали? Ай да Стойкость! Вы слышали, что она сказала? Она говорит: «Польза от них есть».

– От магазинов

– Да нет же, дуреха, от мужчин.

Ах, от мужчин? Да, это неплохо сказано.

И вот поезд прибыл на вокзал Виктории, и все эти пассажиры разъехались во все концы Лондона.

Адам оставил чемодан в гостинице и сразу поехал на Генриетта-стрит, к своему издателю. Рабочий день в редакции кончался, многие сотрудники уже разошлись, но Сэм Бенфлит, младший компаньон, с которым Адам всегда имел дело, по счастью, еще сидел в своем кабинете – читал в корректуре роман одной из их постоянных авторш. Это был весьма толковый, молодой еще человек, внешности

элегантной, но строгой (секретарша всегда трепетала, когда входила к нему с чашкой чаю).

– Нет, это у нее не пройдет, – приговаривал он, скрепляя своей подписью протесты наборщика. – Нет, черт возьми, это не пройдет. Этак мы все из-за нее угодим за решетку. – Одной из самых ответственных его обязанностей было «подсаливать» не в меру пресные рукописи и приглушать не в меру откровенные, приводя их таким образом к единому, апробированному на данный день уровню нравственности.

Адама он приветствовал как нельзя более сердечно.

– Рад вас видеть, Адам. Как дела? Садитесь. Закуривайте. Хорошенькой погодой вас встречает Лондон. А на море как было, сносно?

– Так себе.

– Сочувствую. Хуже качки ничего не придумаешь. Может, пообедаете у меня нынче вечером? Будут кое-какие симпатичные американцы. Вы где остановились?

– В «Шепарде». У Лотти Крамп.

– Ну, там не скучно. Я десять лет стараюсь вытянуть из Лотти автобиографию. Да, кстати. Ведь вы, вероятно, привезли нам рукопись? Старик Рэмпол только на днях о ней справлялся. Неделю-то вы уже просрочили. Аннотации давно разосланы, надеюсь, вам понравились. Выпуск назначен на вторую неделю декабря, чтобы она попала в продажу за полмесяца до выхода автобиографии Джонни Хупа. Его то раскупят мгновенно. Там есть кое-какие рискованные места, кое-что пришлось снять – вы же знаете, что такое старик Рэмпол. Джонни очень сердился. А теперь я уже предвкушаю, как буду читать вас.

– Понимаете, Сэм, тут случилась одна ужасная вещь.

– Что такое? Вы, надеюсь, не хотите сказать, что работа не кончена? Договорный срок, сами понимаете...

– Да нет, она кончена. И сгорела.

– Сгорела?

– Сгорела.

– Какой ужас. Надеюсь, вы застрахованы? Адам рассказал ему об обстоятельствах гибели своей автобиографии. Потом наступило долгое молчание

– Сэм Бенфлит размышлял.

– Я все думаю, как бы поубедительнее преподнести это старику Рэмполу.

– Мне кажется, это достаточно убедительно.

– Не знаете вы старика Рэмпола, Адам. Работать под его началом бывает трудновато. Будь моя воля, я бы сказал: «Не торопитесь. Начните сначала. Не надо волноваться». Но от старика Рэмпола никуда не денешься. Он просто помешан на договорных сроках. И вы же сами сказали... Очень это все сложно. Право же, я от души жалею, что так получилось.

– Представьте себе, я тоже.

– Есть и еще одна загвоздка. Вы ведь получили аванс? Если не ошибаюсь, пятьдесят фунтов? Да, это очень усложняет дело. Старик Рэмпол вообще против того, чтобы платить молодым авторам такие большие авансы. Не хотелось бы это говорить, но мое мнение такое: лучше всего было бы вам вернуть аванс – разумеется с процентами, это уж старик Рэмпол непременно потребует –

и расторгнуть договор. Тогда, если бы вам захотелось написать книгу заново, мы бы, конечно, с радостью приняли ее к рассмотрению. Вероятно, вы... вам как, было бы сейчас вполне удобно вернуть аванс?

– И неудобно и просто невозможно, – сказал Адам ничего не выражающим тоном.

Снова наступило молчание.

– Черт знает, какая глупость, – заговорил Сэм Бенфлит. – Это просто безобразие, что таможенными чиновникам разрешают творить такой произвол. Это же совершенно невежественные люди. Понятия не имеют о свободе слова. А мы вот что сделаем. Поместим ряд писем по этому поводу на страницах «Нью стейтсмен»... Черт знает до чего глупо. Но знаете, я, кажется, нашел приемлемый выход. Вы как, успели бы написать книгу заново к тому времени, когда мы публикуем наши весенние списки? Ну вот, тогда мы расторгнем договор, а про аванс забудем. Нет-нет, голубчик, не благодарите. Будь я сам себе хозяин, я бы только так и поступал с утра до ночи. А потом заключим с вами новый договор. К сожалению, несколько менее выгодный, чем прежний. Второго такого старик Рэмпол не подпишет. Да чего же лучше, мы просто заключим с вами наш типовой договор на первый роман. У меня вот и печатный бланк под рукой. Заполнить – одна минута. Вы подпишите вот здесь.

– А условия прочесть можно?

– Сделайте одолжение. Я знаю, на первый взгляд они несколько жестки, но это наша обычная форма. В тот раз мы сделали для вас исключение. Все очень просто. За первые две тысячи экземпляров ничего, потом два с половиной процента, а после десяти тысяч – пять. Право на журнальную публикацию, на экранизацию, инсценировку,

на выпуск в Америке и в колониях и на перевод мы конечно, оставляем за собой и, конечно, следующие ваши двенадцать книг вы в первую очередь предлагаете нам на тех же условиях. В общем, все ясно до предела и не оставляет места для пререканий, отравляющих отношения между издателем и автором. Почти все наши авторы работают по таким договорам... Так, отлично. И по поводу аванса очень прошу вас больше не тревожиться. Мне все понятно. А уж старика Рэмпола я как-нибудь ублажу, в крайнем случае вычтем из моего жалованья.

– Старика Рэмпола ублажу, – задумчиво повторил мистер Бенфлит, когда за Адамом закрылась дверь. Хорошо еще, размышлял он, что ни один автор в глаза не видел старшего компаньона – благостного старичка, который раз в неделю приезжал в город на заседание правления, а делами фирмы интересовался главным образом в связи с судьбой собственной книжечки о разведении пчел, изданной двадцать лет назад и уже давно – хоть и без его ведома – снятой с продажи. В трудные кинуты мистер Бенфлит нередко спрашивал себя, какие аргументы он будет пускать в ход, когда Рэмпола не станет.

Только теперь Адам вспомнил, что он помолвлен. Звали его нареченную Нина Блаунт. На станции метро он вошел в зловонную будку и позвонил ей с автомата.

– Алло.

– Алло.

– Можно попросить мисс Блаунт?

– Сейчас узнаю, дома ли она, – сказал голос мисс Блаунт. – А кто ее спрашивает? – Это была ее маленькая

слабость – притворяться, будто она не сама подходит к телефону.

– Мистер Фенвик-Саймз.

– Ах...

– Иначе говоря, Адам. Как поживаешь, Нина?

– Сейчас мне что-то нездоровится.

– Бедная Нина. Можно к тебе приехать?

– Нет, милый, я как раз собралась принять ванну. Давай лучше пообедаем вместе.

– Обедать я пригласил Агату Рансибл.

– Почему?

– Ее сегодня раздевали какие-то матросы.

– Да, знаю, про это уже есть в вечерней газете... Ну тогда сделаем по-другому. Встретимся на вечере у Арчи Шверта Ты ведь будешь?

– Обещал быть.

– Вот и хорошо. Фрак не надевай. Никто не будет во фраке, кроме Арчи.

– Да, Нина, чуть не забыл. Кажется, я все-таки не смогу на тебе жениться.

– Ну что ты, Адам, как скучно. Почему?

– Они сожгли мою книгу.

– Негодяи. А кто это «они»?

– Расскажу, когда увидимся.

– Да, непременно. До свидания, милый.

– До свидания, моя радость.

Он повесил трубку и вышел из телефонной будки. В вестибюле метро было тесно – люди спасались здесь от дождя, они стряхивали воду с зонтов и читали вечерние газеты. Через плечи ближайших соседей Адам прочел заголовки:

ЧТО ПЕРЕЖИЛА ДОЧЬ ПЭРА В ДУВРЕ.

**СВЕТСКАЯ КРАСАВИЦА ПРЕДЪЯВЛЯЕТ СЕРЬЕЗНЫЕ
ОБВИНЕНИЯ.**

**ДОСТОПОЧТ. АГАТА РАНСИБЛ ЗАЯВИЛА: «СО СТЫДА
СГОРЕТЬ МОЖНО».**

– Бедняжечка, – возмущалась рядом с ним какая-то пожилая женщина. – Вот уж безобразие так безобразие. И личико у нее такое милое. Я вчера только видела ее портрет в газете. Всюду им надо нос совать, такие бессовестные. А отцу-то ее каково? Видишь, Джейн, тут и про него прописано: «В интервью, данном им сегодня вечером в Карлтон-клубе, лорд Казм...» – это ее папаша – «сказал, что отказывается сделать какое-либо определенное заявление. «Мы этого так не оставим», – добавил он». И правильно добавил, неужто это можно так оставить! Душа болит за девушку, ну точно она моя родная дочь. Столько раз ее портрет видела, а наша Сара ведь ходила по вторникам убирать черную лестницу в том доме, где раньше ее тетка жила – та, что прошлый год развелась, еще такое скандальное было дело.

Адам купил газету. Теперь всех денег у него осталось ровно десять шиллингов. Идти пешком в такой дождь не хотелось, и он доехал в битком набитом поезде метро до Дувр-стрит, а оттуда пробежал по лужам до отеля «Шепард» (который мы, применительно к настоящему повествованию, условно поместили на углу Хэй-Хилла).

Глава 3

Лотти Крамп, хозяйка гостиницы «Шепард» на Дувр-стрит, в неизменном сопровождении своих двух скотч-терьеров, служит нам отрадным напоминанием о том, что наследие блестящей эпохи Эдуарда – это не только леди Энкоредж и миссис Блекуотер. Лотти – видная женщина, неподвластная влиянию житейских невзгод и отказывающаяся замечать те общественные перемены, что так волнуют ее более наблюдательных сверстниц из высшего света. Когда началась война, Лотти сняла со стены фотографию кайзера с собственноручной надписью и не без торжественности перевесила ее в уборную для мужской прислуги. На этом ее боевые действия закончились. С тех пор она познала свою долю забот – подоходный налог, ограничения продажи спиртных напитков, молодые люди, чьи отцы были ее добрыми друзьями, сующие ей фальшивые чеки, – но все это быстро забывалось. Человек, задыхающийся от современности, если только лицо его нравится Лотти, и теперь еще может в любую минуту прийти в гостиницу «Шепард» и жадными, целительными глотками вдыхать холодный и чистый воздух довоенной незыблемости.

Здание гостиницы имеет простой кирпичный фасад с небольшим фронтоном и широкий, простой парадный подъезд. Внутри оно напоминает загородный дом. Лотти обожает распродажи и, всякий раз как идет с молотка еще одно родовое гнездо времен ее молодости, старается

унести что-нибудь к себе на память о прошлых днях. В гостинице тесно от мебели, частью прекрасной, частью невообразимо уродливой; там полно красного плюша, и красной кожи, и всевозможных свадебных подарков восьмидесятих годов, в особенности тех механических приспособлений, украшенных монограммами и гербами, что связываются в нашем представлении с сигарами. Так и кажется, что в ванной там должны быть свалены крокетные молотки и клюшки для поло, в нижнем ящике комода – детские игрушки, а в коридорах между обитыми сукном, пропахшими сыростью дверьми – велосипед, и трость из тех, что превращаются в пилу, и план поместья, и старинная, с торчащей соломой мишень для стрельбы из лука. (На самом же деле если вы что и обнаружите в своем номере, так только пустую бутылку от шампанского или смятую ночную кофточку.)

Прислуга здесь, как и мебель, старая и побывавшая в услужении у знати. Метрдотель Додж – он теперь туг на ухо, подслеповат и замучен подагрой – когда-то был дворецким у Ротшильдов. Более того, он не раз качал на коленях отца Ротшильда, когда тот в раннем детстве приезжал со своим отцом (одно время пятнадцатым по богатству человеком в мире) навестить еще более богатых родичей; но не в характере Доджа было бы притворяться, будто он питал симпатию к будущему иезуиту, который уже тогда был «смышлен не по летам», любил задавать мудреные вопросы и отличался редкостной проницательностью в распознавании всякой лжи и преувеличений.

Кроме Доджа, там имеются несчетные старые горничные, которые с утра до ночи трусят взад-вперед с кувшинами горячей воды и чистыми полотенцами. Имеется там и молодой итальянец, который выполняет почти всю работу и выслушивает оскорбительную ругань Лотти – она

как-то застала его в ту минуту, когда он пудрил себе нос, и не дает ему об этом забыть. Это чуть ли не единственный эпизод из ее личной жизни, который она предала широкой гласности.

В гостиной Лотти, этом главном средоточии жизни «Шепарда», размещается богатое собрание снимков мужской половины едва ли не всех царствующих фамилий Европы (кроме бывшего германского императора, так и оставшегося в изгнании, несмотря на то, что в связи с его вторым браком отношение к нему заметно потеплело). Здесь запечатлены на фотографиях молодые мужчины, верхом берущие барьеры, пожилые мужчины – победители на «классических» скачках, отдельно лошади и отдельно молодые мужчины в тесных белых воротничках и в гвардейских мундирах. Есть карикатуры работы «Шпиона» и снимки, вырезанные из иллюстрированных журналов, многие с кратким некрологом «Пал на поле боя». Есть снимки яхт с распущенными парусами и пожилых мужчин в яхтсменских кепи; есть несколько забавнейших снимков автомобилей первых марок. Есть считанное число писателей и художников, и нет ни одного актера, ибо Лотти, как истинный сноб старого закала, превыше всего ценит деньги и титулы.

Когда Адам вошел в гостиницу, Лотти стояла в холле и ругала лакея-итальянца.

– Совсем нас забыли, – сказала она. – Входите, входите. Мы тут как раз собрались выпить. Встретите многих старых знакомых.

Она повела Адама в гостиную, где сидело несколько мужчин – ни одного из них Адам раньше не видел.

– С лордом Какбишьего вы, конечно, все знакомы? – спросила Лотти.

– Мистер Саймз, – поправил Адам.

– Да, голубчик, я так и говорю. Ведь я вас знала, когда вас еще на свете не было. Как ваш батюшка, жив-здоров?

– Нет, к сожалению, умер.

– Подумать только. Я бы вам могла кое-что о нем порассказать. Ну а пока знакомьтесь. Это мистер Забылафамилию, вы его, наверно, помните. А вон тот в углу – майор, а это мистер Нукакого, а это американец, а вот король Руритании.

– Увы, бывший, – сказал печальный мужчина с бородой.

– Бедненький, – сказала Лотти, питавшая слабость к коронованным особам, даже свергнутым с престола. – Такое, право, безобразие. После войны взяли и выгнали в шею. И ни гроша в кармане. Много-то у него никогда не было. А теперь и жену его упрятали в желтый дом.

– Бедная Мария-Христина. Это правда, что миссис Крамп сказал. У нее мозги совсем нет. Она думает, все люди – бомба.

– Что правда, то правда, – горячо подхватила Лотти. – Я в субботу возила короля к ней на свидание (не хочу, чтобы он ездил третьим классом). Жалко ее до слез. Все время подпрыгивает, дрожит. Ей мерещится, что в нее что-то бросают.

– И одна вещь странная, – сказал король. – Во всех моих родных бросали бомбы, а в королева никогда. Мой бедный дядя Иосиф, его разорвало на куски в опере, моя сестра нашла три бомбы в своей постели. А моя жена – никогда. Но один день горничная причесывала ее перед обедом и говорит: «Ваше величество, повар брал урок от повара французской миссии...» Еда в моем доме не была, как вы

говорите, шик. Баранина горячая, завтра баранина холодная, потом та же баранина опять горячая, но вкус хуже, не шик, вы понимаете... «Он брал урок от французского повара, – говорит горничная, – и приготовил одна большая бомба. Это сюрприз к обеду сегодня, для шведский посланник». Тогда бедная королева сказал «ах», вот так, и теперь ее бедные мозги перепутался.

Бывший король Руритании тяжело вздохнул и закурил сигару.

– Ну что ж, – сказала Лотти, смахнув слезу, – давайте выпьем. Вот вы, ваша честь, судья Каквастам, может, угостите общество?

Американец, которого, как и остальных слушателей, рассказ экс-короля взволновал до глубины души, ответил с поклоном:

– Я почту за большую честь, если его величество, и вы, миссис Крамп, и все присутствующие джентльмены...

– Вот и молодец, – сказала Лотти. – Эй, где там мой сказочный принц? Опять небось пудрится. Ну-ка, Нэнси, отложи косметику и иди сюда.

Итальянец появился на пороге.

– Бутылку вина, – сказала Лотти. – Запишешь на судью Какего. (В гостиной у Лотти «вино», если сорт не оговорен особо, означает шампанское. Еще там процветает таинственная игра в кости, где каждая партия кончается тем, что кто-нибудь преподносит по бутылке вина каждому из участников. Впрочем, Лотти – справедливая душа: выписывая счета своим постояльцам, она обычно устраивает так, что за все платят самые богатые.)

После третьей или четвертой бутылки Лотти сказала: – А знаете, кто сегодня обедает у нас наверху? Премьер-министр.

– Я никогда не любил премьер-министры. Они все говорят, говорят, говорят. «Сэр, вам надо подписать вот это». «Сэр, вам надо поехать сюда и туда». «Сэр, вам надо застегнуть эту пуговицу, прежде чем дать аудиенция черному послу из Либерии». Ха! После войны мой народ дал мне по шапке, но моего премьер-министра они выбросили из окна, прямо бух – и на землю. Ха-ха.

– Причем обедает не один, – сказала Лотти, очень хитро подмигнув.

– Кто, сэр Джеймс Браун? – спросил майор, шокированный, несмотря ни на что. – Быть не может.

– Нет, фамилия ему Фрабник.

– Он не премьер-министр.

– Нет, премьер. Я в газете читала.

– Нет, не премьер. Он ушел с поста на прошлой неделе.

– Ну и чудеса. Все время они меняются. Просто сладу с ними нет. Додж! Додж! Как зовут премьер-министра?

– Простите, мэм, не расслышал.

– Как зовут премьер-министра?

– Нет, мэм, нынче не ожидается. Мне, во всяком случае, ничего не сообщали.

– Невозможный старик. Как зовут премьер-министра?

– О, прошу прощения, мэм, я вас не понял. Сэр Джеймс Браун, мэм, баронет. Очень приятный человек, так мне

говорили. Консерватор, если не ошибаюсь. Они из Глостершира, как будто так.

– Ну, что я говорила? – торжествующе воскликнула Лотти.

– Это очень удивительная вещь, ваш конституция, – сказал бывший король Руритании. – В детстве меня все время обучали только британская конституция. Мой домашний учитель был раньше учитель в вашей школе Итон. А теперь, когда я приехал в Англию, тут все время новый премьер-министр, и никто не знает, который какой.

– Понимаете, сэр, – сказал майор, – это все по вине либералов.

– Либералы? Да. У нас тоже были либералы. Я вам расскажу. Я имел одна золотая вечная ручка. Мой крестный, добрый эрцгерцог Австрийский, подарил мне одна золотая вечная ручка с орлами. Я любил моя золотая вечная ручка. – Король прослезился. Ему теперь не часто доводилось пить шампанское. – Я очень любил моя золотая вечная ручка с маленькими орлами. И один день у нас стал министр-либерал. Граф Тампен, человек чрезвычайной скверности, миссис Крамп. Он пришел ко мне говорить, и стоял около моего секретера, и говорил слишком много – про что, я не понимал. А когда он ушел – где моя золотая вечная ручка с орлами? Тоже ушла.

– Бедный король, – сказала Лотти. – Вы не унывайте, лучше выпейте еще бокал.

– ... Почту за большую честь, – сказал американец, – если ваше величество, и эти джентльмены, и миссис Крамп...

– Додж, пришлите-ка сюда моего херувимчика... Эй ты, судья просит еще бутылку вина.

– Зачту по большую честь... почту за большую честь, если миссис величество, и эти джентльмены, и его Крамп...

– Молодец, судья. Сейчас принесут еще бутылку.

– Почту за большую Крамп, если его джентльмены, и эти величества, и миссис честь...

– Да-да, судья, все правильно. Вы там смотрите, друзья, как бы он не свалился. И пьют же эти американцы.

– ... Почту за величество Крамп, если миссис джентльмен...

И его честь судья Скимп из федерального верховного суда залился громким смехом. (В оправдание всех этих людей следует напомнить, что никто из них еще не обедал.)

В комнате, между прочим, находился также некий молодой человек с усами, на вид очень тихий и корректный. До сих пор он молча пил в своем уголке, лишь изредка бросая судье Скимпу короткое «за ваше», а теперь вдруг поднялся и сказал:

– Держу пари, что вам этого не сделать.

Он выложил на стол три монеты по полпенса и не спеша подвигал их, после чего гордо вскинул голову. – К каждой монете я прикоснулся всего пять раз, – сказал он, – и два раза поменял их местами. Ну-ка, кто так сумеет?

– Вот это ловкость рук! – сказала Лотти. – И где только вас такому обучили?

– Один тип в поезде показал.

– Мне кажется, это нетрудно, – сказал Адам.

– А вы попробуйте. Не выйдет. Держу пари на что хотите.

– На сколько, например? – Лотти сияла, такие вещи были в ее вкусе.

– На сколько хотите. На пятьсот фунтов?

– Соглашайтесь, – сказала Лотти. – Выиграете. У него денег много.

– Идет, – сказал Адам.

Он взял монеты и тоже подвигал их по столу, а кончив, спросил: – Ну как?

– Ах, черт побери, – сказал молодой человек. – В первый раз вижу. Я за одну неделю заработал этим фокусом уйму денег. Получите. – Он достал бумажник и протянул Адаму кредитку в пятьсот фунтов. Потом опять сел в тот же уголок.

– Одобряю, – сказала Лотти. – Сразу виден благородный человек. По этому случаю надо выпить. И все выпили еще по бокалу. Вскоре молодой человек опять встал с места.

– Предлагаю реванш. Орел или решка. Два из трех – выигрыш.

– Идет, – сказал Адам.

Они бросили монету по два раза, и оба раза выиграл Адам.

– Ах, черт побери, – сказал молодой человек, протягивая ему вторую кредитку. – Везет вам.

– У него денег куры не клюют, – сказала Лотти. – Тысяча фунтов для него пустяк.

Ей нравилось воображать это про всех своих постояльцев. Но в данном случае она заблуждалась. У этого молодого человека было в кармане столько денег потому, что он только что продал те немногие ценные бумаги, которые у него еще оставались, чтобы купить новый автомобиль. Вместо этого он на следующий день с горя купил подержанный мотоцикл.

Чувствуя легкое головокружение, Адам выпил еще бокал, чтобы мысли прояснились.

– Можно, я схожу позвоню? – сказал он. И позвонил Нине Блаунт.

– Это Нина?

– Адам, милый, ты уже пьян.

– Откуда ты знаешь

– Слышу. Тебе что нужно, а то я сейчас уезжаю обедать.

– Я только хотел сказать, что пожениться мы сможем. У меня есть тысяча фунтов.

– Чудесно. А как ты их добыл?

– Расскажу, когда увидимся. Мы где обедаем?

– В «Ритце». Потом к Арчи. Милый, я очень рада, что мы поженимся.

– Я тоже. Но не надо делать из этого мелодраму.

– А я и не собиралась. К тому же ты пьян.

Он вернулся в гостиную. Мисс Рансибл уже приехала и стояла в холле, разодетая для вечера.

– Кто эта девка? – спросила Лотти.

– Она не девка. Это Агата Рансибл.

– А на вид девка... Здравствуйте, душенька, входите. Мы тут как раз собрались выпить. Вы, конечно, со всеми знакомы? Вот этот, с бородой, – король... Нет, солнышко, король Руритании. Вы не обиделись, что я приняла вас за девку, нет? Очень уж похоже, и наряд весь такой. Теперь-то я, конечно, вижу, что ошиблась.

– Дорогая моя, – сказала Агата Рансибл, – если б вы увидели меня сегодня днем... – И она стала рассказывать Лотти Крамп про свои злоключения на таможне.

– Что бы вы сделали, если бы вдруг получили тысячу фунтов? – спросил Адам.

– Тысячу фунтов, – сказал король, и глаза его затуманились от такого фантастического видения. – Ну, сначала я бы купил дом, автомобиль, и яхта, и новые перчатки, а потом основал бы в моей стране одна маленькая газета, чтобы она писала, что я должен вернуться и быть король, а потом не знаю, что буду делать, когда опять получу веселость и великолепность.

– Но к сожалению, сэр, тысячи фунтов на все это не хватит.

– Да?... Не хватит?... Целой тысячи фунтов? Ну, тогда я, наверно, куплю золотая вечная ручка с орлами, какая украли либералы.

– А я знаю, что бы я сделал, – сказал майор. – Я бы поставил их на лошадь.

– На какую?

– Могу вам назвать аутсайдера, у которого есть все шансы победить в ноябрьском гандикапе. Кличка –

Селезень. Пойдет в двадцати к одному, а то и меньше. Если поставить на нее тысячу и она придет, вы сразу станете богатым человеком, разве нет?

– Верно. Это идея. Вы знаете, я, пожалуй, так и сделаю. Идея просто замечательная. А как это можно сделать?

– Давайте мне вашу тысячу, я все устрою.

– Вы очень любезны.

– Ничего, ничего, пожалуйста.

– Нет, в самом деле, это очень любезно с вашей стороны. Спасибо, вот они. Вам налить?

– Нет, уж это я угощаю.

– Я первый сказал.

– Ну, тогда выпьем вместе.

– Одну минуту, мне только нужно позвонить по телефону. Он позвонил в отель «Ритц» и попросил найти Нину.

– Милый, ты что-то очень часто звонишь.

– Нина, у меня к тебе важный разговор.

– Слушаю, милый.

– Нина, тебе что-нибудь известно про лошадь по кличке Селезень?

– Кажется, да. А что?

– Какая это лошадь?

– Никуда не годная. Она принадлежит матери Мэри Маус.

– Совсем плохая лошадь?

– Да.

– У нее нет шансов победить в ноябрьском гандикапе?

– Ни малейших. Ее, наверно, даже не выпустят. А что?

– Знаешь, Нина, выходит, что мы все-таки не сможем пожениться.

– Почему, дорогой?

– Да понимаешь, я поставил мою тысячу фунтов на Селезня.

– Очень глупо сделал. Ты не можешь взять их обратно?

– Я их отдал майору.

– Какому еще майору?

– Вдребезги пьяному. Фамилии не знаю.

– Ну, так постарайся догнать его, пока не поздно. А мне надо идти, я обедаю. До свидания.

Но когда он вернулся в гостиную Лотти, майора там не было.

– Какой майор? – ответила Лотти вопросом на его вопрос. – Я тут никакого майора не видела.

– Тот, с которым вы меня познакомили. Сидел вот там, в углу.

– С чего вы взяли, что он майор?

– Вы же мне и сказали.

– Голубчик, я его в первый раз видела. Но он, пожалуй, и правда похож на майора, разве нет? Вы нам не мешайте, эта милашечка рассказывает мне ужасно интересные вещи. Аж сердце замирает, до чего безнравственные бывают люди.

Пока мисс Рансибл заканчивала свою историю (которая при каждом повторении все больше смахивала на непристойную антитурецкую пропаганду), бывший король поведал Адаму, что он тоже знал одного майора – тот приехал из Пруссии с задачей реорганизовать руританскую армию, а потом скрылся в южном направлении, прихватив с собой все столовое серебро из офицерского собрания, жену лорда-камергера и пару подсвечников из королевской часовни.

К тому времени, как мисс Рансибл кончила, негодование Лотти достигло предела.

– Просто уму непостижимо, – сказала она. – Этакие скоты. А я ведь знала вашего батюшку, когда вас не то что на свете, даже в проекте еще не было. Сейчас же поговорю об этом с премьер-министром. – Иона взялась за телефонную трубку. – Мне Фрабника, – сказала она телефонисту. – Он наверху, в двенадцатом номере, с японкой.

– Фрабник не премьер-министр, Лотти.

– Нет, премьер. Вы разве не помните, что сказал Додж?... Алло, это Фрабник? Говорит Лотти. И вам не совестно? Лучше ничего не придумали, чем срывать платье с бедной, незащищенной девушки?

Лотти говорила еще долго.

Мистер Фрабник уже пообедал, и упреки, сыпавшиеся на него из телефона, отчасти соответствовали его настроению. Он далеко не сразу сообразил, что речь идет

всего лишь о мисс Рансибл. Лотти к тому времени почти иссякла, однако закончила весьма эффектно.

– Не Фрабник вы после этого, а похабник, – сказала она, швыряя трубку. – Вот какого я о нем мнения. А теперь, может, выпьем?

Но компания ее уже распалась. Майор ушел, судья Скимп спал, уронив красивые белые волосы в пепельницу. Адам и мисс Рансибл решали, куда отправиться обедать. Вскоре остался только король. Он предложил Лотти руку с изысканной грацией, усвоенной много лет назад в далеком краю, в маленьком солнечном дворце, где огромная люстра разбрасывала звездные блески, как бриллианты от разорванного колье, по малиновому ковру с тканым узором из монограмм и корон.

И они вдвоем проследовали в столовую.

Наверху в двенадцатом номере – апартаментах просторных и даже роскошных – мистер Фрабник уже скользил вниз с вершины отваги, на которую с таким трудом взобрался. Если бы не этот телефонный звонок, говорил он себе, он, безусловно, довел бы дело до конца. А теперь баронесса лепечет, что его, вероятно, ждут дела, и она, конечно, ему мешает, и пусть будет так любезен, вызовет ее машину.

До чего же это все трудно. По европейским понятиям приглашение пообедать вдвоем в номере «Шепарда» могло означать только одно. То, что она согласилась приехать в первый же вечер по его возвращении в Англию, исполнило его трепетной надежды. Но во время обеда она держалась так спокойно, так по-светски непринужденно. Впрочем, как раз перед тем, как зазвонил телефон, когда они только что

встали из-за стола и пересели к камину – тут, несомненно, да, несомненно, чем-то таким повеяло. Но с этими восточными женщинами никогда не знаешь... Он обхватил руками колени и выговорил каким-то странным, чужим голосом, неужели ей нужно уезжать, и что так было чудесно после двух недель, и еще – совсем уже через силу – что он столько думал о ней в Париже. (Ах, куда девались слова – те сокровища речи, что он мог растрачивать как хотел, швырять в палату общин, где они сверкающими крутящимися червонцами катились по полу! Где те несчетные фразы, что он звонкими пригоршнями рассыпал по своему избирательному округу!)

Маленькая баронесса Иосивара, сложив золотые ручки на коленях золотого вечернего платья от Пакена, сидела, куда ее послали, еще более озадаченная, чем мистер Фрабник, и ждала приказаний. Что нужно этому лукавому англичанину? Если он занят, почему не велит ей уйти? Не скажет приехать в другой раз? Если хочет, чтобы его любили, почему не подзовет ее? Почему не поднимет с этого красного плюшевого кресла и не посадит к себе на колени? Или она сегодня выглядит безобразной? Ей-то казалось, что нет. Так трудно понять, что нужно этим западным мужчинам.

И тут опять зазвонил телефон.

– Одну минуту, – сказал чей-то голос. – С вами будет говорить отец Ротшильд... – Это вы, Фрабник? Очень вас прошу, приезжайте ко мне, как только сможете. Мне нужно обсудить с вами ряд вопросов.

– Право же, Ротшильд, не понимаю, к чему это. У меня гостья.

– Баронессе следует немедленно ехать домой. У лакея, который подавал вам кофе, брат работает в японском посольстве.

– Боже мой, неужели? Но почему вы не хотите потревожить Брауна? Ведь премьер-то он, а не я.

– Вы вступаете в должность завтра... Прошу вас, как можно скорее, адрес вам известен.

– Ну хорошо, хорошо.

– О да, конечно.

Глава 4

На вечере у Арчи Шверта пятнадцатый маркиз Вэнбру, граф Вэнбру де Брендон, барон Брендон, лорд Пяти Островов и наследственный сокольничий королевства Коннот, сказал восьмому графу Балкэрну, виконту Эрдинджу, Алому рыцарю Ланкастерскому, Паладину Священной Римской империи и Шенонсосскому Герольду герцогства Аквитании: – Здорово. Ну и отвратный вечер. Ты что будешь о нем писать? – потому что оба они по странной случайности вели отдел светской хроники в ежедневных газетах.

– Я уже передал материал по телефону, – сказал лорд Балкэрн. – Теперь, слава тебе господи, можно и уходить.

– А у меня что-то ни одной мысли в голове, – сказал лорд Вэнбру. – Вчера моя редакторша заявила, что ей надоело изо дня в день читать одни и те же имена, а сегодня они опять все тут, все до единого. Ну, расстроилась помолвка Нины Блаунт, но это не бог весть какая сенсация. Агата Рансибл обычно тянет на несколько абзацев, но ее завтра разгоняют на всю первую полосу в связи с этой историей на таможне.

– У меня неплохо получилось про Эдварда Троббинга, как он живет в Канаде в бревенчатой хижине, которую построил сам, с помощью одного только индейца. Меня это потому соблазнило, что Майлз сегодня наряжен индейцем. Недурно, а?

– Очень даже недурно. Можно, я это использую?

– Хижину, так и быть, возьми, но индейца оставь мне.

– А где он на самом деле обретается?

– Кажется, в Оттаве, как гость правительства.

– Кто эта страховитая женщина? Чем-то она, по-моему, знаменита. Это не миссис Мелроз Оранг? Я слышал, она должна здесь быть.

– Которая?

– Да вон, подходит к Нине.

– Ох, нет. Она никто. Сейчас ее зовут миссис Пэнраст.

– Она как будто тебя знает.

– Да, я с ней знаком всю жизнь. Она, понимаешь ли, моя мать.

– Ах, прости, мой милый. Можно я об этом упомяну?

– Лучше не надо. В семье ее терпеть не могут. Она ведь с тех пор два раза разводилась.

– Ну понятно, мой милый. Не буду.

Пять минут спустя он сидел у телефона и диктовал: - ... орхидея, точка. Абзац. Одной из самых интересных женщин в зале была миссис Пэнраст, П, Э, Н, Р, А... нет, С, система... бывшая графиня Балкэрн. Она одевается в строгом,

мужском стиле, который придает такой шик многим американкам, точка. С ней был ее сын, запятая, нынешний граф Балкэрн. Лорд Балкэрн, запятая, один из немногих истинно светских молодых людей... Достопочтенный Майлз Злопрактис был в костюме индейца. В настоящее время он живет в доме своего брата лорда Троббинга, где и состоялся вчерашний вечер. Выбор этого костюма был особенно... как бы это сказать... вот, был особенно пикантным, курсив, потому что лорд Троббинг, по последним сведениям, живет сейчас в Канаде в бревенчатой хижине, которую он построил своими руками, с помощью одного-единственного слуги-индейца, точка...

Теперь вам ясно, какого рода вечер был этот вечер у Арчи Шверта.

Мисс Маус (в чрезвычайно смелом туалете от Шерюи) сидела на стуле у стены и смотрела во все глаза. Нет, никогда ей не привыкнуть к таким волнующим переживаниям! Она привела с собой подругу, некую мисс Браун, потому что гораздо интереснее, если есть с кем поговорить. Просто дух захватывает, когда на твоих глазах никчемные деньги, скопленные отцом, как по волшебству превращаются в такой блеск, и шум, и столько молодых скучающих лиц. Арчи Шверт, пробегая мимо с бутылкой шампанского, приостановился, сказал: – Мэри, как себя чувствуете, деточка, веселитесь? – и побежал дальше.

– Это Арчи Шверт, – сказала мисс Маус своей подружке. – Удивительно интересный человек.

– Да? – отозвалась мисс Браун, которой очень хотелось выпить, только она стеснялась это сказать. – Какая ты

счастливица, Мэри, знаешь столько занятных людей. А у меня совсем нет знакомых.

– И приглашения так интересно составлены, правда? Это Джонни Хуп сочинил.

– Да, наверно. Но знаешь, какой ужас, я ведь все эти имена в первый раз слышу [3].

– Ну что ты, милая, не может быть, – сказала мисс Маус и где-то очень глубоко, в неизведанных уголках своей души, ощутила легкий, непривычный трепет превосходства. Сама она несколько дней назад подробно изучила это приглашение у отца в библиотеке и теперь знала все про всех.

В этом новом для нее состоянии душевного подъема она уже готова была пожалеть, что не приехала в маскарадном костюме. Вечер назывался дикарским – Джонни написал в приглашении, что все должны нарядиться дикарями. Многие так и сделали. Сам Джонни, в маске и черных перчатках, изображал магараджу Поккапорского, к некоторой досаде самого магараджи, который тоже оказался в числе гостей. Подлинная аристократия – младшие отпрыски тех двух-трех фамилий пивоваров, что правят Лондоном, – не снизошла до переодевания. Они приехали с какого то бала и держались кучкой, явно забавляясь, но сами совсем не забавные. Сердце у мисс Маус билось, как птичка в клетке. Ее так и подмывало сбросить свой ослепительный туалет и, оголившись до пояса, станцевать танец вакханки. Когда-нибудь, думала мисс Маус, она еще их всех удивит.

Был там один известный актер, который шутил. (Правда, те, кто смеялся, смеялись не тому, что он говорил,

а тому, как это говорилось.) «Я приехал на этот вечер диким вдовцом», – заявил он. Вот такие он отпускал шутки, но, разумеется, лицо у него при этом было очень смешное.

Мисс Рансибл переоделась в гавайский костюм и была душой общества.

Были там, в другой комнате, два человека с запасом взрывчатого вещества – они делали снимки. Их вспышки и взрывы порядком нервировали гостей, создавая несколько напряженную атмосферу, потому что все строили пренебрежительные мины и говорили, какая тоска эти газеты и угораздило же Арчи пустить сюда фотографов, но на самом деле большинству ужасно хотелось сфотографироваться, а остальные дрожали от неподдельного страха – вдруг их снимут без их ведома, и тогда их мамы узнают, где они были, когда сказали, что едут потанцевать к Бистерам, и опять будет сцена, а это так утомительно, не говоря уже о прочем.

Были там и Адам с Ниной, они немного расчувствовались.

– А знаешь, – сказала она, выдирая у него клочок волос, – я почему-то была уверена, что ты шатен.

Арчи Шверт, пробежавший мимо с бутылкой шампанского, остановился и сказал: – Разве можно быть такой садисткой, Нина?

– Катись отсюда, баранья твоя голова, – сказал Адам, изображая простолюдина. И добавил уже более нежно: – И теперь ты разочарована?

– Да нет, просто немножко чудно, решила выйти замуж за шатена, а он, оказывается, блондин.

– Но ведь помолвка наша все равно расстроилась... или нет?

– Я еще не уверена. У тебя хоть сколько-нибудь денег есть?

– Нет, дорогая, ни гроша. Даже за обед сегодня пришлось платить бедной Агате. А что я буду делать, когда Лотти Крамп подаст мне счет, одному богу ведомо.

– В конце концов... Адам, пожалуйста, не спи... есть еще папа. По-моему, он гораздо богаче, чем кажется. Он мог бы ссудить нас деньгами на то время, пока ты ничего не получаешь за свои книги.

– А ведь если я буду писать по книге в месяц, то через год развяжусь с этим договором... Как-то я об этом раньше не подумал... Это ведь вполне можно сделать... или нет?

– Конечно, можно, милый. Знаешь что? Давай-ка мы завтра съездим к папе. Хочешь?

– Это было бы просто божественно.

– Адам, не спи...

– Прости, милая. Я хотел сказать, что это было бы просто божественно.

И он уснул, положив голову к ней на колени.

– Красота, да и только, – сказал Арчи Шверт, проходя мимо с бутылкой шампанского.

– Адам, проснись, – сказала Нина, выдирая у него еще немного волос. – Нам пора уезжать.

– Было бы божественно... Ой, неужели я заснул?

– Да, ты проспал часа три. А я тобой любовалась.

– И ты все время сидела... Честное слово, Нина, ты что-то расчувствовалась... Куда мы отправимся?

Гости уже почти все разъехались. Оставалось человек десять – то твердое ядрышко веселья, которое ничем не расколоть. Было около трех часов ночи.

– Поехали к Лотти Крамп, там выпьем, – сказал Адам. И они, погрузившись в два такси, покатали через Баркли-сквер – дождь, казалось, смысл с этой площади всю косметику – на Дувр-стрит. Но в «Шепарде» ночной швейцар сказал им, что миссис Крамп только что легла. Кажется, у судьи Скимпа еще не спят, может, они желают присоединиться? Они поднялись в номер судьи Скимпа, но оказалось, что там произошло несчастье с люстрой, на которой пыталась покачаться одна из девиц. Сейчас ей промывали рассеченный лоб шампанским; двое гостей крепко спали.

Так что Адам и его компания опять вышли под дождь.

– Конечно, на худой конец есть еще «Ритц», – сказал Арчи. – Там у ночного швейцара всегда можно чем-нибудь разжиться. – Но сказал он это таким голосом, что все остальные сразу сказали: нет, не стоит, «Ритц» среди ночи – это невыносимая скука.

Они пошли было к Агате Рансибл, жившей в двух шагах, но оказалось, что она потеряла свой ключ, так что ничего не вышло.

Вот-вот кто-то должен был произнести роковые слова: «Ну, мне, пожалуй, пора и спать. Подвезти кого-нибудь до Найтс-бриджа?» – и на этом вечер бы закончился.

Но тут раздался взволнованный голосок: – А почему бы не поехать к нам?

То была мисс Браун.

И вот они опять погрузились в такси и поехали уже подальше, к мисс Браун. Она зажгла свет в мрачноватой столовой и угостила всех виски с содовой (показав себя неплохой хозяйкой дома, хоть и не в меру радушной). Потом Майлз заявил, что проголодался, и все пошли вниз, в необъятную кухню, где с полок глядели кастрюли и сковороды всевозможных сортов и размеров, и тут отыскивали яйца и ветчину, из которых мисс Браун и сготовила яичницу. Потом вернулись в столовую, выпили еще немного виски, и Адам снова заснул. Тут Вэнбру сказал: – Вы мне разрешите позвонить от вас по телефону? Мне только передать в газету конец корреспонденции.

Мисс Браун провела его в кабинет, чем-то похожий на канцелярию, и он продиктовал свою колонку до конца, а потом вернулся к остальным и выпил еще виски.

Для мисс Браун это был упоительный вечер. Возбужденная успехом своего гостеприимства, она порхала от гостя к гостю, предлагая кому спички, кому сигару, кому грушу из огромной золоченой вазы, стоявшей на буфете. Подумать только, все эти блистательные особы, о которых она столько слышала от мисс Маус и так ей завидовала, они здесь, в папиной столовой, и называют ее «дорогая» и «деточка»! А когда они наконец стали уверять, что теперь им в самом деле пора, мисс Рансибл сказала: – Мне-то просто некуда ехать, ведь я потеряла ключ. Ужасно будет неудобно, если я здесь переночую?

Мисс Браун ответила, замирая от страха, но совершенно естественным тоном: – Ну что вы, Агата, деточка, это будет божественно.

И тогда мисс Рансибл сказала: – Вы просто божественно добры, дорогая.

Какое блаженство!

На следующий день в половине десятого семья Браун собралась в столовой к утреннему завтраку.

Первыми пришли четыре скромные девушки (та, что ночью принимала гостей, была из них самая младшая). Брат их, работавший в гараже, уходил из дому намного раньше. Они уже сидели за столом, когда вошла их мать.

– Хочу вам напомнить, дети, – сказала она, – нужно за завтраком побольше разговаривать с папой. А то он обижается. Чувствует себя посторонним. Его так легко втянуть в разговор, стоит только немножко постараться. Ведь ему все интересно.

– Хорошо, мама, – сказали они. – Мы и так стараемся.

– Ну а как было у Бистеров, Джейн? – продолжала мать, разливая кофе. – Потанцевали, повеселились?

– Было просто божественно, – ответила младшая мисс Браун.

– Как, как ты сказала?

– Было прелестно, мама.

– Еще бы. Вы, нынешние девушки, счастливицы. Когда я была в вашем возрасте, столько балов не устраивали. Раз два в неделю во время сезона, а уж чтобы до Рождества – этого не бывало.

– Мама!

– Да, Джейн?

– Мама, я пригласила одну девушку у нас переночевать.

– Хорошо, милая. Когда? Ты ведь знаешь, ближайшие дни у нас заняты.

– Вчера, мама.

– Нет, это просто поразительно. И она согласилась?

– Да, она сейчас здесь.

– Н-ну... Амброз, скажите, пожалуйста, миссис Спэрроу, пусть сварит лишнее яйцо.

– Прошу прощения, миледи, миссис Спэрроу сама не понимает, как это вышло, только яиц нет. Она говорит, наверно, ночью воры в дом забрались.

– Глупости, Амброз. Где это слыхано, чтобы воры проникали в дом красть яйца?

– Скорлупа валялась по всей кухне, миледи.

– Ах, так. Хорошо, Амброз, можете идти... Это что же Джейн, твоя гостья вдобавок съела все наши яйца?

– Да, наверно... то есть... я хотела сказать... В это время к завтраку явилась Агата Рансибл. В утреннем свете она выглядела не слишком авантажно.

– Привет всей компании, – сказала она непринужденным тоном. – Наконец-то я попала куда надо. Я тут, понимаете, забрела в чей-то кабинет. Там за столом сидел премилый стариканчик. Он очень удивился, когда меня увидел. Это ваш папа?

– Познакомьтесь с моей мамой, – сказала Джейн.

– Здравствуйте, – сказала мисс Рансибл. – С вашей стороны страшно любезно, что вы разрешили мне выйти к завтраку в таком виде. (Напомним, что она все еще была в

гавайском костюме.) Нет, правда, вы не очень на меня сердитесь? Для меня-то все это получилось еще более неудобно, ведь правда?... Или нет?

– Вам чаю или кофе? – заговорила наконец мать юной Джейн. – Джейн, милая, накорми свою подругу завтраком. – За долгие годы, проведенные на общественном поприще, у нее сложилось мнение, что своевременное предложение поесть может разрешить любую сложную ситуацию.

Тут в столовую вошел отец юной Джейн.

– Марта, это что-то поразительное!... Я, наверно, выжил из ума. Сижу я у себя в кабинете, перечитываю речь, которую должен сегодня произнести, и вдруг отворяется дверь и появляется какая-то полуголая танцовщица-готтентотка. Она только сказала «это же сквозь землю провалиться можно» и исчезла, а я... О-о... – Он только сейчас заметил мисс Рансибл. – А-а, здравствуйте, как...

– С моим мужем вы, кажется, не знакомы?

– Только чуть-чуть, – сказала мисс Рансибл.

– Как себя чувствуете, как спали? – выдавливал из себя отец Джейн. – Марта мне и не сказала, что у нас гостья. Простите, если я не проявил должного гостеприимства... я... Да скажите же кто-нибудь что-нибудь! Мисс Рансибл тоже ощутила некоторую неловкость. Она взяла со стола утреннюю газету.

– Тут есть одна ужасно забавная история, – сказала она, чтобы поддержать светскую беседу. – Давайте я вам прочту. **«Ночные оргии в доме № 10».** Божественно, правда? **«Самое, вероятно, необычайное собрание этого года состоялось сегодня под утро в доме № 10 на Даунинг-стрит. Часа в четыре утра полисмены, постоянно дежурящие у резиденции премьер-**

министра, с удивлением увидели...» Забавно, правда? ***«... как к дому подъехала целая вереница такси, из которых высыпала веселая толпа в экзотических маскарадных костюмах».*** Вот бы поглядеть! Воображаете, какая это была картина? ***«Хозяйкой сборища, которое один из гостей назвал самым душистым букетом их всех, какие составлял до сих пор Цвет Нашей Молодежи, была не кто иная, как мисс Джейн Браун, младшая из четырех прелестных дочерей премьер-министра. Достопочтенная Агата...»*** Вот это уже поразительно... Боже мой!!

В мозг мисс Рансибл внезапно хлынул поток света, как было однажды, когда она еще в юности пошла за кулисы на благотворительном утреннике, а на обратном пути ошиблась дверью и очутилась на сцене, в слепящих лучах прожекторов, в середине последнего действия «Отелло». – Боже мой! – сказала она, обводя глазами семейство Браунов. – Какой же нахал этот Вэнбру. Вечно он проделывает такие вещи. Нужно пожаловаться куда следует, тогда он потеряет работу, и поделом ему будет, правда, сэр Джеймс?... Или нет?

Мисс Рансибл умолкла и снова оглядела всех Браунов, ища в их глазах поддержки.

– О господи, – сказала она. – Жуть какая. Потом повернулась и, волоча за собой гирлянды из тропических цветов, бежала в холл, а оттуда на улицу, к великой радости и выгоде репортеров и фотографов, уже толпившихся у исторического подъезда.

Глава 5

Адам проснулся совершенно больной и разбитый. Он позвонил раза два, но никто не пришел. Позже он опять проснулся и позвонил. В дверях появился, грациозно

извиваясь, лакей итальянец. Адам попросил принести ему завтрак. Вошла Лотти и села на кровать.

– Ну как, сытно позавтракали, голубчик? – спросила она.

– Я еще не завтракал, – сказал Адам. – Я только что проснулся.

– Вот и хорошо, – сказала Лотти. – Сытный завтрак – это великое дело. Вам звонила одна барышня, но что велела передать – хоть убей, не помню. Мы нынче утром совсем с ног сбились. Полный кавардак. Полиция явилась – я уж и не запомню, сколько времени этого не было, – пили мое вино, задавали всякие вопросы, совали нос куда не надо. А все потому, что Флосси взбрело в голову покачаться на люстре. Всегда она была с придурью, эта Флосси. Ну, вперед будет знать, бедняжка. Качаться на люстре – надо же такое выдумать! Бедный судья Какбишьего просто вне себя. А я ему говорю: что люстра была дорогая, это еще, говорю, полбеда. Можно и новую купить, были бы деньги, верно ведь, голубчик? Что мне обидно, говорю, так это смертный случай в доме и весь этот кавардак. Кому же приятно, когда люди приходят в гости и убивают себя, вот как эта Флосси? А тебе что здесь понадобилось, мой итальянчик? – обратилась она к лакею, входившему в комнату с подносом, от которого шел запах копченой рыбы, назойливо заглушаемый ароматом духов «Nuit de Noël».

– Завтрак джентльмену, – сказал лакей.

– Сколько же еще ему требуется завтраков, хотела бы я знать? Он уже давным-давно позавтракал, пока ты там внизу пудрил нос. Ведь верно, голубчик?

– Нет, – сказал Адам. – Определенно нет.

– Вот, слышал, что джентльмен говорит? Не требуется ему двух завтраков. Так что не стой тут, виляя задом. Уноси

свой поднос, да поживей, не то получишь хорошую трепку... Вот так оно и бывает – стоит заявиться полиции, как сразу на всех затмение находит. Надо же, подал вам два завтрака, а какой-нибудь горемыка дальше по коридору небось ни одного не дождался. Без сытного завтрака это разве жизнь? Из нынешних постояльцев, какие помоложе, большинство по утрам только и заказывают, что *sachet Faivre* да апельсиновый сок. На что это похоже, а этому мальчишке я сто раз говорила, чтобы не смел душиться.

Из-за двери появилась голова лакея, а с нею новая волна «*Nuit de Noël*».

– Простите, мадам, там внизу инспектор, он хочет с вами поговорить, мадам.

– Хорошо, моя райская птичка, сейчас иду.

Лотти убежала, а лакей бочком внес в комнату поднос с копченой рыбой и подмигнул Адаму до безобразия фамильярно.

– Будьте добры, напустите мне ванну, – сказал Адам.

– Увы, синьор, в ванне спит один джентльмен. Разбудить его?

– Нет, не стоит.

– Больше ничего, сэр?

– Ничего, спасибо.

Лакей еще постоял, оглаживая медные шары на спинке кровати и заискивающе улыбаясь. Потом извлек из-под куртки гардению, слегка пожухлую по краям. (Он нашел ее в петлице одного из фраков, которые только что чистил.)

– Не желает ли синьор бутоньерку?... Мадам Крамп такая строгая... только и удовольствия, что изредка поболтать с джентльменами.

– Нет, – сказал Адам. – Уходите. – У него сильно болела голова.

Лакей глубоко вздохнул и мелкими шажками двинулся к двери; вздохнул еще раз и понес гардению джентльмену, спавшему в ванной.

Адам немного поел. Никакая рыба, размышлял он, не бывает так же хороша на вкус, как на запах; трепетная радость предвкушения меркнет от этого слишком прозаического контакта с костями и мякотью; вот если бы можно было питаться, как Иегова – «благоуханием приношения в жертву ему»! Он лежал на спине, перебирая в памяти запахи съестного – отвратительный жирный вкус жареной рыбы и волнующий запах, исходящий от нее; пьянящий аромат пекарни и скука булок. Он выдумывал обеды из восхитительных благовонных блюд, которые проносят у него под носом, дают понюхать, а потом выбрасывают... бесконечные обеды, во время которых запахи один другого слаще сменяются от заката до утренней зари, не вызывая пресыщения, – а в промежутках вдыхаешь большими глотками букет старого коньяка... О, если бы мне крылья голубя, подумал Адам, немного отвлекаясь от темы, и опять уснул (все мы подвержены таким настроениям наутро после званого вечера).

Вскоре у изголовья Адама зазвонил телефон.

– Алло, слушаю.

– Вас женский голос... Алло, Адам, это ты?

– Это Нина?

– Как себя чувствуешь, милый?

– Ох, Нина...

– Бедненький, я тоже. Слушай, мой ангел, ты не забыл, что сегодня едешь к моему папе? Я послала ему телеграмму, что ты будешь у него ко второму завтраку. Ты знаешь, где он живет?

– А ты разве не поедешь?

– Да понимаешь, нет. Я лучше побуду дома, хорошо? Мне что-то нездоровится.

– Дорогая моя, если б ты знала, как мне нездоровится...

– Знаю, но это совсем другое дело. И вообще ехать обоим нет никакого смысла.

– Но что я ему скажу?

– Милый, не задавай глупых вопросов. Ты сам прекрасно знаешь. Попроси у него денег, и все.

– А это ему понравится?

– Да, милый, конечно. Ну что ты тянешь? Мне пора вставать. До свидания. Береги себя. Когда вернешься, позвони, расскажешь о результатах. Да, кстати, ты уже читал газеты? Там есть очень забавные вещи про вчерашний вечер. Нахал этот Вэн. Ну, до свидания.

Одеваясь, Адам вспомнил, что понятия не имеет, куда ему ехать. Он опять позвонил. – Между прочим, Нина, где живет твой отец?

– А я разве не сказала? Дом называется Даутинг, очень старый, вот-вот развалится. Надо ехать поездом до

Эйлсбери, а дальше на такси. Они там ужасно дорого берут. У тебя есть деньги?

Адам бросил взгляд на тумбочку.

– Около семи шиллингов.

– Этого не хватит. Придется попросить папу заплатить за такси.

– А это ему понравится?

– Да, конечно. Он у меня ангел.

– Хорошо бы нам поехать вместе, Нина.

– Милый, я же тебе сказала. Мне ужасно нездоровится.

Внизу, как и выразилась Лотти, был полный кавардак. Другими словами, во всех углах гостиницы мельтешили полицейские и репортеры, каждый с бутылкой шампанского и бокалом в руках. Лотти, Додж, судья Скимп, инспектор, четыре детектива в штатском и труп находились в номере судьи Скимпа.

– Мне неясно одно, сэр, – говорил инспектор. – Что побудило молодую девицу качаться на люстре? Не сочтите за дерзость, сэр, но не была ли она...

– Да, – сказал судья Скимп. – Была.

– Понятно, – сказал инспектор. – Несчастный случай, никаких сомнений, а, миссис Крамп? Дознания, разумеется, не избежать, но, скорее всего, сэр, мне удастся повернуть дело так, что ваше имя не будет упомянуто... Вы очень любезны, миссис Крамп, разве что еще один бокал, напоследок.

– Лотти, – сказал Адам, – вы не могли бы одолжить мне немного денег?

– Денег, голубчик? Почему же нет? Додж, у вас есть при себе деньги?

– Сам я в это время спал, мэм, и о прискорбном событии узнал только утром, когда меня разбудили. Поскольку я глуховат, шум, вызванный катастрофой...

– Судья Каквастам, у вас деньги есть?

– Я сочту себя польщенным, если смогу как-либо содействовать...

– Вот и хорошо. Дайте сколько-нибудь этому. Какого. Больше вам ничего не нужно, голубчик? Куда же вы, не убегайте, мы тут как раз собрались выпить. Нет, не этого вина, это мы держим для полиции. Я велела моему папильону принести бутылочку получше.

Адам выпил бокал шампанского в надежде, что ему от этого хоть немного полегчает. Ему стало гораздо хуже.

Потом он поехал на вокзал Мэрелбоун. Был День перемирия, на улицах продавали искусственные маки. Как раз когда он добрался до вокзала, пробило одиннадцать, и на две минуты вся страна погрузилась в сосредоточенное молчание. Потом он поехал в Эйлсбери и в поезде прочел корреспонденцию Балкэрна о вечере у Арчи Шверта. Он с удовольствием обнаружил, что фигурирует там как «блестящий молодой романист», спросил себя, читает ли отец Нины светскую хронику, и решил, что это маловероятно. Зато две женщины, сидевшие напротив, несомненно, ее читали.

– Не успела я развернуть газету, – сказала одна из них, – как тут же бросилась к телефону, обзвонила всех членов

нашего комитета, и мы еще до часу дня послали телеграмму нашему члену парламента. Мы в Чешеме не сидим сложа руки. У меня с собой есть копия телеграммы. Вот смотрите: «Члены комитета Женской консервативной ассоциации в Чешеме выражают крайнее неудовольствие по поводу сообщения в сегодняшних утренних газетах о ночном сборище в доме № 10. Они призывают капитана Кратвела, – это наш депутат, превосходный, кстати сказать, человек, – решительно воздержаться от поддержки премьер-министру». Стоило это около четырех шиллингов, но я тогда же сказала – сейчас не время экономить по мелочам. Вы со мной согласны, миссис Айтуэйт?

– Совершенно согласна, миссис Оррауэй-Смит. Это как раз тот случай, когда действительно необходим наказ избирателей. Я непременно поговорю с нашей уборщицей.

– Да, миссис Айтуэйт, поговорите. В случаях, подобных этому, голоса женщин особенно ценны.

– Уж если выбирать между отказом от нравственных критериев и национализацией банков, я предпочту национализацию. Вы меня понимаете?

– Еще бы. Такой пагубный пример для низших классов, не говоря уже об остальном.

– Вот именно. Взять хотя бы нашу Агнес. Как я могу запретить ей приглашать на кухню кавалеров, когда она знает, что сэр Джеймс Браун устраивает такие сборища в любое время дня и ночи...

Обе они были в немыслимых шляпах, которые кивали и подпрыгивали в такт их словам.

В Эйлсбери Адам сел в «форд» и попросил отвезти его в усадьбу под названием Даутинг.

– Даутинг-холл?

– Наверно. Там дом вот-вот развалится?

– Да, покрасить бы его не мешало, – сказал шофер такси, прыщеватый юнец. – Хозяина зовут Блаунт.

– Ну, правильно.

– Конец не близкий. Пятнадцать шиллингов.

– Ладно.

– Ежели вы коммивояжер, прямо вам скажу, только время зря потеряете. Тут утром один парень на «моррисе» спрашивал, как к нему проехать. Хотел продать ему пылесос. Старик написал по объявлению, чтобы прислали образец. А когда этот парень явился, так и смотреть на него не захотел. Видали что-нибудь подобное?

– Нет, я ничего не собираюсь ему продавать... вернее, это было бы неточно.

– Значит, по личному делу?

– Да.

– Ну, так.

Убедившись, что намерения у пассажира серьезные, шофер надел несколько плащей (шел сильный дождь), вылез из машины и стал крутить рукоятку мотора. Скоро они пустились в путь.

Мили две они ехали среди летних домиков, нарядных вилл и деревянных трактиров до деревни, где чуть ли не в каждом доме помещался гараж и заправочная станция.

Здесь они расстались с асфальтом, и Адам окончательно затосковал.

Наконец слева появились две парные восьмиугольные сторожки и ворота с геральдическими столбами и чугунной решеткой, за которыми начиналась широкая неухоженная подъездная аллея.

– Даутинг-холл, – сказал шофер.

Он посигналил, но из сторожки не вышла румяная привратница в чистом переднике и не впустила их с улыбкой и поклонами. Тогда он вылез из машины и увещевательно потряс решетку.

– Замок и цепь, – сообщил он. – Попытаемся с другого боку.

Проехали еще добрую милю; со стороны усадьбы вдоль дороги тянулась ветхая каменная стена и мокрые от дождя деревья; вот показалось несколько домиков и белые ворота. Отворив их, они свернули на грунтовую дорогу, отделенную от парка низкой железной оградой.

По обе стороны паслись овцы. Одна из них забрела на дорогу. Она в панике помчалась впереди машины, то останавливалась и оглядывалась через свой грязный хвост, то мчалась дальше, пока от волнения не прибилась к обочине, так что они ее наконец обогнали.

Дорога привела к конюшням, потом долго петляла мимо парников, навесов, собранных в кучи мокрых листьев, мимо полуразвалившихся служб – бывшей прачечной, бывшей пекарни, и пивоварни, и огромной конуры, где когда-то держали медведя, – а потом, миновав купу вязов, остролиста и лавровых кустов, круто свернула на открытую площадку, некогда посыпанную гравием. Глазам их открылся высокий классический фасад и перед ним –

конная статуя, властно указующая жезлом на главную подъездную аллею.

– Приехали, – сказал шофер.

Адам расплатился с ним и поднялся на парадное крыльцо. Он позвонил и стал ждать. Ничего не последовало. Он позвонил еще раз. В то же мгновение дверь отворилась.

– Раззвонились, – сказал какой-то очень сердитый старик, – Что вам надо?

– Мистер Блаунт дома?

– Никакого мистера Блаунта здесь нет. Это дом полковника Блаунта.

– Простите... Насколько я знаю, полковник ждет меня к завтраку.

– Глупости. Полковник Блаунт – это я. – И дверь захлопнулась.

«Форд» уже исчез. Дождь не прекращался. Адам позвонил снова.

– Да? – сказал полковник Блаунт, мгновенно появляясь в дверях.

Может быть, вы разрешите мне вызвать по телефону такси?

– У меня нет телефона. Дождик идет. Вы бы зашли. Не идти же на станцию пешком в такую погоду. Вы насчет пылесоса?

– Нет.

Странно, а я все утро жду одного типа, он должен был показать мне пылесос. Да вы входите. Может быть, останетесь к завтраку?

– Я бы с радостью.

– Вот и прекрасно. Меня теперь мало кто навещает. Вы не взыщите, что я сам отворил вам дверь. Мой дворецкий сегодня лежит. У него, когда сыро, страшные боли в ногах... Оба мои лакея убиты на войне... Пальто и шляпу давайте вот сюда... Жаль, что вы не привезли пылесос... ну да ничего. Здравствуйте, – произнес он неожиданно, протягивая руку.

Они обменялись рукопожатием, и полковник повел Адама по длинному коридору между шпалерами мраморных бюстов на желтых мраморных Подставках в большую, заставленную мебелью комнату с превосходным камином в стиле рококо, в котором весело потрескивали дрова. У окна, выходявшего на террасу, стоял большое ореховый письменный стол, обтянутый кожей. Полковник Блаунт взял со стола телеграмму и прочел ее.

– Совсем забыл, – сказал он в некотором замешательстве. – Боюсь, вы сочтете это очень неучтивым с моей стороны, но я, оказывается, не могу пригласить вас к завтраку. Ко мне должен приехать гость до очень щекотливому семейному делу... Короче говоря, какой-то молодой лоботряс, который хочет жениться на моей дочери. Мне нужно повидать его наедине, чтобы обсудить условия.

– Но я тоже хочу жениться на вашей дочери, – сказал Адам.

– Какое совпадение! А вы не ошибаетесь?

– Может быть, эта телеграмма касается меня? Что в ней сказано?

– «Выхожу замуж Адама Саймза. Жди его завтраку. Нина». Адам Саймз – это вы?

– Да.

– Милый мой, что же вы раньше не сказали? Болтаете тут про какой-то пылесос..., Ну, здравствуйте. Они снова обменялись рукопожатием.

– Если вы не против, – сказал полковник Блаунт, – мы сперва позавтракаем, а деловой разговор пока отложим. Сейчас здесь, к сожалению, все выглядит очень голо. Приезжайте летом, тогда увидите, какой у меня сад. В прошлом году гортензии удались на диво. Я, вероятно, здесь последнюю зиму живу. Куда старику такие хоромы? Я все присматриваюсь к новым домам на окраине Эйлсбери. Вы их заметили, когда ехали сюда? Такие приятные красные домики. С ванной и всем прочим. И совсем недорого, и к кинематографам близко. Вы, надеюсь, любите кинематограф? Мы с пастором частенько бываем. Надеюсь, наш пастор вам понравится. Вообще-то он человечешко неважный. Но у него есть автомобиль, это удобно. Вы на сколько дней приехали?

– Я обещал Нине, что к вечеру вернусь.

– Жалость какая. В «Электро-паласе» идет новый фильм, могли бы съездить.

Вошла пожилая горничная и доложила, что завтрак подан.

– Что сегодня идет в «Электро-паласе», миссис Флорин, вы не знаете?

– Кажется, «Венецианские поцелуи» с Гретой Гарбо, сэр.

– Грета Гарбо – это все-таки не в моем вкусе, – сказал полковник Блаунт. – Я старался отдать ей должное, но нет, не могу.

Они прошли в огромную столовую, темную от множества семейных портретов.

– Если вы не против, – сказал полковник Блаунт, – я предпочитаю не разговаривать во время еды.

Он взял переплетенный в сафьян комплект «Панча» и прислонил перед собой к большой серебряной вазе, в которой рос куст клещевины.

– Дайте мистеру Саймзу книгу, – сказал он. Миссис Флорин положила рядом с прибором Адама еще один комплект «Панча».

– Если попадется что-нибудь смешное, прочтите вслух, – сказал полковник Блаунт.

И они приступили к завтраку.

Завтрак длился без малого час. Блюда сменялись в обескураживающем изобилии, а полковник Блаунт все ел и ел, переворачивая страницы и время от времени одобрительно покряхтывая. Они ели заячий суп и вареную рыбу, тушеную печеньку и копченый кабаньей окорок под соусом из мадеры, фазанье жаркое и ромовый омлет, поджаренный сыр и фрукты. Пили сначала херес, потом бордо, потом портвейн. Потом полковник Блаунт закрыл свою книгу широким жестом, напомнившем Адаму, как директор его школы закрывал Библию после вечерней молитвы, аккуратно сложил салфетку и сунул ее в массивное серебряное кольцо, пробубнил

благодарственную молитву и наконец встал из-за стола со словами:

– Не знаю, как вы, а я сосну, – и затрусил к двери.

– В библиотеке затоплен камин, сэр, – сказала миссис Флорин. – Я вам подам кофе туда. Полковник кофе не пьет, а то у него потом бессонница бывает. Чай в котором часу желаете пить, сэр?

– Мне бы надо двигаться обратно в Лондон. Как вы думаете, полковник скоро проснется?

– Трудно сказать, сэр. Обычно он отдыхает часов до пяти, до половины шестого. Потом до обеда читает, обед в семь, а после обеда пастор возит его в кино. Очень регулярный у него образ жизни.

Она провела Адама в библиотеку и поставила возле него серебряный кофейник.

Адам сидел у камина в глубоком кресле. По двойным рамам барабанил дождь. В библиотеке было несколько журналов – по большей части дешевые еженедельники, посвященные кинематографу. Было там и чучело совы, и витрина с реликвиями древнебританской эпохи: черепки, костяные иглы и череп – много лет назад их откопали в парке, и Нинина гувернантка старательно их переписала. Был шкафчик, где хранились следы Нининых коллекционерских увлечений – несколько бабочек и жуков, несколько окаменелостей, птичьи яйца и десятка два марок. Были шкафы, полные роскошных неудобочитаемых книг, а в углу – ружье, альпеншток и сачок для ловли бабочек. Были каталоги сельскохозяйственных машин и приборов для ацетиленовой сварки, косилок для газона и «спортивного инвентаря». Был перед огнем экран с гербом. Над камином висели расшитые попоны уланского полка, в котором когда-то служил полковник Блаунт. Была гравюра

– все члены Королевской флотилии и в углу небольшой план с обозначением кто есть кто. Было и много других, не менее интересных предметов, но Адам не успел их заметить – он крепко уснул.

В четыре часа миссис Флорин разбудила его. Кофе исчез, а на его месте появился серебряный поднос, покрытый кружевной салфеткой, и на нем – серебряный чайник, под которым горела миниатюрная спиртовка, серебряный сливочник и серебряная миска, полная пышек. Еще там были горячие гренки с маслом, мед, кетчуп, шоколадный торт, пирог с вишнями, пирог с фруктами, пирог с тмином, сэндвичи с помидорами, соль, перец и намазанные маслом ломтики хлеба с коринкой.

– Не желаете ли яйцо всмятку, сэр? Полковник обычно кушает яйцо, если не спит в это время.

– Нет, спасибо, – сказал Адам. Он чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Когда они с Ниной поженятся, подумал он, надо будет приезжать сюда отдыхать после особенно бурных вечеров. Он только сейчас заметил на коврик у камина толстого рыжего с белым спаниеля, который тоже пробуждался от сна.

– Очень прошу вас, не давайте ей пышек, – сказала миссис Флорин. – Они ей вредны, а полковник все равно дает. Очень уж он любит эту собаку, – добавила она в порыве откровенности. – По вечерам берет ее с собой в кино. Хоть ей там не так интересно, как людям.

Адам дал ей – не миссис Флорин, а собаке – кусок сахара и легонько толкнул ее ногой. Она с нескрываемой сердечностью облизала его башмак. Адам, не презиравший собачьего дружелюбия, счел себя польщенным. Он допил чай и стал набивать трубку, когда в библиотеку вошел полковник Блаунт.

– Вы кто такой, черт побери? – осведомился хозяин дома.

– Адам Саймз, – ответил Адам.

– В первый раз слышу. Как вы сюда попали? Кто дал вам чаю? Что вам нужно?

– Вы пригласили меня к завтраку, – сказал Адам. – Я приехал поговорить о нашей с Ниной женитьбе.

– Милый вы мой, ну конечно! Вы уж меня простите. Совсем нет памяти на имена. А все оттого, что мало выдаю людей. Здравствуйте.

Они опять обменялись рукопожатием.

– Значит, вы тот молодой человек, который хочет жениться на Нине, – сказал полковник, впервые оглядывая Адама так, как полагается оглядывать кандидата в зятя. – А скажите, зачем вам вообще понадобилось жениться? Я бы на вашем месте не стал, ни в коем случае. Вы богаты?

– Нет, пока нет. В сущности, я об этом и хотел с вами поговорить.

– Сколько же у вас есть денег?

– Понимаете, сэр, в данную минуту у меня их вообще нет.

– А когда в последний раз были?

– Вчера вечером у меня была тысяча фунтов, но я отдал их одному пьяному майору.

– Зачем вы это сделали?

– Понимаете, я надеялся, что он поставит их на Селезня в ноябрьском гандикапе.

- Никогда не слышал о такой лошади. А он не поставил?
- Боюсь, что нет.
- Когда же у вас опять будут деньги?
- После того, как я напишу несколько книг.
- Сколько именно?
- Двенадцать.
- И сколько у вас тогда будет?
- Вероятно, пятьдесят фунтов как аванс за тринадцатую книгу.
- А сколько времени вам потребуется, чтобы написать двенадцать книг?
- Примерно год.
- Сколько на это требуется, как правило?
- Лет двадцать. Я, конечно, понимаю, если так подойти, это выглядит довольно безнадежно... но, понимаете, мы с Ниной надеялись, что вы... что, может быть, в течение ближайшего года, пока я пишу свои двенадцать книг... что вы могли бы нам помочь.
- Как я могу вам помочь? Я в жизни не написал ни одной книги.
- Нет, мы думали, может, вы дадите нам денег.
- Вот что вы, значит, думали?
- Да, мы думали так...

Несколько минут полковник Блаунт внимательно его разглядывал. Потом сказал: – По-моему, это прекрасная

мысль. Не вижу никаких оснований вам отказать. Сколько вам нужно?

– Вы чрезвычайно добры, сэр. Ну, я не знаю, сколько... чтобы некоторое время пожить спокойно.

– Тысяча фунтов вас выручит?

– Еще бы! Мы вам будем страшно благодарны.

– Не стоит, мой милый, не стоит. Как, – вы сказали-то, вас зовут?

– Адам Саймз.

Полковник Блаунт подошел к столу и выписал чек. – Вот, прошу, – сказал он. – Смотрите, не отдайте его какому-нибудь другому пьяному майору.

– Что вы, сэр! Не знаю, как и благодарить вас. Нина...

– Ни слова больше. Теперь вам, наверно, не терпится вернуться к себе в Лондон? Сейчас мы пошлем миссис Флорин через дорогу к пастору и попросим его отвезти вас на станцию. Удобно, когда у соседа есть автомобиль. В автобусе отсюда до Эйлсбери дерут пять пенсов. Суший грабеж!

Нечасто бывает, чтобы молодой человек два вечера подряд получал по тысяче фунтов от совершенно незнакомых людей. По дороге на станцию Адам громко смеялся в пасторской машине. Пастор, которого оторвали от сочинения проповеди и которого с каждым днем все больше раздражало, что полковник Блаунт на правах соседа беспардонно эксплуатирует его машину и его самого, не сводил глаз с залитого дождем ветрового стекла, делая вид, что ничего не слышит. Адам смеялся до самого Эйлсбери – сидел, обхватив руками колени, и трясся от смеха. Когда

они расставались в станционном дворе, пастор с трудом заставил себя с ним попрощаться.

Поезда пришлось ждать полчаса, и протекающая крыша и мокрые рельсы немного отрезвили Адама. Он купил вечернюю газету. На первой странице был уморительный снимок: мисс Рансибл в гавайском костюме выбегает из дома № 10 на Даунинг-стрит. «Правительство пало во второй половине дня, – прочел он, – по предложению, последовавшему за ответом на запрос по поводу обращения, которому подверглась мисс Рансибл со стороны таможенных чиновников. В парламентских кругах считают, что решающим фактором в отставке правительства послужила бурная реакция членов парламента – либералов и нонконформистов – на разоблачения, касающиеся образа жизни в доме № 10 на Даунинг-стрит в период, когда сэр Джеймс Браун был премьер-министром».

«Ивнинг мэйл» поместила передовую, в которой проводилась тонкая аналогия между Личной и Общественной Чистоплотностью, между трезвостью в семье и в государстве.

И еще одна коротенькая заметка в той же газете заинтересовала Адама:

Трагедия в вест-эндской гостинице.

Сегодня утром в одной частной гостинице на Дувр-стрит скончалась мисс Флоренс Дюкейн, как нам сообщили в материальном отношении вполне обеспеченная. Смерть наступила в результате падения с люстры, которую мисс Дюкейн хотела починить.

Завтра состоится дознание, а затем кремация в Голдерс-Грин. Мисс Дюкейн, ранее выступавшая на сцене, была хорошо известна в деловых кругах.

Что доказывает, подумал Адам, насколько искуснее, чем сэр Джеймс Браун, Лотти Крамп умеет избежать нежелательной огласки.

Когда Адам приехал в Лондон, дождь перестал, но на влажном ветру проплывали полосы негустого тумана. Через здание вокзала толпами спешили на пригородные поезда служащие с портфелями и вечерними газетами в руках. Они чихали и кашляли на ходу, а в петлицах у них еще краснели маки. Адам нашел телефонную будку и позвонил Нине. Он не застал ее, но узнал, что она на вечере с коктейлями у Марго Метроленд. Он поехал в свою гостиницу.

– Лотти, – сказал он, – у меня есть тысяча фунтов.

– Вот как, – равнодушно отозвалась Лотти. Она привыкла считать, что у любого ее знакомого всегда есть несколько тысяч фунтов. С тем же успехом он мог ей сообщить: «Лотти, у меня есть цилиндр».

– Вы не одолжите мне немного денег до завтра, пока я получу по чеку?

– Ох и мастер вы занимать деньги, точь-в-точь как ваш покойный батюшка. Эй вы, там в углу, одолжите этому, как его, немножко денег. Высоченный гвардеец со срезанным лбом помотал головой и покрутил усы.

– У меня не просите, Лотти, – сказал он голосом, приученным подавать команду.

– Сквалыга, – сказала Лотти. – Где этот американец?

Судья Скимп, сделавшийся после своих утренних переживаний убежденным англофилом, извлек на свет две десятифунтовые бумажки. – Я почту для себя за честь...

– Молодец, судья, – сказала Лотти. – Этот не подведет. Выбегая в холл, Адам услышал, как в гостиной весело хлопнула очередная пробка от шампанского.

– Додж, – сказал он, – будьте добры, позвоните в прокатный гараж Деймлера и закажите машину на мое имя. Пусть подаст к дому леди Метроленд, Пастмастер-хаус, на Хилл-стрит. – Потом надел шляпу и зашагал по Хэй-Хилл, размахивая зонтом и снова смеясь, но уже тихо, про себя.

У леди Метроленд он, не сняв пальто, остался ждать в холле.

– Передайте, пожалуйста, мисс Блаунт, что я за ней заехал. Нет, наверх не пойду.

Он окинул взглядом сложенные на столе шляпы гостей. Народу порядочно. Два-три цилиндра – это кто-то собирается отсюда в театр, остальные черные фетровые, как у него. И стал отплясывать что-то вроде жиги, совсем один, просто от избытка радости.

Через минуту по широкой адамовской лестнице спустилась Нина.

– Милый, почему ты не поднялся в гостиную? Это так невежливо. Марго жаждет тебя повидать.

– Прости, Нина. Не могу я сейчас быть на людях. Я так волнуюсь.

- А что случилось?
- Все случилось. Расскажу в матине.
- В машине?
- Да, она сию минуту будет здесь. Мы едем обедать за город. Ты не представляешь себе, как ловко я все обделал.
- Что именно? Да перестань ты танцевать.
- Не могу. Если б ты знала, какой я ловкий малый.
- Адам! Ты опять пьян?
- Посмотри-ка в окно, не ждет ли нас там «деймлер»?
- Адам, что ты, в конце концов, наделал? Я хочу знать.
- Гляди, – сказал Адам, доставая чек. – Красота, кто понимает, а? – добавил он, изображая простолюдина.
- Боже мой, тысяча фунтов. Это тебе папа дал?
- Я их заработал, – сказал Адам. – Еще как заработал. Видела бы ты, какой я съел завтрак и каких начитался острот. Завтра я женюсь. Скажи, Нина, Марго очень рассердится, если я запою у нее в холле?
- Она будет просто в ярости, милый, и я тоже... Чек давай мне. Не забудь, что случилось, когда тебе в прошлый раз подарили тысячу фунтов.
- Это я уже слышал от твоего отца.
- Неужели ты ему это рассказал?
- Я ему все рассказал, а он дал мне тысячу фунтов.
- Бедный Адам, – неожиданно сказала Нина.

– Почему ты так говоришь?

– Сама не знаю... Вон, кажется, твоя машина подъехала.

– Нина, почему ты сказала «бедный Адам»?

– Я разве сказала?... Право, не знаю. Ой, я тебя ужасно люблю.

– Завтра я вступаю в брак. Ты тоже?

– Да, милый, наверно.

Шофер успел заскучать, пока они решали, где будут обедать. На все его предложения они отзывались испуганными вскриками. «Там наверняка будет полно всяких противных людей», – говорили они. Он предложил им Мейденхед, Тэйм, Брайтон. Наконец они решили ехать в Эрендел.

– Туда мы дай бог к девяти часам попадем, – сказал шофер. – Вот в Брэе есть очень хороший отель... Но поехали они в Эрендел.

– Завтра мы поженимся, – сказал Адам. – И на свадьбу никого не пригласим. И сейчас же уедем за границу и не вернемся, пока я не напишу все свои книги. Божественно, правда? Куда бы нам поехать, Нина?

– Куда хочешь, милый, только чтобы там было не холодно, хорошо?

– По-моему, ты не очень веришь, что мы поженимся, Нина, да? Или нет?

– Не знаю... просто мне кажется, такие божественные вещи никогда не сбываются... не знаю почему... ох, я сегодня так тебя люблю... Если бы ты знал, какой ты был

чудный, когда прыгал у Марго по всему холлу, совсем один. Я на тебя долго-долго смотрела с верхней площадки.

– Машину я отпущу, – сказал Адам, когда они проезжали через Пулборо. – Вернуться можно поездом.

– Если еще будет поезд.

– Конечно, будет, – сказал Адам. Но у обоих в эту минуту мелькнул в голове некий вопрос, смутно волновавший их всю дорогу. Ни он, ни она больше не касались этой темы, но после Пулборо в машине определенно чувствовалась некоторая скованность.

Вопрос разрешился, как только они добрались до отеля.

– Нам обед, – сказал Адам, – и номер на ночь.

– Милый, меня, кажется, хотят обольстить?

– Боюсь, что так. А ты решительно против?

– Да нет, – сказала Нина и добавила, изображая простолюдинку: – Это очень даже приятно.

Обедающих в ресторане уже не было. Они ели одни в углу зала, а официанты накрывали столы к утреннему завтраку и бросали на них обиженные взгляды. Подавали самый унылый английский обед. И в салоне после обеда было ужасно; несколько гольфистов в смокингах играли в бридж, да дремали две старые дамы. Адам с Ниной прошли через двор в пивной бар и до закрытия просидели там в теплом мареве табачного дыма, слушая ленивые пересуды местных жителей. Они сидели, взявшись за руки, ничуть не стесняясь, и очень скоро на них перестали обращать внимание. Перед самым закрытием Адам угостил всех пивом. Послышались голоса: «Благодарствуйте, сэр», «За ваше здоровье, мэм», и бармен произнес свое: «Прошу

допивать. Закрываем» – совсем особенным, очень певучим голосом.

Когда они вышли во двор, где-то били часы и подвыпивший фермер попытался завести свою машину. По дубовой лестнице, мимо развешанных на стене мушкетов и гравюр с изображением дилижансов и карет, они поднялись к себе в номер.

У них не было с собой даже чемоданчика (как сообщила на следующий день горничная молодому человеку из радиомагазина, добавив, что этим-то и плохо работать в отеле на шоссе – мало ли кто там останавливается).

Адам разделся мгновенно и лег в постель; Нина – помедленнее, она повесила платье на стул и, словно ей изменило обычное самообладание, еще некоторое время перебирала безделушки на камине.

Наконец она погасила свет.

– Ты знаешь, – сказала она, забираясь в постель и слегка дрожа, – это со мной в первый раз случается.

– Тебе будет очень хорошо, – сказал Адам. – Обещаю.

– Я и не сомневаюсь, – сказала она серьезно. – Я ничего такого не говорю... я просто сказала, что это в первый раз... Ох, Адам.

– А ты еще говоришь, что божественные вещи не сбываются, – сказал Адам где-то среди ночи.

– Ничего божественного тут нет, – сказала Нина. – Мне было больно. Да, кстати, только что вспомнила. Утром я должна тебе сказать что-то очень важное.

– Что?

– Не сейчас, милый. Давай лучше поспим, хорошо?

Еще до того, как Нина проснулась, Адам вышел под дождь побриться. На обратном пути он купил две зубные щетки и ярко-красный целлулоидный гребешок. Нина села в постели и причесалась. На спину она накинула пиджак Адама.

Адам, чистивший зубы, оглянулся на нее: – Дорогая моя, у тебя вид прямо из «La vie parisienne».

Тогда она сбросила пиджак и вскочила с постели, и он сказал ей, что вид у нее как на модной картинке в «Vogue» минус белье и платье. Это Нине понравилось, но она сказала, что ей холодно и все еще больно, хотя уже меньше. Потом она оделась и они сошли вниз.

В ресторане уже никого не было, и официанты накрывали столы ко второму завтраку.

– Ну, – сказал Адам, – ты говорила, что должна мне что-то сказать.

– Да, да. Это очень неприятно, милый.

– Так скажи скорей.

– Понимаешь, это насчет чека, который тебе дал папа. Боюсь, ты зря возлагаешь на него надежды.

– Но дорогая моя, он на тысячу фунтов, разве нет?

– А ты посмотри на него, моя радость. – Она достала чек из сумочки и протянула ему через стол.

– Как будто все в порядке, – сказал Адам.

– А подпись?

– Боже милостивый, этот старый идиот подписался «Чарли Чаплин»!

– Про это я и говорю, милый.

– Но разве нельзя попросить его изменить подпись? У него, наверно, не все дома. Сегодня же съезжу к нему еще раз.

– Пожалуй, не стоит, милый... как ты не понимаешь. Конечно, он очень старый человек и... то, что ты ему наговорил, могло показаться ему немного странным... он-то, может быть, подумал, что это у тебя не все дома. В общем... понимаешь, может быть, этот чек был своего рода шуткой.

– Будь я проклят... это уже скучно. Как раз когда все складывалось так хорошо. Ты когда заметила подпись, Нина?

– Сразу же как ты показал мне чек, еще у Марго. Но у тебя был такой счастливый вид, что мне не захотелось ничего говорить. Ты был такой счастливый, Адам, и такой чудный. Я, наверно, тут-то и влюбилась в тебя по-настоящему, когда увидела, как ты танцуешь в холле один-одинешенек.

– Будь я проклят, – повторил Адам. – Вот старый черт.

– Так или иначе, ты от всего этого получил кое-какое удовольствие, правда? Или нет?

– А ты нет?

– Дорогой мой, я в жизни ничего более противного не испытала... но раз ты доволен, я не жалею.

– Нина, – сказал Адам немного спустя, – значит, мы все-таки не сможем пожениться.

– Да, боюсь, что так.

– Скука какая, а?

Еще немного спустя он сказал: – Наверно, этот пастор тоже решил, что у меня не все дома.

А еще погода: – Вообще-то шутка получилась неплохая, а?

– Просто божественная.

В поезде Нина скапала: – Подумать страшно, что я больше никогда, до самой смерти, не увижу, как ты танцуешь вот так, совсем один.

Глава 6

В тот вечер леди Метроленд устраивала прием в честь миссис Мелроз Оранг. Приглашительная телеграмма ждала Адама, когда он вернулся к себе в гостиницу. (Оплаченный ответ Лотти уже успела использовать. Кто-то назвал ей вероятного победителя в ноябрьском гандикапе, и она решила рискнуть, а кличку лошади зависать на чем-нибудь, пока не забыла.) Еще его ждало приглашение к завтраку от Саймона Балкэрна.

В «Шепарде» кормят главным образом паштетом из дичи – черным внутри и полным клювов, дробы и каких-то непонятных позвонков – так что Адам был вовсе не прочь позавтракать с Саймоном Балкэрном, хотя понимал, что за

этим неожиданно радушным жестом кроется какой-то мрачноватый умысел.

Они встретились в ресторане «Chez Espinosa», чуть ли не самом дорогом во всем Лондоне; там полно клеенок и лаликовского стекла [4], и люди того сорта, которые любят такого сорта вещи, ходят туда постоянно и жалуются, какой это ужас.

– Надеюсь, вы не в обиде, что я пригласил вас в этот ужасный ресторан, – сказал Балкэрн. – Дело в том, что меня здесь кормят бесплатно, а я время от времени упоминаю о них в моих заметках. За напитки, к сожалению, приходится платить. Кто здесь сегодня есть, Альфонс? – спросил он метрдотеля.

Тот подал ему отпечатанный на машинке список, который всегда держал наготове для авторов светской хроники.

– Гм, да. Очень красивый список. Что могу, сделаю.

– Благодарю вас, сэр. Столик на двоих? Коктейли?

– Нет, коктейля я не хочу. У меня и времени мало. А вы как, Адам? Коктейли здесь, между прочим, неважные.

– Спасибо, не хочу, – сказал Адам.

– А может быть, все-таки? – сказал Балкэрн, уже увлекая его к столику. Пока им подавали икру, он просмотрел карту вин.

– Пиво у них тут хорошее, – сказал он. – Вы что будете пить?

– Все равно, то же, что и вы. С удовольствием выпью пива.

– Две полбутылки пива, пожалуйста... А вы в самом деле ничего другого не хотите?

– В самом деле, спасибо.

Саймон Балкэрн хмуро оглядывался по сторонам, изредка прибавляя к списку новое имя. (Удручающая это профессия, при которой, о чем ни заговори, разговор получается служебный.)

Вскоре он сказал вымученно-небрежным тоном:

– Сегодня, если не ошибаюсь, прием у Марго Метроленд? Вы пойдете?

– Вероятно, пойду. У нее обычно бывает нескучно, правда?

– Да... Я вам сейчас скажу одну очень странную вещь, Адам. На сегодняшний вечер она меня не пригласила.

– Еще не поздно. Я, например, получил приглашение только сегодня утром.

– Да... Кто эта женщина, вон, в меховом пальто, только что вошла? В лицо-то я ее отлично знаю.

– Кажется, леди Эвримен?

– Ну да, конечно. – К списку прибавилось еще одно имя. Балкэрн умолк и в полном унынии поел салата. – Дело в том... она сказала Агате Рансибл, что и не намерена меня приглашать.

– Почему?

– Видимо, ее привело в ярость, что я что-то сказал насчет чего-то, что она сказала про Майлза.

– Некоторые люди просто не понимают шуток, – сказал Адам, чтобы его подбодрить.

– Для меня это катастрофа, – сказал лорд Балкэрн. – А вон там кто, не Памела Попхэм?

– Понятия не имею.

– Кажется, она. Приду домой – надо проверить по Племенной книге, как она пишется. Я на днях прямо оскандалился с этим написанием... Катастрофа... Вэнбру она пригласила.

– Он ей, кажется, родственник?

– Такая несправедливость, ей-богу. А мои родственники, как назло, либо в психиатрических больницах, либо живут в деревне и проделывают всякие неаппетитные вещи с лесными зверями... все, кроме моей матушки, а эта еще хуже... Начальство было в ярости, что Вэн опередил меня с этой сенсацией насчет Даунинг-стрит. Если я и сегодняшний прием пропущу, впору совсем распроститься с Флит-стрит. Впору сунуть голову в газовую плиту и на том кончить. Если б Марго знала, как это для меня важно, она бы наверняка позволила мне прийти.

В глазах его стояли слезы, готовые перелиться через край.

– Всю эту неделю, – сказал он, – я был вынужден сочинять мои заметки по Гербовнику и Придворному календарю... Никто меня больше не приглашает.

– Вот что, – сказал Адам. – Я знаком с Марго довольно близко. Если хотите, я ей позвоню и спрошу, нельзя ли мне прийти с вами.

– Правда? В самом деле, Адам? Вы готовы это сделать? Так идем позвоним ей сейчас же. Кофе и ликеры по боку, некогда. Скорей, скорей, позвонить можно из моего кабинета... Да, вон ту черную шляпу и зонт... нет, номерок я потерял... нет, не эта, рядом, поскорее, пожалуйста... да, такси.

Адам и слова не успел сказать, как они очутились на улице и в такси. Скоро они попали в затор на Стрэнде, а еще через некоторое время добрались до редакции Балкэрна на Флит-стрит.

Они поднялись в крошечную комнату, на стеклянной двери которой значилось «Высший свет». Внутренность ее плохо соответствовала вывеске. Там был один стул, пишущая машинка, телефон, несколько справочников и кучи фотографий. На единственном стуле восседало непосредственное начальство Балкэрна.

– Здравсьте, – сказала она. – Явились. Где вы были?

– У «Эспинозы». Вот список.

Редакторша прочитала его. – Китти Блекуотер отставить, – сказала она. – Мы давали ее вчера. Остальные годятся. Абзаца на три-четыре. Как они были одеты, вы, конечно, не заметили?

– Напротив, – заверил ее Балкэрн. – Во всех подробностях.

– Ну, это все равно не влезет. Нужно оставить как можно больше места для вечера у леди М. Я даже герцога Девонширского выкинула. Между прочим, фотография которую вы дали вчера, – это не нынешняя графиня Эвримен, это старый снимок вдовствующей. Они обе сегодня оборвали нам телефон. Опять у вас накладка. На вечер приглашение получили?

– Нет еще.

– Так поторопитесь. Мне до сдачи в печать нужен рассказ очевидца, понятно? Да, а вот об этом вы что-нибудь знаете? Получено сегодня, от горничной леди Р. – Она взяла со стола листок бумаги. – «Расторгнута помолвка, по слухам заключенная между Адамом Фенвик-Саймзом, единственным сыном покойного профессора Оливера Фенвик-Саймза, и Ниной Блаунт, Даутинг-холл, Эйлсбери». Никогда про таких не слышала. Их помолвка, по-моему, и объявлена не была.

– Вы лучше спросите его самого. Познакомьтесь, Адам Саймз.

– А, здравствуйте, прошу меня извинить, если что... Так как же?

– И объявлена не была, и не расторгнута.

– В общем, пшик, так я вас поняла? Значит, это идет сюда. – Она бросила листок в корзину для мусора. – Последнее время эта девица присылает нам сплошную чепуху. Ну, я пошла завтракать. На всякий случай – буду в Гарден-клубе.

Редакторша вышла, хлопнув дверью с надписью «Высший свет», и, насвистывая, удалилась по коридору.

– Вот видите, как меня тут третируют, – сказал лорд Балкэрн. – А ведь первое время на руках носили... Нет, лучше умереть.

– Не плачьте, – сказал Адам. – Это же свихнуться можно.

– А что мне делать?... Войдите, войдите. – Дверь с надписью «Высший свет» отворилась, и вошел мальчик-посыльный.

– Внизу дворецкий лорда Периметра. У него несколько помолвок и один развод.

– Пусть оставит.

– Слушаю, милорд.

– Единственный человек в этом учреждении, который разговаривает со мной вежливо, – сказал Балкэрн, когда посыльный скрылся. – С удовольствием оставил бы ему что-нибудь в завещании, да нечего... Ну, звоните Марго, тогда я буду хотя бы знать, что надеяться не на что... Войдите!

– Внизу джентльмен, зовут генерал Страппер. Желает видеть вас по срочному делу.

– По какому еще делу?

– Не могу сказать, милорд, только он с хлыстом. Видно, очень чем-то расстроен.

– Скажи ему, что у редактора «Светской хроники» перерыв на завтрак... Ну же, звоните Марго.

Адам сказал в телефон: – Марго, можно мне привести с собой одного знакомого?

– Ой, Адам, лучше бы не нужно. Я и так не представляю себе, где я всех размещу. Вы не сердитесь, ради бога, а кто это?

– Саймон Балкэрн. Ему страшно хочется к вам попасть.

– Верю. Но я этого молодого человека недолюбиваю. Он писал про меня всякие вещи в газетах.

– Ну, Марго, я вас очень прошу.

– Нет, ни в коем случае. Ноги его не будет в моем доме. Я и Вэна позвала только с условием – ничего не писать. А Саймона Балкэрна я не желаю больше видеть.

– Дорогая моя, это в вас говорит богатство.

– Да, я при упоминании об этом молодом человеке сразу ощущаю все мои доходы. Ну, до свидания. До вечера.

– Можете не говорить, – сказал Балкэрн. – Я все понял... не вышло, да?

– К сожалению.

– Конец, – сказал Балкэрн. – Дошел до ручки. – С минуту он рассеянно перебирал какие-то бумажки. – Интересует вас сообщение, что Агата выходит замуж за Арчи?

– По-моему, это враки.

– По-моему, тоже. Это один из наших людей только что передал. Все, что они передают, – либо враки, либо клевета... они, например, прислали нам длинное сообщение о том, что Майлз и Памела Попхэм вместе провели ночь в Эренделе. Но мы не смогли бы его использовать, даже если б это была правда, а это явно неправда, мы же знаем, что такое Майлз. Ну, спасибо, что хотели помочь... до свидания.

Внизу в редакции разгоралась серьезная ссора. Крупный, военного вида мужчина весь трясся и топал ногами на женщину средних лет, в которой Адам узнал давешнюю редакторшу.

– Да или нет? – кричал мужчина. – Отвечаете вы или нет за эту возмутительную ложь о моей дочери?

(В заметке Саймона Балкэрна он прочел, что его дочь видели в ночном клубе. Всякому, кто был лучше знаком с

жизнью мисс Страппер, эта заметка показалась бы сугубо деликатной.)

– Да или нет? – выкрикивал генерал. – Говорите, не то я из вас всю душу вытрясу!

– Нет.

– Так кто же тогда отвечает? Уж я доберусь до того мерзавца, который это сочинил. Где он? – взревел генерал.

– На втором этаже, – выдохнула редакторша. «Опять Саймону достанется», – подумал Адам.

Адам заехал за Ниной – они сговорились пойти в кино. Она сказала: – Ты обещал прийти гораздо раньше. На звуковые фильмы скучно опаздывать.

Он сказал: – Звуковые фильмы вообще скучные.

После той ночи в их отношениях обозначилась перемена. Адам проявлял склонность к самоуглублению и грусти; Нина держалась как женщина взрослая, во всем разуверившаяся и явно недовольная.

Адам заговорил о том, что теперь ему, очевидно, придется жить в «Шепарде» до самой смерти или, во всяком случае, до смерти Лотти, поскольку он, как честный человек, не может от нее съехать, не заплатив по счету.

На это Нина сказала: – Расскажи что-нибудь забавное, Адам. Я тебя просто не выношу, когда ты не забавный.

И Адам стал рассказывать ей про Саймона Балкэрна и прием у Марго. Он уверял, что сам видел, как Саймона отстегали хлыстом в помещении редакции.

Нина сказала: – Да, это забавно. Вот так и продолжай.

Истории про экзекуцию над Саймоном им хватило на весь путь до кино. На фильм, который Нине хотелось посмотреть, они опоздали, и от этого настроение у них опять испортилось. Они долго сидели молча. Потом Нина сказала по поводу фильма: – Столько глупостей придумали об этой физической любви. По-моему, у зубного врача и то приятнее.

Адам сказал: – В следующий раз тебе больше понравится.

Нина фыркнула: – В следующий раз! – и заявила, что он слишком много о себе воображает.

Адам сказал, что так выражаются только проститутки.

С этого началась настоящая ссора, которая длилась все время, пока шел фильм, и пока они ехали к Нине, и пока она резала лимон и готовила коктейль, и наконец Адам сказал, что, если она сейчас же не замолчит, он изнасилует ее без промедления, на ее же коврике перед камином.

И она не замолчала.

Но к тому времени, как Адам собрался ехать к себе переодеваться, она поутихла и даже признала, что постепенно к любви, вероятно, можно пристраститься, как к курению трубки. Однако она все еще держалась мнения, что поначалу от нее чувствуешь себя совершенно больной и еще неизвестно, стоит ли игра свеч.

Потом, уже вызвав лифт, они заспорили о приобретенных вкусах – стоит ли их приобретать. Адам сказал, что это результат подражания, а подражать для человека – естественное дело, так что и приобретенные вкусы естественны. Но из-за присутствия лифтера этот спор не мог разрешиться так же, как предыдущий.

– Ух ты, до чего шикарно, – сказала Праведная Обида.

– Все очень мило, – сказала Непорочность светским тоном. – Но превозносить до небес тут нечего.

– Никто и не превозносит до небес. Я просто сказала, что здесь шикарно, а здесь и есть шикарно, скажешь, нет?

– Иным людям все, наверное, кажется шикарным.

– Потихе вы, – сказала Умеренность, которую на этот вечер назначили старшей над ангелами. – Не вздумайте тут ничего затевать, да еще в крыльях. Миссис Оранг этого не терпит, как будто сами не знаете.

– А кто что затевает?

– Да ты первая.

– Непорочности что ни говори, все как об стену горох, – сказала Стойкость. – Совсем зазналась, куда уж ей быть ангелом. Она сегодня каталась с миссис Пэнраст в «ролс-ройсе», я сама видела. И уж так пожалела, что все время лил дождь, а то была бы совсем интересная прогулка, верно, Непорочность?

– Тебе бы радоваться надо, Стойкость. Больше мужчин на твою долю остается. Только они что-то не понимают своего счастья.

После этого поговорили о мужчинах. Святая Тревога сказала, что у второго лакея красивые глаза.

– И он это знает, – добавила Умеренность. Все они сидели за ужином в комнате, которая у леди Метроленд все еще называлась классной. В окно было видно, как съезжаются гости. Несмотря на дождь, по обе стороны

крытого крыльца толпилось довольно много зевак, провожавших каждое манто либо восхищенными вздохами, либо презрительными смешками. Такси и собственные автомобили следовали друг за другом почти непрерывной вереницей. Леди Периметр в высокой бриллиантовой диадеме и под клетчатым зонтиком прошлепала от своего дома пешком, в галошах. Цвет Нашей Молодежи в полном составе высыпался из чьей-то машины, как выводок поросят, и, повизгивая, взбежал на крыльцо. Компанию «незваных», которые допустили ошибку, явившись в костюмах эпохи Виктории, вовремя распознали и не пустили. Они помчались домой переодеваться для повторного штурма. Никому не хотелось пропустить дебют миссис Оранг.

Однако ангелы чувствовали себя неважно. Они еще в семь часов облачились в свои белые хитоны, золотые пояски и крылья, а сейчас было уже десять, и напряжение начинало сказываться – в крыльях нельзя было даже с удобством откинуться на спинку стула.

– Хоть бы они поторопились, чтобы уж нам отделаться, – сказала Святая Тревога. – Миссис Оранг обещала, что разрешит нам потом выпить шампанского, если мы будем хорошо петь.

– Сама-то небось хлещет там, не стесняется,

– Непорочность!!

– Молчу, молчу.

Тут вошел лакей с красивыми глазами убирать со стола. Перед тем как закрыть за собой дверь, он дружески подмигнул им. «Красотки как на подбор, – думал он. – И надо же, такие религиозные. Лучшие годы зазря пропадают».

(В людской в тот день состоялась серьезная дискуссия об общественном статусе ангелов. Даже дворецкий мистер Бленкинсон не мог высказаться определенно.

– Ангелы, безусловно, не гости, – сказал он, – но и депутатией их тоже не назовешь. Они и не гувернантки, и, строго говоря, не духовенство. И не артисты, потому что артистов нынче приглашают к обеду, хоть и не следовало бы.

– Может быть, они по внутреннему убранству, – сказала миссис Блауз, – а не то из благотворительных учреждений.

– Те, что из благотворительных учреждений, миссис Блауз, – те идут заодно с гувернантками. Не вижу смысла множить общественные различия до бесконечности. А те, что по внутреннему убранству, – те либо гости, либо рабочие.

После дальнейших дебатов решили приравнять ангелов к сиделкам, и такая резолюция была принята. Только второй лакей остался при своем мнении, что ангелы – просто-напросто «молодые особы, и притом очень приятные», поскольку сиделкам, за редкими исключениями, безнаказанно не подмигнешь, ангелам же – пожалуйста.)

– Нам вот что хотелось бы знать, – сказала Святая Тревога, – как ты, Непорочность, вообще могла подружиться с миссис Пэнраст.

– Да, да, – подхватили ангелы. – Это совсем на тебя не похоже, кататься в машине с женщиной. – И они угрожающе распушили перья.

– Надо ей устроить допрос с пристрастием, – сказала Кротость, хищно облизываясь.

(У ангелов была принята некая система самосуда, которая начиналась с намеков, переходила к перекрестному допросу, затем к щипкам и шлепкам и заканчивалась обычно слезами и поцелуями.)

При виде обращенных к ней злобных, увенчанных нимбами лиц Непорочность сбавила тон.

– Что вы все на меня накинулись? – сказала она жалобно. – Почему я не могу покататься со знакомой?

– Хороша знакомая, – сказала Святая Тревога. – Ты ее сегодня в первый раз видела. – И она больно ущипнула Непорочность повыше локтя.

– Ой! – вскрикнула та. – Ой, не надо... свинья. Тут они все принялись ее щипать, но места выбирали с точным расчетом, чтобы не смять ее крылья и нимб, поскольку это не было оргией. (В своих спальнях они иногда давали себе волю, но не здесь же, не в классной у леди Метроленд, да еще перед серьезной премьерой!)

– Ой, – стонала Непорочность. – Ой, ой, ой, не надо... свиньи, гады, сволочи... ну хорошо, я скажу, я думала, что она мужчина.

– Что она – мужчина? Чушь какую-то мелешь.

– Она и с виду похожа на мужчину и... и ведет себя так. Она сидела за столиком в кафе. Без шляпы, а юбки не было видно... ой... не могу я рассказывать, когда вы щиплетесь... и она мне улыбнулась... ну, а я подошла и попила с ней чаю, а она говорит, не хочу ли я с ней покататься на машине, ну, я согласилась... Ой... лучше бы не соглашалась.

– А что она говорила в машине?

– Не помню... ничего особенного.

– А все-таки? Нет, ты скажи. Если скажешь, никогда больше не будем тебя щипать. Скажи мне на ушко, Непорочность, ты извини, если я тебе сделала больно. Сейчас же скажи, а то хуже будет.

– Да не могу я. Говорю вам, не помню.

– Ну-ка, девочки, подбавьте ей.

– Ой, ой, перестаньте. Сейчас скажу. Они сдвинули головы и были так увлечены ее рассказом, что не заметили, как вошла миссис Оранг.

– Опять грызня, – прогремел грозный голос. – Девочки, мне за вас очень стыдно.

Миссис Оранг была великолепна в вечернем платье из толстой золотой парчи с вышитыми по нему библейскими текстами.

– Мне за вас очень стыдно, – повторила миссис Оранг. – И опять вы довели Непорочность до слез, перед самым представлением. Если уж вам обязательно надо к кому-то цепляться, так зачем именно к ней? Пора бы уж вам знать, что, когда она плачет, у нее краснеет нос. Как, по-вашему, хорошо я буду выглядеть, когда займу свое место перед толпой ангелов с красными носами? Но куда там, вы только и думаете, что о собственных удовольствиях. Шлюхи. – Последнее слово она произнесла с такой экспрессией, что ангелы задрожали. – Не будет вам сегодня шампанского, ясно? И если хоть раз собьетесь, всем закачу хорошую порку, ясно? Ну, пошли, и ради всего святого, Непорочность, приведи в порядок свой нос. А то посмотрят на тебя и решат, чего доброго, что у нас собрание по борьбе с пьянством.

На первом этаже, куда безутешные ангелы спустились двумя минутами позже, все было блеск и великолепие. У

подножия лестницы Марго Метроленд с каждой из них здоровалась за руку, тут же оценивая ее опытным глазом.

– Вам что-то невесело, дорогая, – успела она шепнуть Непорочности, пока вела их через весь бальный зал к отгороженной орхидеями эстраде. – Если у вас есть желание переменить обстановку, скажите мне в конце вечера, я могу предложить вам работу в Южной Америке. Я не шучу.

– Ой, большое спасибо, – сказала Непорочность. – Но как же я могу уйти от миссис Оранг?

– Ну, вы это обдумайте, крошка. Такой хорошенькой девушке, как вы, грех тратить жизнь на пение гимнов. И вон той девушке, рыженькой, тоже передайте, что я, вероятно, смогу найти ей место.

– Кому? Кротости? Вы от нее держитесь подальше. Она черт в юбке.

– Что ж, некоторым мужчинам такое по вкусу, но чтобы баламутить других девушек – это мне не нужно.

– А она уж так баламутит, что будьте покойны. Вот, видите, какой синяк?

– Бедняжка!

Марго Метроленд и миссис Оранг поднялись вместе с ангелами по ступенькам между орхидеями и расставили девушек в глубине эстрады, лицом к залу. Непорочность оказалась рядом со Святой Тревогой.

– Пожалуйста, Непорочность, прости, если мы сделали тебе больно, – сказала Святая Тревога. – Я-то ведь совсем не сильно щипалась, правда?

– Кой черт не сильно, – сказала Непорочность. – Отстань. К ее руке потянулись немного липкие пальцы, но она сжала кулак. Уеду в Южную Америку, буду работать у леди Метроленд... А Кротости и не подумаю про это рассказывать... Он устремила взгляд прямо перед собой, увидела миссис Пэнраст и опустила глаза.

В бальном зале были тесными рядами расставлены легкие золоченые стулья, на всех стульях сидели люди. Лорд Вэнбру, удобно пристроившись возле двери, через которую можно было улизнуть к телефону, обозревал гостей. Все это были люди, в том или ином смысле примечательные. Марго Метроленд вышла вторично замуж [5] по нескольким, одинаково суетным, соображениям, главным из которых было ее желание восстановить в глазах света свою несколько пошатнувшуюся репутацию, и сегодняшнее сборище доказывало, что это ей удалось, ибо многие могут принять у себя премьер-министра, герцогиню Сэйлскую и леди Периметр, и кто угодно может принять и принимает (часто скрепя сердце) Майлза Злопрактиса и Агату Рансибл, но только вполне уверенная в себе хозяйка дома решится пригласить одновременно эти две категории гостей, столь несхожие по своим правилам жизни и нормам поведения. Рядом с Вэнбру, у самой двери, стоял человек, словно олицетворявший те перемены, что произошли в Пастмастер-хаус, когда миссис Бест-Чедвинд превратилась в леди Метроленд, – корректный мужчина пониже среднего роста, чья черная борода, ниспадавшая на грудь тугими блестящими завитками, почти совсем скрывала надетые на нее ордена св. Михаила и св. Георгия. На левом мизинце поверх белой перчатки – большой перстень с печатью, в петлице – орхидея. Глаза, молодые, но очень серьезные, оглядывали собравшихся; время от времени он отвечивал

четкий, изящный поклон. Несколько человек проявили к нему интерес.

– Гляди, какой бородач с медалью, – сказала Кротость Вере.

– Кто этот чрезвычайно самодовольный молодой человек? – спросила миссис Блекуотер у леди Троббинг.

– Не знаю, милочка, он же тебе поклонился.

– Нет, милочка, это он тебе поклонился.

– Как любезно с его стороны, я не была уверена... Он немножко напоминает мне нашего милого князя Анрепа.

– Так приятно по нынешним временам увидеть кого-то, кто действительно... ты не находишь, дорогая?

– Ты это про бороду?

– Между прочим, и про бороду, милочка.

Отец Ротшильд плел нити заговора с мистером Фрабником и лордом Метролендом. Он оборвал себя на полуслове.

– Простите, – сказал он, – но шпионы проникают всюду. Вот тот человек с бородой, вы его знаете?

Лорд Метроленд ответил, что он как будто имеет какое-то отношение к министерству иностранных дел; мистеру Фрабнику помнилось, что где-то он с ним встречался.

– Вот именно, – сказал отец Ротшильд. – Я считаю, что нам следует продолжить наш разговор при закрытых

дверях. Я за ним давно наблюдаю. Он кланяется через весь зал в пустоту и людям, которые сидят к нему спиной.

Великие мужи удалились в кабинет лорда Метроленда. Отец Ротшильд бесшумно притворил дверь и заглянул за портьеры.

– Дверь запереть? – спросил лорд Метроленд.

– Нет, – отвечал иезуит. – Замок не помешает шпиону слушать, – но нам он помешает поймать шпиона.

– Никогда бы до этого не додумался, – восхищенно произнес мистер Фрабник.

– Какая хорошенькая эта Нина Блаунт, – сказала леди Троббинг, прилежно лорнируя зал из первого ряда. – Но тебе не кажется, что она немножко изменилась? Можно подумать...

– Ты решительно все замечаешь, милочка.

– А что же нам, в наши годы, еще и остается, дорогая! Но у меня в самом деле впечатление, будто она что-то пережила такое... она сидит рядом с Майлзом. Ты знаешь, я сегодня получила весточку от Эдварда. Он возвращается в Англию. Для Майлза это будет страшный удар, ведь он все это время жил в доме Эдварда. А я, скажу тебе по секрету, даже отчасти рада, потому что Энн Опалторп, она живет через улицу, говорила мне, что там такое творится...сейчас у него живет один приятель. Очень странный человек, автомобильный гонщик. Но этого ведь все равно не скроешь, лучше и не пытаться... А вон миссис Пэнраст... да нет же, милочка, ты ее отлично знаешь, она бывшая Элинор Балкэрн... не понимаю, почему Марго приглашает таких женщин, а ты?... Правда, Марго и сама не такая уж святая

невинность... а кстати, вон и лорд Мономарк... да-да, владелец этих забавных газет... говорят, он и Марго... разумеется, еще до ее брака (я имею в виду ее второй брак)... но иногда такие вещи затягиваются, правда?... Интересно, где сейчас Питер Пастмастер?... За обедом он, конечно, был, и сколько же он пьет, милочка... а ему ведь всего двадцать лет, ну от силы двадцать один... ах, так вон она какая, эта миссис Оранг. Ужасно грубое лицо... да нет же, милочка, ничего она не услышит. Внешность у нее как у *procurgeuse* [6]... по, пожалуй, здесь этого не стоит говорить, как по-твоему?

Адам подошел и сел рядом с Ниной.

– Привет, – сказали они друг другу.

– Милый, – сказала Нина, – посмотри на нового поклонника Мэри Маус.

Адам посмотрел и увидел, что Мэри сидит с магараджей Поккапорским.

– Прелестная парочка, – сказал он.

– Мне так скучно, – сказала Нина.

Мистер Бенфлит, тоже бывший в числе приглашенных, разговаривал с двумя поэтами. Они говорили: -... и я написал Уильяму, что я этой рецензии не писал, но что Тони прочел ее мне по телефону, прежде чем отправить, только мне в это время ужасно хотелось спать. Я решил, что лучше сказать ему правду, потому что он все равно узнал бы от Тони. Я только сказал, что не советую ее печатать, так же как Уильяму с самого начала не советовал печатать книгу. Ну а Тони позвонил Майклу и сказал ему, что я сказал, что Уильям думает, что рецензию написал Майкл в

отместку за ту рецензию, что я дал на книгу Майкла год назад, хотя на самом-то деле Тони сами написал ее...

– Сочувствую, – сказал мистер Бенфлит.

– ...но даже если бы ее написал я, разве это давало бы Майклу основание говорить, что я украл у Уильяма пять фунтов?

– Разумеется, нет, – сказал мистер Бенфлит. – Сочувствую.

– Они просто не джентльмены, ни тот, ни другой. В этом все дело, только теперь как-то не принято на это ссылаться.

Мистер Бенфлит покачал головой печально и понимающе.

Тут миссис Оранг встала и приготовилась говорить. Зал притих – тишина, начавшись в задних рядах, волной прокатилась вперед по золоченым стульям, и несколько секунд был слышен только голос миссис Блекуотер, очень внятно излагающий какие-то подробности из прошлого леди Метроленд. Потом она тоже умолкла, и миссис Оранг начала свою знаменитую речь о надежде.

– Братья и сестры! – произнесла она хриплым, волнующим голосом. Потом сделала паузу и обвела ряды золоченых стульев глазами, чью магнетическую силу испытали на себе три континента. (Это было одной из ее любимых прелюдий.)

– Вы только оглянитесь на себя! – сказала она. Слушателей, как по волшебству, охватило покаянное беспокойство. Миссис Пэнраст заерзала на стуле: неужели эта глупышка проболталась?

– Деточка, – прошептала мисс Рансибл, – у меня нос не перепудрен?

Нина вспомнила, что некогда, всего двадцать четыре часа назад, была влюблена. Мистер Бенфлит подумал, что следовало поставить в договоре не пять, а три процента, начиная с десяти тысяч. У «незванных» мелькнула мысль, что лучше было бы, пожалуй, остаться дома. (Однажды в Канзас-Сити миссис Оранг вообще не пошла дальше этих вступительных слов: они вызвали такой взрыв эмоций, что все стулья в зале были изломаны в щепки. Как раз там в число ангелов вступила Кротость.) Леди Троббинг много чего вспомнила из собственной жизни... В каждом сердце нашлось, о чем поскорбеть.

– Опять она их заарканила, – шепнула Снятая Тревога. – Прямо двойной петлей.

Лорд Вэнбру юркнул к телефону передать в редакцию парочку хлестких абзацев на тему о фешенебельном благочестии.

Мисс Маус уронила две слезинки и потянулась к темной, униженной кольцами руке магараджи.

Но внезапно в этой насыщенной самобичеванием тишине прозвучал органнй глас самой Англии, охотничий покрик Старого режима. Леди Периметр проговорила громко и неодобрительно:

– Бывают же такие нахалки!

Адам, Нина и мисс Рансибл чуть не поперхнулись от смеха, а Марго Метроленд впервые за все свои вечера порадовалась, что ее почетную гостью ждет провал. В общем, минута получилась неловкая.

В кабинете отец Ротшильд и мистер Фрабник с упоением плели нити заговора. Лорд Метроленд курил сигару и спрашивал себя, удобно ли будет сейчас уйти. Ему хотелось послушать миссис Оранг и еще разок взглянуть на этих ангелов. Там была одна рыженькая... К тому же все эти интриги и международная политика никогда его не интересовали. В свое время, будучи членом палаты общин, он любил хорошие перепалки и до сих пор с легкой грустью вспоминал те неистовые состязания в притворстве, что помогли ему подняться до нынешнего высокого положения. И теперь еще, когда на обсуждении стоял какой-нибудь простой, всем понятный вопрос, вроде народного искусства или заработной платы беднякам, он не прочь был произнести возвышенную речь в палате лордов. Ну а к таким вот вещам у него душа не лежала.

Неожиданно отец Ротшильд выключил свет.

– Кто-то идет по коридору, – сказал он. – Прячьтесь за портьеры, быстро.

– Право же, Ротшильд... – начал мистер Фрабник.

– Послушайте... – сказал лорд Метроленд.

– Быстро, – повторил отец Ротшильд.

Государственные мужи попрятались. Лорд Метроленд, не переставая курить, откинул голову, и сигара встала торчком. Они услышали, как дверь открылась. Щелкнул выключатель. Чиркнула спичка. Потом еле слышно звякнул телефон – кто-то поднял трубку.

– Центральная десять тысяч, – сказал приглушенный голос.

– Пора, – сказал отец Ротшильд и выступил из-за портьеры. С телефонной трубкой в руке и зажженной сигарой из запасов лорда Метроленда у стола стоял бородатый незнакомец, возбуждавший его подозрения.

– А-а, здравствуйте, – заговорил он, – я не знал, что вы здесь. Хотел сказать два слова по телефону. Прошу прощения. Не буду вам мешать. Очень веселый вечер, не правда ли? Всего хорошего.

– Ни с места, – сказал отец Ротшильд. – И сейчас же снимите бороду.

– Вот еще, – сердито возразил незнакомец. – Нечего мной командовать, точно я какой-нибудь ваш служака... старый вы сводник.

– Снимите бороду, – сказал отец Ротшильд.

– Снимите бороду, – сказали лорд Метроленд и мистер Фрабник, внезапно появляясь из-за портьер.

Столь дружного натиска Церкви и Государства, притом после целого вечера сплошных неудобств, Саймон не выдержал.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал он, – если вам так уж приспичило... только это очень больно, ее бы нужно отмочить горячей водой... уф!

Он подергал черные завитки, и понемногу они поддались.

– Вот, пожалуйста, – сказал он. – А теперь советую, заставьте леди Троббинг снять парик... Работать так работать, чего уж там.

– Я, видимо, переоценил серьезность обстановки, – сказал отец Ротшильд.

– Да кто это, в конце концов? – спросил мистер Фрабник. – Куда делись мои детективы? Что это все значит?

– Это, – с горечью произнес отец Ротшильд, – это мистер Таратор.

– Никогда о таком не слышал... По-моему, такого и нет в природе. Мистер Таратор, скажи на милость... вы заставляете нас прятаться за портьерой, потом уверяете нас, что какого-то молодого человека с накладной бородой зовут Таратор... Право же, Ротшильд...

– Лорд Балкэрн, – сказал лорд Метроленд, – будьте добры немедленно покинуть мой дом.

– Так как же зовут этого молодого человека, Таратор или нет?... Честное слово, вы все с ума посходили.

– Да, я уйду, – сказал Саймон. – Не воображали же вы, что я вернусь в зал в таком виде? – И правда, лицо его с приставшими к подбородку и щекам кустиками черных волос выглядело по меньшей мере странно.

– Лорд Мономарк сегодня здесь, я не премину поставлю его в известность о вашем поведении...

– Он пишет в газетах, – попробовал отец Ротшильд объяснить премьер-министру.

– Я тоже, черт возьми, пишу в газетах, но я не ношу фальшивую бороду и не называю себя Таратором... Я просто не понимаю, что произошло... где мои детективы?... Кто мне наконец объяснит? Вы обращаетесь со мной, как с ребенком, – сказал он. Вот так же бывало на заседаниях кабинета, когда все они толковали о чем-то, чего он не понимал, а на него не обращали внимания.

Отец Ротшильд увел его и с чуть ли не унижительным терпением и тактом попытался открыть ему глаза на некоторые сложности, с которыми сопряжена в наши дни работа газетчика.

– Не верю ни единому слову, – твердил премьер-министр. – Все это несерьезно. Вы чего-то недоговариваете. Таратор, скажи на милость!

Саймону Балкэрну вручили его шляпу и пальто и проводили его до порога. Толпа у подъезда рассеялась. Дождь все шел. Саймон зашагал домой, в свою квартирку на Бурдон-стрит. Дождь затекал ему за воротник, смыл с его лица еще несколько черных прядок.

Перед дверью его дома мыли машину; он пробрался между машиной и помойкой, открыл дверь своим ключом и поднялся к себе. Квартира его была как ресторан «Chez Espinosa» – сплошь клеенка и лаликовское стекло; еще несколько довольно смелых фотографий работы Дэвида Леннокса, граммофон (купленный в рассрочку) и великое множество пригласительных карточек на камине. Купальное полотенце лежало на кровати, где он его бросил перед уходом.

Саймон прошел в кухню, отколол кусочек льда из холодильника. Потом приготовил себе коктейль. Потом подсел к телефону.

– Центральная десять тысяч, – сказал он. – Миссис Брэйс, пожалуйста... Алло, говорит Балкэрн.

– Ну, добыли материал?

– О да, материал я добыл, только он не в хронику, это последние новости, на первую полосу. А в колонку Таратора придется вам дать «Эспинозу».

– О черт!

– Прочтете – еще не то скажете... Алло! Дайте последние новости... говорит Балкэрн. Ну-ка, посадите кого-нибудь там записывать... готовы? Начали.

Сидя у стола, покрытого стеклом, потягивая коктейль, Саймон Балкэрн стал диктовать последнюю в своей жизни корреспонденцию.

Сцену массового религиозного экстаза запятая напоминающую негритянские радения у костра в южных штатах Америки запятая можно было наблюдать вчера вечером в самом сердце Мэйфэра, на приеме, устроенном в честь знаменитой американской проповедницы миссис Оранг виконтессой Метроленд, в прошлом достопочтенной миссис Бест-Чедвинд, в ее историческом особняке Пастмастер-хаус точка. Никогда еще в этом великолепном бальном, зале не собиралось столь блестящее общество...

Это была его лебединая песня. В мозгу его рождались выдумки одна другой чудовищнее.

...когда достопочтенная Агата Рансибл, стоя рядом с миссис Оранг среди орхидей, дирижировала хором ангелов, по лицу ее струились слезы...

Редакция «Эксцесса» заволновалась. Машины было приказано остановить. Репортеры ночной смены, навеселе, как всегда в этот час, сгрудились вокруг стенографиста, печатавшего на машинке.

Наборщики выхватывали у него из рук лист за листом. Редакторы отделов принялись безжалостно ужимать и вымарывать; они выкинули важные политические сообщения, скомкали показания свидетелей по делу об убийстве, сократили статью театрального критика до одного ехидного абзаца – лишь бы освободить место для корреспонденции Саймона.

Она прошла «во всей красе, без сучка, без задоринки», как выразился один из редакторов.

– Наконец-то маленький лорд Фаунтлерой попал в жилу, – сказал другой.

– Давно пора, – одобрительно заметил третий.

...не успела леди Эвримен кончить, как с места поднялась графиня Троббинг, чтобы покаяться в грехах, и прерывающимся от волнения голосом поведала дотоле считавшиеся недостоверными подробности о происхождении нынешнего графа...

– Скажите мистеру Эдвардсу, пусть подберет фотографии всех троих, – распорядился помощник редактора «Последних новостей».

*– ...маркиз Вэнбру, громко рыдая от раскаяния...
Миссис Пэнраст пела в лихорадочном возбуждении...
леди Энкоредж, опустив глаза долу...*

Тут архиепископ Кентерберийский, до тех пор не поддававшийся всеобщему воодушевлению, во

всеуслышание заявил, что в Итоне в восьмидесятих годах он и сэр Джеймс Браун...

...затем герцогиня Стэйлская с возгласом «Во искупление грехов!» созвала с себя диадему из бриллиантов и изумрудов, примеру ее тут же последовали графиня Периметр и леди Браун, после чего на паркет буквально градом посыпались драгоценные камни – бесценные фамильные сокровища вперемешку с поддельным жемчугом и стразами. Незаполненный чек выпорхнул из руки магараджи Поккапорского...

Получилось два столбца с лишним, и, когда Саймон, выслушав поздравления коллег, опустил наконец трубку, он впервые, с тех пор как стал газетчиком, ощутил полное удовлетворение от своей работы. Он допил водянистые остатки коктейля и прошел в кухню. Затворил дверь и окно и открыл дверцу духовки. В духовке было очень темно и грязно и пахло мясом. Он постелил на нижний противень газету и лег на нее головой. Тут он заметил, что нечаянно взял страницу «Морнинг диспетч» со светской хроникой Вэнбру, и накрыл ее еще одной газетой. (Противень был полон крошек.) Потом он отвернул кран. Струя газа взревела неожиданно громко, пошевелила его волосы и последние ошметки бороды. Сперва он задержал дыхание. Потом решил, что это глупо, и потянул носом. От вдоха он закашлялся, а от кашля стал дышать глубже, а задышав, почувствовал себя очень скверно. Но скоро он потерял сознание и через некоторое время умер.

Так последний граф Балкэрн отправился, что называется, к праотцам (тем, что полегли во многих землях и под многими знаменами, смотря по тому, куда гнали их прихоти внешней политики Англии и собственная тяга к странствиям, – при Акре [7], Азенкуре [8] и Килликэрэнки [9],

в Египте и в Америке. Одного дочиста обглодали рыбы, пока волны катили его среди крон подводных деревьев, другие почернели под тропическим солнцем до полной непрезентабельности, а многие покоились в мраморных гробницах пышной и причудливой архитектуры).

Примерно в это время в Пастмастер-хаус леди Метроленд говорила о нем с лордом Мономарком. Лорд Мономарк хохотал, как мальчишка.

– Вот молодчина, – сказал он, – так-таки нацепил фальшивую бороду? Ловко, ловко. Как, ты сказала, его зовут? Завтра же повышу его в должности.

И, вызвав сопровождавшего его секретаря, велел ему записать фамилию Саймона.

А когда леди Метроленд попробовала возражать, он не слишком-то учтиво оборвал ее.

– Брось эти штучки, Марго, – сказал он. – Уж со мной-то могла бы не выламываться.

Глава 7

Потом мистером Таратором стал Адам. Когда они с Ниной как-то завтракали у «Эспинозы» и лениво ссорились, к их столику подошла делового вида коротко стриженная женщина, в которой Адам узнал редакторшу светской хроники из «Дейли экспресс».

– Я вот насчет чего, – сказала она. – Это не вы приходили с Балкэрном в редакцию в тот день, когда он с собой покончил?г

– Да, я.

– Вот уж подложил нам свинью. Шестьдесят два вызова в суд за клевету – это полученных, а будет и больше. И это бы еще полбеды. Главное, теперь мне и за него и за себя работать. Я подумала, может, вы знаете кого-нибудь из тех, кто здесь сидит, и мне что-нибудь расскажете.

Адам указал ей несколько примелькавшихся фигур.

– Да, но эти все не годятся. Они в черном списке. Понимаете, Мономарк рвал и метал из-за этой корреспонденции Балкэрна о вечере у леди Метроленд и категорически запретил упоминать всех, кто подал на газету в суд. Так что же мне, спрашивается, делать? Материала-то нет. Даже премьер-министра и архиепископа Кентерберийского и тех нельзя упоминать. Вы, наверно, никого не знаете, кто бы пошел на эту работу? За нее разве что круглый дурак возьмется.

– А сколько платят?

– Десять фунтов в неделю и служебные расходы. У вас что, есть кто-нибудь на примете?

– Я сам не прочь предложить свои услуги.

– Вы?! – Редакторша смерила его скептическим взглядом. – А справитесь?

– Недели две попробую, а там видно будет.

– Дольше-то никто и не выдерживает. Ну ладно, кончайте завтракать и пошли в редакцию. Таких безобразий, как Балкэрн, вам все равно не натворить, а ведь поначалу казалось – толковый работник.

– Теперь мы можем пожениться, – сказала Нина.

Тем временем иски за клевету, предъявленные автору, наборщикам и издателям последней корреспонденции

Саймона Балкэрна, буквально парализовали работу судов по всей стране. Старая гвардия под предводительством миссис Блекуотер с головой окунулась в оргию судебных тяжб, какой не бывало с самой войны. (Один из молодых адвокатов вызвал особенное умиление леди Троббинг. «Доживите до моих лет, голубчик, и вы согласитесь, что в парике есть что-то очень *sympathique*...»). Представители молодого поколения в большинстве не стали доводить дело до суда, а на вырученные деньги устроили превеселый вечер в дирижабле. Мисс Рансибл, натура не столь благоразумная, заполнила два альбома газетными вырезками, запечатлевшими ее многократное появление в суде – то в качестве истицы, то в качестве свидетельницы, то (в шляпе, которую она попросила для этого случая у мисс Маус) в очереди из «одетых по последней моде дам, ожидающих, когда начнут впускать публику», один раз в момент, когда пристав удалял ее с галереи прессы, и, наконец, в качестве подсудимой, приговоренной к десяти фунтам штрафа или семи суткам тюремного заключения за неуважение к суду.

Значительно усложнило всю процедуру поведение миссис Оранг – она дала интервью, в котором полностью подтвердила все, что написал Саймон Балкэрн. Кроме того, она велела своему пресс-агенту разослать по телеграфу сообщение о вечере во все концы света. А затем отбыла со своими ангелами на континент, ибо неожиданно получила приглашение – оживить религиозную жизнь в Обераммергау.

Время от времени из Буэнос-Айреса приходили письма, в которых Непорочность и Праведная Обида отзывались о южноамериканских развлечениях без особого восторга.

– И поделом им, – сказала миссис Оранг. – Нечего было от добра добра искать.

– Выходит, там у них так же, как у нас, – задумчиво произнесла Святая Тревога.

– Этим хоть кол на голове теши, все равно не поймут, в чем разница, – сказала миссис Оранг.

Эдвард Троббинг с двумя секретарями возвратился в свой Дом на Хартфорд-стрит, так что Майлз и его приятель автогонщик были вынуждены перебраться в «Шепард». Майлз уверял, что огорчает его в связи с возвращением брата не столько лишение комфорта, сколько расходы. Троббинг первые несколько недель жестоко страдал оттого, что его секретари снова и снова обнаруживали в разных углах дома всякие любопытные и компрометирующие предметы. И дворецкий его заметно изменился. Однажды он громко икнул, подавая обед двум приглашенным в гости министрам; он жаловался, что в ванне полно пауков и что в доме все время играют на музыкальных инструментах, и, наконец, в приступе белой горячки стал метаться по буфетной, размахивая кочергой, так что пришлось увезти его в больницу. Еще долго после того, как эти непосредственные причины для беспокойства были устранены, секретарям Троббинга периодически отравляли жизнь двусмысленные телефонные звонки и визиты угрожающего вида молодых людей, которым требовались новые костюмы, либо билет в Америку, либо пятерка, чтобы перебиться до лучших времен.

Но как ни велик общечеловеческий интерес этих событий, рассказать о них читателям странички мистера Таратора было, разумеется, невозможно.

Черный список лорда Мономарка внес опустошения в ряды персонажей светской хроники «Дейли экссесс». Неожиданно и внезапно читателей мистера Таратора спустили с высот в какой-то серый мир, населенный ничтожествами. Их вниманию предлагали снимки, на

которых кривобокие дочери захоластных пэров кормят отрубями фамильных кур; им сообщали о помолвке младшей сестры епископа Чертсейского и об обеде, который вдова какого-то верховного комиссара устроила в честь друзей, приобретенных ею еще в колониях. В «Хронику» шли подробности о безупречной семейной жизни писательницы, снятой со своим спаниелем на крыльце увитого розами деревенского дома; студенческие танцульки и встречи старых однополчан; анекдоты из практики видных врачей и юристов; сплетни о вечеринках с коктейлями в подвальных квартирах у прыщавых дикторов Би-би-си, о чаепитиях с танцами на Глостер-террас и о застольных шутках университетских преподавателей.

Адам, подстегиваемый издевками своей редакторши, внес в этот унылый раздел новую жизнь и человеческую теплоту. Он затеял серию заметок «Увечные знаменитости», сразу же завоевавшую огромную популярность. Начал он в тоне легкой светской болтовни:

Как-то на днях на званом обеде мы с моей соседкой решили составить список самых известных из числа глухих аристократок. Первой, разумеется, в нем стояла старая леди В...

На следующий день речь шла о глухих пэрах и государственных деятелях; потом об одноногих, слепых и лысых. Хвалебные открытки сыпались в редакцию со всех концов Англии.

«Я уже много лет читаю Вашу страничку, – писал кто-то из Бьюда, – но теперь она впервые доставила мне истинное наслаждение. Я сам давно оглох, и для меня было большим утешением узнать, что тем же недугом страдает так много именитых мужчин и женщин. Спасибо Вам, мистер Таратор, и желаю удачи».

Другая открытка гласила: «С детства для меня были мучением мои ненормально большие уши – предмет бесчисленных насмешек и серьезная помеха в моей карьере (я телефонист). Мне очень хотелось бы знать, есть ли у меня товарищи по несчастью среди великих людей».

Наконец Адам обрыскал дома для умалишенных и психиатрические больницы и целую неделю с большим успехом давал заметки под заголовком «Титулованные чудаки».

Не всем известно, что у графа Н., живущего в строгом уединении, есть необычайная причуда – носить костюмы наполеоновской эпохи. Его ненависть к современной одежде так велика, что однажды...

Лорд А., который в последнее время, к сожалению, лишь очень редко появляется в обществе, посвятил себя сравнительному изучению религий. Существует забавный рассказ о том, как за завтраком у тогдашнего настоятеля Вестминстерского аббатства лорд А. сильно удивил своего хозяина, заявив, что Десять заповедей отнюдь не божественного происхождения, а сочинены им самим и им же переданы Моисею на горе Синайской...

Леди Б., которая подражает голосам животных так натурально, что ее лишь с трудом удается уговорить объясняться как-нибудь иначе...

И так далее.

Кроме того, рассудив, что публике, в сущности, безразлично, о ком ни читать, лишь бы насытить свой неумный интерес к чужой жизни, он начал сам выдумывать людей.

Он выдумал скульптора по фамилии Провна, сына польского шляхтича, и поселил его в ателье под крышей Гровнер-хаус [10]. Произведения его (находящиеся исключительно в частных руках) созданы главным образом из пробки, эбонита и стали. По сведениям мистера Таратора, Метрополитен-музей уже некоторое время ведет переговоры о приобретении хотя бы одной его скульптуры, но до сих пор ему не удалось перебить предложения частных коллекционеров.

Так велико в наши дни влияние прессы, что вскоре после этой заметки ранние работы Провны потоком хлынули из Варшавы на Бонд-стрит и с Бонд-стрит в Калифорнию, а миссис Хуп сообщила своим друзьям, что Провна работает сейчас над бюстом Джонни, который она решила подарить государству. (Эти последние данные Адам не смог опубликовать, поскольку миссис Хуп состояла в черном списке, но они появились вместе с портретом Джонни в заметке его конкурента маркиза Вэнбру.)

Окрыленный успехом, Адам стал понемногу знакомить своих читателей с целым рядом блестящих и прелестных людей. Для начала он мельком упоминал их имена среди других, реально существующих. Так, в итальянском посольстве появился обаятельный молодой атташе граф Цинциннати... Он был потомком знаменитого римского консула Цинцинната и носил в гербе плуг. Граф Цинциннати считался лучшим в Лондоне виолончелистом-любителем. Однажды вечером Адам видел его танцующим в «Cafè de la Paix». Через несколько дней лорд Вэнбру заметил его среди публики в театре Ковент-Гарден и не преминул сообщить, что графу принадлежит самая богатая в Европе коллекция оригинальных эскизов для русского балета. Два дня спустя Адам отправил его на несколько дней в Монте-Карло отдохнуть и развлечься, а Вэнбру дал понять, что эта поездка предпринята неспроста, и

упомянул, что дочь одной известной среди финансовой элиты американки гостит там сейчас на вилле у своей тетушки.

Был еще некий капитан – Энгус Стюарт-Керр, изредка наезжающий в Англию, к великой радости своих друзей; в отличие от большинства охотников на крупную дичь этот капитан превосходный и неутомимый танцор. Адам был сильно раздосадован, когда капитана Стюарт-Керра перехватил у него репортер светской хроники какого-то грошового иллюстрированного еженедельника, видевший его на скачках и написавший, что капитан считается лучшим наездником на Гебридских островах. На следующий же день Адам заткнул ему глотку.

У некоторых людей сложилось впечатление, – писал он, – что капитан Стюарт-Керр, о котором я недавно упоминал в этих заметках, заядлый наездник. Возможно, они путают его с его дальним родственником, Элестером Керр-Стюартом из Инверохти. Капитан Стюарт-Керр вообще не ездит верхом, и вот почему: члены его клана до сих пор хорошо помнят гэльские стихи, которые я привожу в приблизительном переводе: «Господь скачет на двух ногах». Предание гласит, что, когда глава рода сядет на лошадь, весь клан погибнет ^[11].

Однако самым значительным творением Адама оказалась миссис Эндрю Квест. Вводить в заметки Таратора англичан всегда было трудновато, поскольку читатели наловчились проверять его сведения по Дебретту (в чем он убедился на горьком опыте: когда он однажды упомянул о помолвке третьей, младшей, дочери одного валлийского баронета, на него обрушилось шесть открыток, восемнадцать телефонных звонков, телеграмма и личное выражение протеста – пусть знает, что в той семье не три, а две сестры, обе красавицы, но еще не вышедшие из

школьного возраста. Редакторша в тот раз ругала его долго и язвительно). И все же в один прекрасный день он спокойно и решительно назвал Имоджин Квест самой прелестной и неотразимой из молодых замужних женщин высшего круга. При этом она сразу проявила ярко индивидуальные черты. Адам благоразумно умолчал о ее предках, но его читатели переглянулись и незамедлительно наделили ее высоким (хоть и незаконным) происхождением. Всеми остальными достоинствами Адам снабдил ее, не скупясь. Роста она была чуть выше среднего, смуглая и стройная, с огромными, как на портретах Мари Лорансен, глазами и непринужденной грацией спортсменки (по утрам до завтрака она регулярно по полчаса занималась фехтованием). Даже Провна, известный своим равнодушием к общепризнанной женской красоте, отозвался о ней как об «оправдании своего века».

Туалеты ее были умопомрачительны, и тончайший налет небрежности ставил их много выше стандартного шика манекенщиц.

В ней гармонично сочетались несовместимые, казалось бы, добродетели: она была остроумна и милосердна, порывиста и безмятежна, чувственна и прохладна, импульсивна и скромна.

Ее кружок – самый сплоченный и блестящий в Европе – был некой идеальной серединой между двумя полюсами дикарства – леди Периметр и леди Метроленд.

Вскоре Имоджин Квест сделалась олицетворением недоступности – этой конечной цели всех светских честолюбцев.

Зайдя однажды с Ниной в магазин на Ганновер-сквер, где она собиралась купить себе шляпу, Адам был не на шутку озадачен, увидев на стульях и подзеркальниках

множество шляпных картонок, приготовленных, судя по броским карточкам для отправки миссис Эндрю Квест. Он не раз слышал, как ее имя благоговейно произносили в танцевальных клубах или как бы случайно вкрапливали в ничего не значащие фразы вроде: «Дорогая моя, я теперь совсем не вижу Питера, он целые дни проводит у Имоджин Квест», или «Как сказала бы Имоджин...», или «По-моему, точно такой есть у Квестов. Надо будет спросить, где они его достали». Сознание того, что где-то совсем рядом существует этот благороднейший, никому не подвластный и недоступный кружок Квестов, словно вносило сладость и остроту в жизнь читателей мистера Таратора.

Как-то раз Имоджин устроила вечер, приготовления к которому заняли несколько абзацев. На другой день рабочий стол Адама ломился от писем – «незванные» жаловались, что в указанном доме на Симор-плейс никто не живет.

Наконец очаровательной миссис Квест заинтересовался сам лорд Мономарк. В редакцию поступила просьба – не может ли мистер Таратор их познакомить. В этот день Квесты отплыли на Ямайку.

Еще Адам попробовал деликатно подсказать своим читателям кое-что новое по части одежды.

Вчера вечером в «Café de la Paix» – писал он, – я заметил на двух самых элегантных в зале мужчинах черные замшевые штиблеты при обычных вечерних костюмах. (Один из них – называть его не буду – человек Очень Высокопоставленный.) Говорят, эта мода, пришедшая к нам, как и многие другие, из Нью-Йорка, найдет здесь в текущем сезоне многочисленных последователей.

Несколько дней спустя он упомянул, что капитан Стюарт-Керр заходил в посольство и «на нем, разумеется, были сверхмодные черные замшевые штиблеты». Через неделю он с удовлетворением отметил, что Джонни Хуп и Арчи Шверт пошли по стопам капитана Стюарт-Керра, а через две недели роскошные магазины готового платья на Риджент-стрит перевесили ярлычки в витринах и выстроили на серебряных полочках длинные ряды черных замшевых штиблет с карточкой «Для вечеров».

Не столь успешной оказалась другая его попытка – ввести в обиход котелок бутылочного цвета: один «широкоизвестный шляпочник на Сент-Джеймс-стрит», которого интервьюировала по этому поводу какая-то вечерняя газета, заявил даже, что никогда не видал зеленых котелков и не слышал о них и хотя не отказался бы создать такое чудо, если б его попросил о том какой-нибудь старый клиент, но не допускает мысли, что кому-нибудь из его старых клиентов такая шляпа может потребоваться. (Впрочем, ему передавали печальную историю про одного обедневшего старого щеголя, который пытался выкрасить серый котелок зелеными чернилами, как когда-то в давно прошедшие годы красил гвоздики для бутоньерки.)

Постепенно страничка мистера Таратора все больше приближалась к чистому вымыслу. По собственной прихоти, как восточный владыка, Адам распахивал перед своими читателями двери недоступных для простых смертных харчевен, являющих собой последний крик моды, возил их на балы в гостиницы Общества трезвости в Блумсбери. В заметке, озаглавленной «Монпарнас в Белгрэйвии», он сообщил, что буфет на станции метро «Слоун-сквер» стал любимым прибежищем самых современных писателей и художников. (Мистер Бенфлит поспешил туда в первый же свободный вечер, но не увидел

никого, кроме миссис Хуп, лорда Вэнбру да какого-то подвыпившего плебея в целлулоидном воротничке.)

А в безнадёжные предвечерние часы, когда фантазия Адама иссякала и его охватывала та черная тоска, что подстерегает равно репортера светской хроники и романиста, он искал утешения в том, чтобы выбрать какого-нибудь смиренного, держащегося в тени обывателя и вознести его на вершину известности.

Так он поступил с человеком, которого звали Рыжик.

По долгу службы, приводившему его во всякие диковинные места, Адам поехал с Ниной в Манчестер на ноябрьский гандикап. Здесь их ждало тяжелое переживание: Селезень легко пришел первым, и тотализатор выплатил тридцать пять к одному. Было это во время кампании за зеленые котелки, и Адам тщетно высматривал хоть какие то результаты своего влияния, как вдруг увидел в толпе веселую красную физиономию того пьяного майора, которому вверил тогда у Лотти свою тысячу фунтов. Странно было, что такой крупный мужчина так легко исчезает из поля зрения. Адам не был уверен, заметил его майор или нет, но каким-то таинственным образом тот бесследно пропал, едва Адам к нему кинулся. Толпа, потрясавшая фляжками и сэндвичами, все густела, и, когда Адам добрался до того места, где только что стоял майор, два полисмена хватили там мальчишка -карманника.

– Эй, чего толкаетесь? – спрашивали его зеваки.

– Вы не видели тут пьяного майора? – спрашивал Адам. Но никто не мог ему помочь, и он, приуныв, вернулся к Нине, с которой уже разговаривал какой-то молодой человек с вьющимися рыжими усами.

Молодой человек сказал, что хватит с него скачек, и Адам сказал, что с него тоже хватит; тогда молодой человек

предложил подвезти Адама и Нину в Лондон на своем моторе, и они согласились. «Мотор» оказался большущей, с иголки новой гоночной машиной, и в Лондон они успели к обеду. Нина объяснила, что в детстве они с этим молодым человеком вместе играли, а последние пять лет он провел на Цейлоне, где был занят чем-то военным. Звали его Эдди Литлджон, но за обедом он сказал, какого черта, пусть называют его Рыжик, как все. И они стали называть его Рыжик, а он предложил, не выпить ли еще бутылку шампанского, и Нина с Адамом нашли, что это отличная идея, и они заказали двойную бутылку и очень подружились.

– Вы знаете, – сказал Рыжик, – мне здорово повезло, что я вас встретил. А то мне уж казалось, что хватит с меня Лондона. Такое, черт возьми, болото. Я, когда возвращался домой, думал, вот уж повеселюсь, кутну как следует... ну, и все такое, вы понимаете. Так вот, читаю я на днях газету, а там сказано, что сейчас самое шикарное место, где потанцевать, – отель «Казанова» в Блумсбери. Мне это показалось чудновато – я, понимаете, никогда про такой не слышал, а потом думаю – меня столько времени здесь не было, мода меняется и все такое. Ну, приделся как надо и отправился туда провести вечерок. Так что же вы думаете? Приезжаю, а там танцующих человека три, не больше. Спрашиваю, где бар. А они мне: «Бар?» А я им: «Ну, понимаете, где продают напитки». А они говорят, что у них, наверное, найдется кофе. Нет, говорю, не кофе. Тогда они говорят, что не имеют лицензии на продажу алкогольных напитков, так они выразились. Ну, знаете, если это все, что Лондон может предложить порядочному человеку, я предпочту Коломбо. Интересно, кто пишет такие вещи в газетах?

– Могу вам ответить: я.

– Нет, правда? Вы, стало быть, ужасно умный? А про зеленые котелки кто писал, тоже вы?

– Да.

– Ну, знаете, где это видано – зеленый котелок... то есть, я хочу сказать... Знаете, по-моему, все это розыгрыш. Понимаете, по-моему, все это ужасно смешно. Вы только подумайте, ведь всякие болваны вполне могли закупить себе зеленых котелков!

Затем они поехали в «Café de la Paix» и там встретили Джонни Хупа, и он пригласил их всех на вечер в дирижабле, который должен был состояться через несколько дней.

Но Рыжик заявил, что второй раз его не проведешь.

– Ну нет, – сказал он, – только не в дирижабле. Опять вы меня разыгрываете. Где это видано, чтобы устроить вечер в дирижабле? А если кто-нибудь вывалится?

Адам по телефону передал свою страничку в «Эксцесс», а вскоре затем на эстраде, шаркая черными замшевыми штиблетами по освещенному рампой кругу, появился певец мулат, к которому Рыжик отнесся неодобрительно. Рыжик сказал, что ничего не имеет против негров; он справедливо отметил, что негры – это ничего, когда они на своем месте, но, в конце концов, не для того он плыл такую даль из Коломбо в Лондон, чтобы посмотреть на негров. И они ушли из «Café de la Paix» и поехали к Лотти, где Рыжик помрачнел и сказал, что в Лондоне уже не чувствуешь себя дома, – все не так, как было раньше.

– Вы понимаете, – сказал Рыжик, – пока я жил в Коломбо, я все время думал: «Как только мой старик отдаст концы и я унаследую фамильные дублоны, сразу махну домой в Англию и так развернусь, что небу жарко станет». А

теперь, когда дошло до дела, выходит, что мне как будто ничего и не хочется.

– Может, выпьем? – сказала Лотти.

Рыжик выпил, потом они с каким-то американцем несколько раз подряд спели песню итонских гребцов, и к концу вечера он признал, что кое-какая жизнь в доброй старой столице империи еще теплится.

На следующий день читатели мистера Таратора узнали, что: Среди публики на ноябрьском гандикапе выделялось несколько спортивных фигур в зеленых котелках, и в первую очередь капитан Литлджон, или Рыжик, как его называют близкие друзья. Капитан Литлджон – один из самых богатых и известных в высшем свете холостяков, и в последнее время его имя поминают в связи с предстоящим замужеством единственной дочери из одного знаменитого герцогского рода. На скачки он вчера приехал на собственном моторе, которым правит сам...

В течение нескольких дней имя Рыжика, к немалому его смущению, снова и снова фигурировало в заметках Адама. Ему прочили несколько разных невест, ходили слухи, что он под писал контракт с кинокомпанией, что он купил небольшой остров в Бристольском заливе с целью превратить его в загородный клуб и что скоро увидит свет его роман из цейлонской жизни, в котором выведено – в весьма прозрачно замаскированном виде – много лондонских знаменитостей.

Однако шутка с бутылочного цвета котелками зашла слишком далеко. Адама вызвали к лорду Мономарку.

– Послушайте меня, Саймз, – сказал великий человек. – Страничка ваша мне нравится. Написано ловко, есть много новых имен, и интимный тон вполне подходящий. Я ее читаю каждый день, и дочь моя тоже. Продолжайте в том

же духе, и все будет в порядке. Но что это за болтовня про зеленые котелки?

– Конечно, сэр, пока еще их носят немногие, но...

– У вас, например, есть зеленый котелок? Показать мне можете?

– Сам я, к сожалению, такого не ношу.

– А где вы их видите? Я лично до сих пор ни одного не видел. И моя дочь не видела. Кто их носит? Где их покупают, хотел бы я знать? Так вот, имейте в виду, Саймз, я не говорю, что зеленых котелков вообще не бывает; может, они есть, а может, и нет. Но в моей газете чтобы зеленых котелков больше не было, понятно? И еще одно. Этот ваш граф Цинциннати. Я и про него не говорю, что он вообще не существует. Может, существует, а может, и нет. Но итальянскому послу ничего о нем не известно, и в «Готском альманахе» он не значится... Для моей газеты этого вполне достаточно. И еще, хватит писать про «Эспинозу». Мне там вчера вечером счет неправильно выписали. Итого, значит, три замечания, ясно? Пронумеруйте их в уме – один, два, три. В этом весь секрет, как не забыть, – ну-ме-рация. Вот и все. Теперь бегите да скажите там министру внутренних дел, пусть заходит. Он ждет в коридоре, увидите – такой плюгавый человечек в пенсне.

Глава 8

Через два дня Адам и Нина повезли Рыжика на вечер в дирижабле. Вечер получился не особенно удачный. Долгая поездка в машине Рыжика до захиревшего пригорода, где стоял на приколе дирижабль, повергла их в холодное уныние, погасив последние искры веселья, еще

вспыхивавшего изредка за обедом, которым накормил их Рыжик.

Дирижабль, казалось, заполнял все поле. Он был закреплен в нескольких футах от земли бесчисленными тросами, о которые они то и дело спотыкались, пока шли к трапу, застеленному в честь высоких гостей красной дорожкой.

Внутри, в салонах, сообщавшихся между собой винтовыми лесенками и металлическими переходами, было тесно и жарко. Повсюду торчали какие-то выступы, и мисс Рансибл уже через полчаса оказалась вся в синяках. Был оркестр, был бар, и все те же лица. Новым было то, что до сих пор вечеров в дирижаблях никто не устраивал.

Адам поднялся на нечто вроде открытого балкона. Необъятный шелковый пузырь заслонял небо, чуть заметно колыбался на ветру. Фары подъезжающих машин чертили полосы света на растрепанной траве. Кучка зевак у ворот изощрялась в насмешках. На балконе неподалеку от Адама раскинулась на подушках влюбленная парочка. Еще там была незнакомая ему молодая женщина, она держалась за строп и тяжело дышала – видимо, ей было нехорошо. Вспыхнул огонек сигары, и Адам увидел, что влюбленная парочка – это Мэри Маус и магараджа Поккапорский.

Тут к нему подошла Нина.

– Обидно, что двое таких богатых людей влюблены друг в друга, – сказала она, кивнув на магараджу и Мэри. – Сколько денег зря пропадает.

– Нина, – сказал Адам, – давай поскорее поженимся, хорошо?

– Да, надо бы, а то очень скучно.

Молодая женщина, которая плохо себя чувствовала, пошатываясь, прошла мимо них, решив, как видно, уехать домой, если ей удастся найти свое пальто и своего кавалера.

– ...не знаю, может быть, это звучит глупо, – сказал Адам, – но мне, честное слово, кажется, что брак должен длиться, понимаешь, – что он должен быть надолго. Тебе тоже так кажется? Или нет?

– Да, это одно из преимуществ брака!

– Я рад, что ты так считаешь. Я почему-то не был в этом уверен. А иначе получается какая-то фикция, верно?

– По-моему, тебе надо еще раз съездить к папе, – сказала Нина. – Писать нет смысла. Съезди и скажи ему, что у тебя есть работа, и ты теперь богатый, и что мы поженимся еще до Рождества.

– Ладно. Так и сделаю.

– ...Помнишь, как мы в первый раз сговаривались, что ты к нему поедешь?... Вот точно так же... это было на вечере у Арчи Шверта.

– Ох, Нина, сколько же всяких вечеров!

(Костюмированные вечера, дикарские вечера, викторианские вечера, вечера эллинские, ковбойские, русские, цирковые, вечера, на которых меняются костюмами, полуголые вечера в Сент Джонс Вуд, вечера в квартирах и студиях, в домах и на кораблях, в отелях и ночных клубах, на ветряных мельницах и в плавательных бассейнах, школьные вечера, где пьют чай с пышками, безе и консервами из крабов, оксфордские вечера, где пьют старый херес и курят турецкие сигары, скучные балы в Англии, нелепые балы в Шотландии и отвратные

танцульки в Париже – все эти сменяющиеся и повторяющие друг друга людские скопища... Эта мерзкая плоть...)

Он прислонился пылающим лбом к прохладной Нининой руке и поцеловал ее в ямку у локтя.

– Понимаю, милый, – сказала она и положила руку ему на голову.

Самодовольной походочкой, заложив руки за фалды, на балкон вышел Рыжик.

– Как дела, друзья? – сказал он. – Здорово здесь все устроено, а?

– Веселитесь, Рыжик?

– Еще бы. Знаете, я тут познакомился с одним отличным малым, зовут Майлз. Парень хоть куда. Такой, понимаете, общительный. Тем-то и хороши настоящие вечера – знакомишься со стоящими людьми. Понимаете, другого за год и то не узнаешь, а вот с таким малым, как Майлз, сразу чувствуешь себя как с закадычным другом.

Автомобили один за другим уже отъезжали от ворот. Мисс Рансибл сказала, что она слышала об одном божественном ночном клубе, где-то около Лестер-сквера, где подают спиртное в любое время суток. Называется – Клуб святого Христофора.

И они все поехали туда в машине Рыжика.

По дороге Рыжик сказал: – Этот Майлз, он, понимаете, какой-то странный...

Найти Клуб святого Христофора оказалось нелегко.

Туда вела узкая дверь рядом с входом в магазин, и мужчина, который вышел на звонок, придержал дверь ногой и с опаской выглянул на улицу.

Они заплатили по десять шиллингов и расписались вымышленными фамилиями в книге посетителей. Потом спустились в подвальное помещение, где было очень жарко и накурено, вдоль стен стояли шаткие столики на бамбуковых ножках и несколько пар танцевало на блестящем, крытом линолеумом полу.

Женщина в желтом платье со стеклярусом играла на рояле, другая, в красном платье, играла на скрипке.

Они заказали виски. Официант сказал, что очень сожалеет, но виски нет, сегодня – нет. Только что звонили из полиции предупредить, что в любую минуту может быть облава. А вот копчушки он может порекомендовать.

Мисс Рансибл сказала, что это же смешно, копчушками не напьешься, и вообще клуб производит жуткое впечатление.

Рыжик сказал, что, раз уж они здесь, ничего не поделаешь, надо попробовать копчушки. Потом он пригласил Нину танцевать, но она не захотела. Он пригласил мисс Рансибл, но она тоже не захотела.

Потом они ели копчушки.

Один из танцоров (явно успевший проглотить немало виски до того, как в Клуб св. Христофора позвонили из полиции), подошел к их столику и сказал Адаму:

– Вы меня не знаете. Я – Гилмор. Не хочу затевать скандал при дамах, но, когда я вижу перед собой законченного хама, я ему прямо так и говорю.

Адам спросил: – А вы почему, когда говорите, брызжете слюной?

Гилмор сказал: – Это у меня врожденный физический недостаток, а то, что вы о нем упомянули, лишний раз доказывает, какой вы законченный хам.

Тут Рыжик сказал: – И вам того же, дружище. Мое почтение!

Тут Гилмор сказал: – Рыжик, старина, здорово!

И Рыжик сказал: – Это же Билл. Вы на Билла не сердитесь. Он молодец. Мы с ним познакомились на пароходе.

Гилмор сказал: – Кто друг Рыжику, тот друг и мне.

И Гилмор с Адамом пожали друг другу руки.

Гилмор сказал: – Заведение здесь, в общем, паршивое. Едем лучше ко мне, там хоть выпьем.

И они поехали к Гилмору.

Гилмор жил в однокомнатной квартирке на Райдер-стрит.

Они сидели на кровати и пили виски, а Гилмора тем временем рвало в ванной.

И Рыжик сказал: – Что ни говори, а лучше Лондона нет места на свете.

В то самое время, когда Адам с Ниной сидели на палубе дирижабля, в доме леди Энкоредж проходил званый вечер совсем иного рода. Этот дом – последний уцелевший

образец городской усадьбы английского вельможи – некогда поражал своим величием и царственными размерами, и даже теперь, хотя он стал всего лишь «живописным уголком», зажатый между железобетонных небоскребов, его фасад с колоннами, отодвинутый вглубь от улицы и затененный оградой и деревьями, был так исполнен достоинства, так дышал благородным изяществом и стариной, что у миссис Хул даже дух захватило, когда ее машина въехала на просторный парадный двор.

– Так и кажется, что здесь бродят призраки, правда? – обратилась она к леди Периметр, поднимаясь вместе с нею по лестнице. – Питт, и Фоке, и Берк, и леди Гамильтон, и Красавец Браммел, и доктор Джонсон (при таком стечении знаменитостей, заметим в скобках, там вполне могло произойти что-нибудь достопамятное). Так и видишь их всех – в шелковых чулках и в туфлях с пряжками, правда?

Леди Периметр поднесла к глазам лорнет и обозрела поток гостей, выливавшихся из гардеробных, как клерки в Сити из станций метро. Она увидела мистера Фрабника и лорда Метроленда, обсуждающих билль о цензуре (мудрую и давно назревшую меру: комитет из пяти атеистов будет полномочен уничтожать всякую книгу, картину или фильм, какие они сочтут нежелательными, без таких глупостей, как право защиты или обжалования). Увидела обоих архиепископов, герцога и герцогиню Стэйлских, лорда Вэнбру и леди Метроленд, леди Троббинг, Эдварда Троббинга и миссис Блекуотер, миссис Маус, лорда Мономарка и какого-то роскошного левантинца, а за ними и вокруг них – целый сонм богобоязненных и благонамеренных людей (чье присутствие делало прием в Энкоредж-хаус выдающимся событием года); женщин в туалетах из дорогих и прочных тканей, мужчин в орденах; людей, которые представляли свою родину в чужих краях и

посылали своих сыновей умирать за нее на поле боя, людей, ведущих пристойную и умеренную жизнь, не обремененных ни культурой, ни рефлексам, ни стеснительностью, ни спесью, ни честолюбием, независимых в суждениях и не скрывающих своих причуд, добрых людей, которые хорошо относятся к животным и к знающим свое место беднякам, людей храбрых и не слишком разумных – всю эту славную когорту отжившего строя, – чаящих (как чаяли они в день, когда вострубит архангел, предстать перед своим создателем) сердечно и почтительно пожать руку хозяйке дома. Леди Периметр увидела все это и почуяла запах родного стада. Но призраков она не увидела.

– Охота вам вздор молоть, – сказала она.

Но миссис Хуп, медленно поднимаясь по лестнице, продолжала витать в неясных, но восхитительных грезах о золотом восемнадцатом веке.

Присутствие члена королевской фамилии нависло над гостиной, как грозовая туча.

Баронесса Иосивара и премьер-министр встретились еще раз.

– Я дважды на этой неделе пыталась вас увидеть, – сказала она, – но всегда вы были заняты. Мы уезжаем из Лондона. Может быть, вы слышали? Моего мужа перевели в Вашингтон. Он сам желал туда ехать.

– Нет, я понятия не имел. Но как же, баронесса... это поистине печальная весть. Все мы без вас осиротеем.

– Я думала, может быть, я приеду проститься. Какой-нибудь день на будущей неделе.

– О да, разумеется, это было бы чудесно. Приезжайте с мужем к обеду. Я завтра же скажу моему секретарю, чтобы он это устроил.

– В Лондоне было приятно жить... вы были добры...

– Что вы, что вы. Я просто не знаю, что бы мы в Лондоне делали, если бы не наши заграничные гости.

– Будь ты проклят, свиная твоя рожа, – внезапно сказала баронесса и отошла от него.

Мистер Фрабник ошарашенно поглядел ей вслед, потом сказал: «Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» (довольно-таки жалкий вывод в устах бывшего министра иностранных дел).

Эдвард Троббинг стоял у окна со старшей дочерью герцогини Стэйлской. Выше его ростом на несколько дюймов, она слегка наклонилась, чтобы не пропустить ни слова из его впечатлений о поездке в колонии. На ней было платье из тех, что только герцогини умеют добывать для своих старших дочерей, – собранное в складки и буфы и украшенное старинным кружевом в самых неожиданных местах, одеяние, из которого ее бледная красота выглядывала, как из неаккуратно завязанного пакета. Ни румяна, ни губная помада, ни пудра не участвовали в ее наряде, а бесцветные нестриженные волосы были собраны в узел и перетянуты на лбу широкой лентой. Из ушей ее свисали длинные жемчужные серьги, шею плотно охватывал жемчужный ошейничек. В свете считали, что теперь, когда Эдвард Троббинг вернулся в Англию, эти двое вот-вот будут объявлены женихом и невестой.

Леди Урсула не возражала, но и не радовалась. Когда она вообще думала о замужестве (что случалось редко,

потому что мысли ее занимали главным образом клуб для девушек в Ист-Энде и младший брат, учившийся в школе), то всегда жалела, что рождение детей сопряжено с такими ужасными страданиями. Замужние подруги говорили об этом чуть ли не со вкусом, а ее мать – с благоговейным трепетом.

Эдвард до сих пор не делал предложения не столько потому, что сомневался в ответе, сколько из врожденной медлительности. Он решил уточнить ситуацию к Рождеству, и этого было достаточно. Он не сомневался, что удобный случай скоро будет для него изыскан. Жениться нужно, рассуждал он, и предпочтительно до того, как ему исполнится тридцать лет. В присутствии Урсулы он порой испытывал волнение собственника, вызванное ее хрупкой и холодной красотой; бывало, что, читая какой-нибудь непристойный роман или насмотревшись любовных сцен в спектакле, он мысленно – и обычно с нелепейшими результатами – пробовал подставить Урсулу на место героини. Он не сомневался, что влюблен. Возможно, думалось ему, он сегодня же сделает предложение – и с плеч долой. Дать ему повод объясниться – дело Урсулы. А пока что он беседовал с ней о проблеме рабочей силы в Монреале – на этот счет он располагал сведениями обширными и точными.

– Приятный, серьезный молодой человек, – говорила о нем герцогиня, – и одно удовольствие видеть юношу и девушку, так искренне расположенных друг к другу. Разумеется, ничего еще не решено, но из вчерашнего разговора с Фанни Троббинг я поняла, что он уже затрагивал с ней эту тему. Думаю, что к Рождеству все будет улажено. Они, конечно, небогаты, но этого теперь ждать не приходится, а о его способностях мистер Фрабник отзывается очень лестно. Один из самых многообещающих людей в своей партии.

– Что ж, – сказала леди Периметр, – дело ваше, но я бы особенно не мечтала, чтобы моя дочь вошла в это семейство. Все они с гнильцой. Что отец, что сестра, а уж про младшего брата я такое слышу...

– Я не говорю, что сама выбрала бы для нее такого мужа. У всех Злопрактисов кровь подпорчена, в этом вы правы... но ведь знаете, дети нынче такие упрямые, и к тому же они так любят друг друга... а молодых людей сейчас так мало. Я, по крайней мере, их как-то совсем не вижу.

– Поганцы все как один, – сказала леди Периметр.

– И они, говорят, устраивают такие ужасные вечера. Просто не знаю, что бы я стала делать, если бы Урсула захотела там бывать... Несчастные Казмы...

– Я бы на месте Виолы Казм выпорола эту девицу, чтобы вела себя прилично.

Разговор о молодом поколении растекался по гостиной, заразительный, как зевота. Член королевской фамилии отметил отсутствие молодежи, и те счастливые матери, которым удалось привести на буксире хоть одну послушную дочь, пыжились от гордости и сострадания.

– Я слышала, у них сегодня опять какой-то вечер, – сказала миссис Маус. – На этот раз в аэроплане.

– В аэроплане? Это просто поразительно.

– Мэри мне, конечно, никогда ничего не рассказывает, но ее горничная говорила моей горничной...

– Меня вот что интригует, Китти, милочка, чем они, собственно занимаются на этих своих вечерах? Как тебе кажется, они...

– Судя по тому, что я слышу, дорогая, думаю, что да.

– Ах, вернуть бы молодость, Китти! Как вспомнишь, на какие ухищрения нам приходилось идти, чтобы хоть отчасти согрешить... эти встречи под утро... а в соседней комнате спит мама...

– И притом, дорогая, я далеко не уверена, что они ценят это так, как ценили бы мы... молодежь так уверена в своих правах...

– Si jeunesse savait.

– Si vieillesse pouvait ^[12], Китти!

Позже в тот же вечер мистер Фрабник стоял в почти опустевшей столовой, допивая бокал шампанского. Еще один эпизод в его жизни закончен, еще раз счастье поманило и скрылось. Бедный мистер Фрабник, думал мистер Фрабник, бедный, бедный старый Фрабник, раз за разом на грани высокой истины, на пороге какого-то преобразования, и каждый раз – осечка. Всего лишь премьер-министр, не более, заклеванный коллегами, источник дохода для низкопробных карикатуристов. Наделен ли мистер Фрабник бессмертной душой? Есть ли у него крылья, свободен ли он, рожден ли для вечности? Он отпил шампанского, потрогал ленту ордена «За заслуги» и смирился с земной юдолью.

Вскоре к нему подошли лорд Метроленд и отец Ротшильд.

– Марго уехала – на какой-то вечер в дирижабле. Я битый час проговорил с леди Энкоредж о молодом поколении.

– Сегодня все, по-моему, только и говорят, что о молодом поколении. Скучнейшая тема.

– Не скажите. В конце концов, какой во всем этом смысл, если некому будет продолжать?

– В чем именно? – Мистер Фрабник оглядел столовую, где уже не осталось никого, кроме двух лакеев – они стояли, прислонясь к стене, и казались такими же восковыми, как цветы, присланные утром из загородных оранжерей. – В чем во всем какой смысл?

– Ну, в управлении страной.

– По себе скажу – почти никакого. Работаешь как вол, а взамен получаешь ничтожно мало. Если молодые придумают, как обойтись без этого, можно только пожелать им удачи.

– Мне ясно, о чем говорит Метроленд, – сказал отец Ротшильд.

– А мне, хоть убей, не ясно. У самого у меня детей нет, и слава богу. Я их не понимаю и не стремлюсь понять. После войны у них были такие возможности, как ни у одного другого поколения. Им выпало на долю спасти и усовершенствовать целую цивилизацию, а они с утра до ночи дурака валяют. Вы поймите меня правильно, я всей душой за то, чтобы они веселились. Викторианские взгляды действительно были, пожалуй, слишком строги. При всем уважении к вашему сану, Ротшильд, я должен сказать, что в молодые годы немножко распутства – вполне естественно. Но в нынешней молодежи есть что-то порочное. Чего стоит хотя бы ваш пасынок, Метроленд, или дочь несчастного лорда Казма, или брат Эдварда Троббинга.

– А вам не кажется, – мягко спросил отец Ротшильд, – что это в какой-то мере историческое явление? Я не думаю, что людям когда-либо хотелось потерять веру – будь то религиозную или иную. Среди моих знакомых очень мало молодежи, но мне сдается, что все они одержимы прямо-таки роковой тягой к непреходящим ценностям. И участвовавшие разводы это подтверждают... Людям сейчас недостаточно жить кое-как, со дня на день... И это словечко «фикция», которое они так любят... Они не хотят довольствоваться малым. Мой наставник когда-то говаривал: «Если что-нибудь вообще стоит делать, так стоит делать это хорошо». Моя церковь проповедует то же самое уже несколько веков, пусть не этими словами. А нынешняя молодежь подходит к делу с другой стороны, и, как знать, может быть, она и права. Молодые говорят: «Если что-нибудь не стоит делать хорошо, так вообще не стоит этого делать». Это сильно затрудняет им жизнь.

– О господи, еще бы! Идиотское правило. Если не делать того, что не стоит делать хорошо, тогда что человеку делать? Я всегда считал, что успех в жизни зависит от умения точно определить, какой минимум усилий требуется для каждого дела... распределение энергии... А обо мне, думаю, почти каждый скажет, что я достиг успеха в жизни.

– Да, Фрабник, вероятно, так, – сказал отец Ротшильд, глядя на него чуть насмешливо.

Но обвиняющий голос в сердце премьер-министра уже умолк. Ничто так не успокаивает, как споры. Стоит выразить свою мысль словами, и все становится просто.

– И, кстати сказать, что значит «историческое» явление?

– Ну, того же порядка, как предстоящая нам война.

– Какая война?! – вскинулся премьер-министр. – Никто мне ничего не говорил про войну. Уж кому-кому, а мне-то следовало сказать. Будь я проклят, – заявил он с вызовом, – если они начнут войну, не посоветовавшись со мной. Что проку от кабинета, если среди его членов нет ни капли взаимного доверия? И главное, зачем нам нужна война?

– В том-то и дело. Никто о ней не говорит, и никому она не нужна. Никто о ней не говорит именно потому, что она никому не нужна. Все боятся проронить о ней хоть слово.

– Но, черт возьми, если она никому не нужна, кто может ее начать?

– Войны в наши дни начинаются не потому, что они кому-то нужны. Мы все жаждем мира и заполняем газеты конференциями по разоружению и арбитражу, но весь наш мировой порядок сверху донизу неустойчив, и скоро мы все, не переставая кричать о наших мирных устремлениях, опять ринемся навстречу гибели.

– Что ж, вам, по-видимому, все об этом известно, – сказал мистер Фрабник. – И я повторяю: следовало мне сказать раньше. Надо полагать, теперь нам навяжут коалицию с этим пустомелей Брауном.

– Воля ваша, – сказал лорд Метроленд, – но я не вижу, как можно этим объяснить, почему мой пасынок пьет горькую и путается с негритянкой.

– Думается, одно с другим связано, – сказал отец Ротшильд. – Однако все это очень сложно.

На том они расстались.

Отец Ротшильд натянул во дворе комбинезон и, оседлав свой мотоцикл, исчез во мраке, ибо ему, до того как лечь спать, предстояло еще несколько деловых свиданий.

Лорд Метроленд вышел на улицу немного удрученный. Машину забрала Марго, но до Хилл-стрит было не больше пяти минут ходу. Он закурил толстую сигару и уткнул подбородок в барашковый воротник пальто в полном соответствии с ходячим представлением о завидном довольстве. Но на сердце у него было тяжело. Сколько вздора наговорил этот Ротшильд. По крайней мере надо надеяться, что это вздор.

На беду, он приблизился к своему дому в ту минуту, когда Питер Пастмастер пытался попасть ключом в замок, и они вошли вместе. На столике в холле лорд Метроленд заметил цилиндр. «Не иначе как юный Трампингтон», – подумал он. Его пасынок даже не взглянул на него, а сразу направился к лестнице, пошатываясь, в сдвинутой на затылок шляпе, не выпуская из рук зонта.

– Спокойной ночи, Питер, – сказал лорд Метроленд.

– Ну вас к дьяволу, – ответил пасынок хрипло. Потом, повернувшись на каблуках, добавил: – Я завтра на несколько недель уезжаю за границу. Передайте матери, ладно?

– Желаю хорошо провести время, – сказал лорд Метроленд. – К сожалению, погода сейчас везде такая же холодная, как у нас. Может быть, хочешь взять яхту? Она все равно стоит без дела.

– Ну вас к дьяволу.

Лорд Метроленд вошел в свой кабинет докурить сигару. Неловко было бы столкнуться с Трампингтоном на лестнице. Он опустился в очень покойное кресло... порядок неустойчив сверху донизу, сказал Ротшильд, сверху донизу... Он окинул взглядом кабинет, увидел ряды книг на полках – «Словарь национальных биографий», «Британская энциклопедия» в старом, очень громоздком издании, «Кто

есть кто», Дебретт, Берк, Уитакер, несколько томов парламентских отчетов, несколько атласов и «Синих книг», – в углу сейф с бронзовой ручкой, покрашенный в зеленый цвет, его письменный стол, стол секретаря, несколько очень покойных кресел и несколько очень строгих стульев, поднос с графинами и тарелка с сэндвичами – ужин, как всегда оставленный для него на столе... неустойчив сверху донизу? Как бы не так. Только бедняга Фрабник мог поверить выдумкам этого шарлатана-иезуита.

Он услышал, как отворилась парадная дверь и тут же захлопнулась за Элестером Трампингтоном.

Тогда он встал и неслышно поднялся в спальню, а сигара осталась дотлевать в пепельнице, наполняя комнату ароматным дымом.

За четверть мили от него герцогиня Стэйлская зашла, как всегда, проститься на ночь со своей старшей дочерью. Сначала она слегка прикрыла окно, потому что ночь была холодная и сырая. Потом подошла к постели и разгладила подушку.

– Спокойной ночи, моя девочка, – сказала она. – Ты сегодня выглядела на редкость авантажно.

Леди Урсула была в белой батистовой ночной рубашке на кокетке и с длинными рукавами. Волосы она заплела в две косы.

– Мама, – сказала она, – Эдвард сделал мне предложение.

– Деточка моя! Какая ты странная, что же ты раньше мне не сказала? Неужели боялась? Ты же знаешь, мы с папой на все готовы, лишь бы наша маленькая была счастлива.

– А я ему отказала... Мне очень жаль.

– Ну что ты, милая, о чем же тут жалеть? Предоставь это маме. Утром я все для тебя улажу.

– Но, мама, я не хочу выходить за него замуж. Я сама не знала, пока он не заговорил. Вы же знаете, я всегда думала, что выйду за него. А тут, когда он объяснился... я просто не могла.

– Полно, девочка, не волнуйся. Ты ведь отлично знаешь, что мы с папой никогда не станем тебя неволить. В таком деле решать можешь только ты. Ведь речь идет о твоей жизни, а не о нашей, Урсула, о твоём счастье. Но я тебе все же советую выйти за Эдварда.

– Но я не хочу, мама... я не могу... я умру.

– Ну-ну, моя крошечка, успокойся. Ты же знаешь, мы с папой хотим одного – чтобы ты была счастлива. Никто не собирается мою девочку неволить... Папа утром повидается с Эдвардом и все уладит... Дорогая леди Энкоредж только сегодня говорила, какая ты будешь красавица в подвенечном платье.

– Но, мама...

– Ни слова больше, моя прелесть. Время позднее, а тебе надо завтра быть особенно авантажной для Эдварда.

Герцогиня тихонько прикрыла дверь и прошла к себе в спальню. Ее супруг уже переоделся в халат.

– Эндрю!

– Что такое, милая? Я читаю молитвы.

– Эдвард сделал Урсуле предложение.

– Ах, вот что.

– Неужели ты не рад?

– Я же тебе сказал, дорогая, я пытаюсь читать молитвы.

– Милые дети, они так счастливы, просто сердце радуется на них глядя.

Глава 9

На следующий день в начале второго Адам позвонил Нине.

– Нина, радость моя, ты не спишь?

– Я спала, но...

– Послушай, ты правда хочешь, чтобы я сегодня съездил к твоему папе?

– А разве мы решили, что тебе надо к нему съездить?

– Да.

– Зачем?

– Сказать, что у меня есть работа и теперь мы можем пожениться.

– Да, помню... конечно, съезди к нему, милый. Пожениться – это было бы хорошо.

– Но я вот что думаю... как же моя страничка?

– Какая страничка, милый?

– Для «Эксцесса»... ну, понимаешь, моя работа.

– Ах, да... а знаешь что, давай мы с Рыжиком ее напишем?

– Не скучно это тебе будет?

– Это будет божественно. Я в точности знаю, про что ты пишешь и как, и Рыжик, наверно, тоже теперь уже знает, бедняжка... Как он вчера наслаждался... Ну, я еще посплю... мне так нездоровится... До свидания, моя радость.

Адам позавтракал в ресторане. За соседним столиком сидели Агата Рансибл и Арчи Шверт. Она сказала, что завтра все едут на какие-то автомобильные гонки. Адам с Ниной тоже, наверно, поедут? Адам сказал, что да, поедут. Потом он отправился в Эйлсбери.

Напротив него в купе сидели две женщины – они тоже говорили о молодом поколении.

– ... и очень это хорошее место для такого желторотого парнишки, я ему так и сказала, и отец говорил. «Тебе, говорю, радоваться надо, что получил такое хорошее место, сейчас, говорю, знаешь, как трудно место получить, не то что такое, а любое». Вот у моей соседки, миссис Хемингуэй, сын уже полтора года как в школу не ходит, сидит дома, бьет баклуши и заочно на инженера учится. «Место, говорю, очень хорошее, а чтобы работа интересная была – этого, говорю, не бывает. Со временем привыкнешь, только и всего, вот как отец привык, да еще будешь скучать в свободное время». Альфред-то мой, как поедет в отпуск, просто не знает, куда себя девать. Посмотрит на море, скажет: «Все-таки разнообразие» – и тут же начинает гадать, что у них там в конторе делается. Да, все это я Бобу выложила, а толку чуть. Заладил свое – хочу, мол, торговать автомобилями. Я ему говорю, торговать автомобилями – это для тех, у кого протекция есть, а ну как дело не пойдет, тебе-то на кого тогда надеяться? Так нет, подавай ему

автомобили, да и то сказать, лучше бы ему не жить дома. С отцом они не ладят, и трудно это, когда двое мужчин в доме и обоим одновременно в ванную нужно, и понятно, что Бобу хочется самостоятельности, раз он теперь сам зарабатывает. Но как ему быть? На свое нынешнее жалованье ему одному не прожить, да если б и можно было, хорошего в этом мало, молод ведь, долго ли попасть в беду. Я его новых дружков не одобряю, толкуются у нас с утра до ночи, знаете, как у них принято. Он с ними знакомится в хоккейном клубе, где по субботам бывает. Зарабатывают они почти все больше, чем он, либо просто кажется, что у них свободных денег больше, а в такие молодые годы вредно с теми водиться, у кого денег больше. Начинают завидовать, обиженными себя считают. Мне одно время казалось, что Боб равнодушен к Бетти Рейнелдс, знаете, дочка миссис Рейнелдс, очень они хорошие люди, и в теннис все с ней играл, и соседи заметили, как они дружат, а теперь он на нее и не смотрит, все со своими хоккейными дружками. Я ему как-то в субботу говорю, давай, мол, пригласим Бетти к чаю, а он мне: «Приглашай, если хочешь». Она и пришла, хорошенькая такая, прямо картинка, а он что выкинул? Ушел из дому и до самого ужина пропадал. Такого, само собой, ни одна девушка не стерпит, она теперь, можно сказать, обручилась с сыном миссис Андерсон, тем, что радиоприемниками торгует.

– А взять нашу Лилли. Вы знаете, как ей хотелось стать маникюршей. Отцу это не нравилось, он долгое время и слышать об этом не хотел. Говорил, что это только предлог, чтобы держаться за руки, но я ему сказала: «Если девочке этого хочется и если она может этим хорошо заработать, так надо родной дочери доверять, а не становиться ей поперек дороги». Я-то, понимаете, держусь современных взглядов. Я так ему и сказала: «Мы не в викторианское время живем». Ну и теперь у нее очень приятная работа. На Бонд-стрит, и отношение к ней хорошее, и никаких жалоб

мы не слышим, только вот человек, с которым она там познакомилась... он ей в отцы годится... во всяком случае, уже в летах, но очень интересный – седые усики, такие аккуратненькие, настоящий джентльмен, и автомобиль у него «моррис-оксфорд». По воскресеньям он возит ее кататься, а иногда заходит за ней к концу работы и водит в кино и со мной и с мужем моим всегда так вежливо разговаривает, от такого человека, как он, чего же другого и ждать, а на днях он нам всем прислал билеты в театр. Обходительный такой, меня, поверите ли, называет «ма»... Надеюсь, что ничего дурного тут нет...

– Ну, а наш Боб...

В Беркемстеде они вышли, и в купе сел мужчина в светло-коричневом костюме, достал записную книжечку и вечную ручку и стал решать задачки, которые у него, судя по всему, никак не решались. «Может быть, он все отдал своей дочери?» – подумал Адам.

В Даутинг он поехал автобусом, который довез его до деревни с заправочными станциями. Оттуда пешком дошел до ворот парка. К его удивлению, ворота были открыты настежь, и, приближаясь к ним, он чуть не попал под огромную разболтанную машину, въехавшую в парк на большой скорости; на секунду перед ним мелькнули два злобных женских глаза, с презрением глянувшие на него из заднего окошечка. Еще больше удивило его объявление, повешенное на центральном столбе ворот: «Не входить, кроме как по делу». Пока он шел к дому, его с грохотом обогнали два грузовика. Потом появился какой-то человек с красным флажком.

– Эй, здесь прохода нет. Перед домом сейчас начнут, уже зарядили. Кругом ступайте, коли надо, мимо конюшен.

Лениво прикидывая, о каком оружии идет речь, Адам двинулся по указанной ему тропинке. Он ожидал услышать выстрелы, но до слуха его донеслись только отдаленные крики да еще как будто звуки струнного оркестра, и он заключил, что день для охоты выдался у полковника неудачный. Так или иначе, охотиться возле собственного дома, и притом под аккомпанемент струнного оркестра, – занятие странноватое, и Адам по привычке стал сочинять заметку для «Хроники»:

Полковник Блаунт, отец прелестной Нины Блаунт, упомянутой выше, теперь лишь изредка наезжает в Лондон. Зато он увлекается охотой в своем поместье в Бакингемшире. Его охотничьи угодья, едва ли не самые богатые дичью во всем графстве, расположены прямо перед домом, и ходит много забавных анекдотов о гостях, нежданно-негаданно оказавшихся на линии огня... Одно из чудачеств полковника Блаунта состоит в том, что он стреляет особенно метко под звуки скрипки и виолончели. (Сходной причудой известен мистер Рыжик Литлджон – тот может ловить рыбу только под звуки флаголета...)

Не прошел он и двухсот шагов в обход дома, как его опять остановили. На этот раз путь ему преградил человек в сутане, в необъятных епископских рукавах из белого батиста и алой мантии с капюшоном. Он курил сигару.

– Какого черта вы здесь околачиваетесь? – спросил епископ.

– Мне надо повидать полковника Блаунта.

– Нельзя. За него там как раз принялись.

– Боже мой! А что он такого сделал?

– Да ничего особенного, он просто один из веслеанцев – мы сегодня хотим покончить с толпой, благо погода держится.

Адам молчал, подавленный столь бесчеловечным фанатизмом.

– А вы-то к старичку по какому делу?

– Теперь это, пожалуй, не имеет значения... Я хотел ему рассказать, что работаю в «Эксцессе».

– Серьезно? Что же вы сразу не сказали? Всегда приятно встретиться с джентльменом прессы. Курите?

Из-за епископской пазухи появился большой портсигар. – Я, сами понимаете, епископ Филпотс. – Он подхватил Адама под руку, рискуя смять свой широченный рукав. – Вам, вероятно, интересно посмотреть, что там делается? Сейчас они, скорее всего, допевают последний гимн. Нелегкая работенка, скажу по чести, и организация не всегда на высоте. Вот хоть вчера – заставили мисс Латуш прождать полдня, а когда взялись за нее, свет был такой паршивый, что совсем ее изуродовали – мы вечером, после обеда, прокрутили все кусочки, – таких безобразных ошметков вы в жизни не видывали, многие даже узнать невозможно. Мы не решились показать их ее мужу – он был бы вне себя – несколько штук отобрали и сохраним. а остальное выкинули. Вы что это, вас не тошнит ли? Как сразу позеленели. Или сигара слишком крепкая?

– А она... она тоже была веслеанка?

– Дорогой мой, она играет главную роль. Она – Селина, графиня Хантингтонская... Ну вот, отсюда вам будет видно, как они работают.

Они обогнули крыло дома и теперь могли обозреть лужайку перед главным фасадом, где царило деловитое оживление. Десятка полтора мужчин и женщин в костюмах восемнадцатого века стояли в круг и громко пели; стоявший в центре круга невысокий человек в длинном пасторском одеянии и белом парике дирижировал хором. Неподалеку играл струнный оркестр, а вокруг поющих толпились мужчины без пиджаков, с мегафонами, кинокамерами, микрофонами, связками бумаг и дуговыми лампами. В стороне, дожидаясь своей очереди, стояли карета четверкой, отряд солдат и группа рабочих с изготовленными из холста и досок секциями поперечного нефа Экзетерского собора.

– Полковник где-то там, среди поющих, – сказал епископ. – Он чуть не со слезами просил, чтобы его взяли статистом, а поскольку он предоставил нам свой дом за бесценок, Айзекс решил – пусть побалуется. По-моему, он еще никогда в жизни не был так счастлив.

Пение смолкло.

– Ну, так, – сказал один из мужчин с мегафонами. – Можете расходиться. Теперь будем крутить дуэль. Мне нужны два статиста – нести труп. Остальные на сегодня свободны.

От кучки молящихся отделился старик в кожаном фартуке, шерстяных чулках и льняном парике.

– Прошу вас, мистер Айзекс, – сказал он. – Можно мне нести труп?

– Не возражаю, полковник. Бегите в дом и скажите, пусть вам выдадут крестьянскую блузу и вилы.

– Большое, большое спасибо, – сказал полковник Блаунт и рысцей пустился к дому. Но тут же остановился. – А может быть... может быть, мне бы лучше шпагу?

– Нет, вилы, да поторапливайтесь, не то вообще не позволю нести труп. Эй, кто-нибудь, найдите мне мисс Латуш.

Та молодая женщина, что обогнала Адама в автомобиле, спустилась с крыльца в шляпе с перьями, амазонке и накидке, расшитой тесьмой. В руке она держала охотничью плетку, Лицо было покрыто слоем желтого крема.

– Мистер Айзекс, будет у меня в этой сцене лошадь или не будет? Я спросила у Берти, а он говорит, что все лошади нужны для кареты.

– К сожалению, Эффи, не будет, и вы, пожалуйста, не расстраивайтесь. Вы же знаете, у нас всего четыре лошади, и вы сами видели, что получилось, когда мы попробовали сдвинуть карету парой. Так что нечего лезть в бутылку. Вы идете через поле пешком.

– У-у, жидюга, – сказала мисс Эффи Латуш.

– Беда в том, – сказал епископ, – что нам для этого фильма не хватает капитала. Просто сердце кровью обливается. У нас первоклассные исполнители, первоклассный режиссер, первоклассная натура, первоклассный сценарий, и все стопорится из-за нехватки нескольких сот фунтов. Можно ли требовать от мисс Латуш, чтобы она играла в полную силу, если ей не дают лошадь? Ни одна женщина не стерпит такого обращения. Я бы на месте Айзекса уж лучше обошелся без кареты. Какой смысл приглашать звезду, если не можешь обеспечить ей приличного обращения? Айзекс всех против себя восстанавливает. Для моей сцены в соборе хотел дать всего двадцать пять статистов. Но вы ведь приехали, чтобы

написать о нас, так я понимаю?... Сейчас позову Айзекса, пусть он вас проинформирует... Эй, Айзекс!

– А?

– К вам тут из «Дейли эксцесс».

– Где?

– Тут.

– Иду. – Он надел пиджак, застегнул его на талии и зашагал через лужайку, приветственно протягивая руку. Адам пожал эту руку и словно почувствовал под пальцами целую пригоршню колец. – Рад познакомиться, мистер. Спрашивайте про фильм все, что вас интересует, я для того тут и нахожусь, чтобы отвечать. Фамилию мою запомнили? Вот карточка. В углу – название фирмы. Не то, которое зачеркнуто. То, которое надписано сверху. «Британская компания Вундерфильм». Так вот, эта картина, – продолжал он, видимо повторяя уже не раз произнесенную речь, – из которой вы только что видели один небольшой эпизод, знаменует собой новый этап в развитии британской кинематографии. Это самый значительный звуковой суперрелигиозный фильм, созданный целиком на британской земле силами британских актеров и режиссуры и на британские деньги. С начала до конца, невзирая на трудности и расходы, мы пользовались советами ученых консультантов – историков и богословов. Сделано решительно все, чтобы добиться максимальной достоверности каждой детали. Жизнь выдающегося социального и религиозного реформатора Джона Весли [13] впервые будет показана британскому зрителю во всем ее человеческом и трагическом величии... Да впрочем, у меня это все написано. Я распоряжусь, чтобы вам дали экземпляр текста. Пойдемте смотреть дуэль... Вон Весли и Уайтфилд, сейчас они начнут. Разумеется, это не они сами.

Это два инструктора по фехтованию, которых мы пригласили из спортивной школы в Эйлсбери. Вот это я и имею в виду, когда говорю, что мы не жалеем затрат, лишь бы детали были достоверны. За полдня платим им по десять шиллингов.

– Но разве Весли и Уайтфилд дрались на дуэли?

– Документально это, правда, не установлено, но известно, что они поссорились, а ссоры в те времена только одним способом и разрешались. Они, понимаете, оба влюблены в Селину, графиню Хантингдонскую. Она хочет предотвратить дуэль, но поздно. Уайтфилд успел уехать в карете, а Весли, раненый, распростерт на земле. Это будет потрясающая сцена. Она увозит его к себе и выхаживает. Говорю вам, это сделает эпоху в истории кино. Вы знаете, сколько на Британских островах проживает веслеанцев? Нет? Я тоже забыл, но мне говорили, и это просто удивительно. И все они как один пойдут смотреть этот фильм, а потом будут обсуждать его в своих молельнях. Мы записали куски из проповедей Весли и поем гимны только его сочинения. Я рад, что ваша газета проявила интерес. Можете передать там от меня, что мы готовим нечто грандиозное. Но есть одна вещь, – сказал мистер Айзекс, внезапно переходя на доверительный тон, – о которой я не стал бы рассказывать направо и налево. Вы-то, думается, меня поймете, потому что вы видели нашу работу и в состоянии оценить ее масштаб и представить себе, каких она требует расходов. Да что там, я одной мисс Латуш плачу десять с лишним фунтов в неделю. И не скрою от вас, мы немножко поиздержались. Успех нас ждет колоссальный, когда фильм будет закончен, если он будет закончен. Так вот, предположим, что найдется кто-то – вы, например, или кто-нибудь из ваших знакомых, – кто захотел бы хорошо поместить небольшой капитал – скажем, тысячу фунтов. Я не против того, чтобы продать ему половинную долю.

Риска, заметьте, никакого, дело абсолютно верное. Предложи я такое на открытом рынке, у меня бы отбоя не было от желающих. Но я на это не иду и вот почему. Компания наша британская, и я не хочу, чтобы к ней примазались всякие иностранные спекулянты. А стоит выпустить акции на открытый рынок, их может купить кто угодно. И зачем капиталу лежать без движения и приносить четыре с половиной или пять процентов, когда его за полгода можно удвоить?

– Ко мне обращаться за деньгами бесполезно, – сказал Адам. – Как бы мне повидать полковника Блаунта?

– Если я что ненавижу, – сказал мистер Айзекс, – так это когда на моих глазах человек упускает блестящую возможность. А теперь послушайте, что я вам предложу. Я вижу, что этот фильм вас интересует. Так вот, давайте я вам его продам чохом – всю отснятую пленку, контракты с актерами, авторское право на сценарий – и все за пятьсот фунтов. Тогда вам останется только закончить его, и вы станете богатым человеком, а я буду рвать на себе волосы – зачем не продержался дольше. Ну как?

– Вы очень любезны, но, право же, мне это сейчас не по средствам.

– Как хотите, – сказал мистер Айзекс беспечно. – Многим это очень даже по средствам, и они ухватились бы за такое предложение, я просто подумал, что скажу вам первому, потому что вижу – человек порядочный... Стойте, я вот что сделаю. Уступлю вам все за четыреста. Согласитесь, цена сходная. Только для вас.

– Мне очень жаль, мистер Айзекс, но я не для того сюда приехал, чтобы купить ваш фильм. Мне нужно повидать полковника Блаунта.

– Никогда бы не поверил, что такой человек, как вы, и вдруг откажется от своего счастья. Ладно, даю вам еще один шанс, но уж после этого, имейте в виду, ставлю точку. Уступаю все за триста пятьдесят. Не хотите – не надо. Это мое последнее слово. Разумеется, вы не обязаны покупать, – добавил мистер Айзекс надменно, – но уверяю вас, что, если не купите, будете жалеть всю жизнь.

– Вы уж меня извините, – сказал Адам. – Предложение ваше в высшей степени великодушно, но дело в том, что я вообще не хочу покупать фильмы.

– В таком случае, – сказал мистер Айзекс, – я возвращаюсь к своей работе.

«Британская компания Вундерфильм» трудилась до самого дата. Адам смотрел и терпеливо ждал. Он видел, как инструкторы по фехтованию в длинных черных сюртуках и белых платках вокруг шей храбро делали выпады и парировали удары, пока один из них не упал; тогда съемку прекратили, и его место занял ведущий актер (который из-за скудости гардероба вынужден был на время дуэли дать дублеру свой костюм). Уайтфилд занял место (и надел парик) победителя и бросился к карете. Из боскета появилась Эффи Латуш, упорно не выпускавшая из рук плетку. Сняли крупным планом сначала Эффи, потом Весли, потом Эффи и Весли вместе. Потом появились полковник Блаунт и другой статист, одетые крестьянами, и унесли раненого проповедника в дом. Все это заняло немало времени, потому что действие то и дело прерывалось из-за разных мелких неполадок, а один раз, когда вся сцена прошла безупречно, оказалось, что оператор забыл перезарядить пленку («Просто не понимаю, мистер Айзекс, как я мог допустить такую оплошность»). Наконец лошадей выпрягли из кареты, на них сели гренадеры и карьером ускакали прочь по подъездной аллее, что и было запечатлено операторами.

– Отряд армия Камберленда-Мясника [14], – объяснил мистер Айзекс. – Всегда полезно бывает создать атмосферу. Повышает познавательную ценность. К тому же за лошадей мы платим поденно, так почему не выжать из них все, что можно. Не понадобятся для «Весли» – приспособим еще куда-нибудь, Сто футов лошадей на скаку всегда пригодятся.

Когда все было закончено, Адам поговорил-таки с полковником Блаунтом, но толку от этого разговора не получилось.

– К сожалению, я могу вам уделить лишь очень немного времени, – сказал полковник. – Я, видите ли, сам сейчас пишу сценарий. Сколько я понимаю, вы из «Эксцесса» и хотите писать про наш фильм? Фильм замечательный, вы как считаете? Я-то, впрочем, имею к нему мало отношения. Я сдал им дом и сыграл несколько мелких ролей, в толпе. Правда, платить за это мне не придется.

– Ну, еще бы.

– Дорогой мой, все остальные платят. А я немного скостил с аренды за дом, но платить не плачу. Я уж, можно сказать, почти профессионал. Понимаете, мистер Айзекс – председатель Национальной Академии Кинематографического Искусства. У него небольшая контора на Эджуэр-роуд, всего одна комната, там он интервьюирует кандидатов. Если он усматривает в них какие-то задатки – а он очень требователен, – то берет человека в ученики. Мистер Айзекс считает, что лучший вид обучения – это практика, так что он сразу ставит какой-нибудь фильм и профессионалам платит из тех денег, что получает с учеников. Очень простая и разумная система. В «Джоне Весли» всех играют ученики, кроме самого Весли, Уайтфилда, епископа, ну и, конечно, мисс Латуш – она жена того человека, который сидит в конторе на Эджуэр-роуд,

когда мистер Айзеке в отъезде. Даже операторы пока только учатся. Все получается так интересно... У мистера Айзекса это третий фильм. Первый не удался, потому что мистер Айзекс доверил одному из учеников проявить пленку. Убытки тот, разумеется, возместил – это входит в контракт, который они все подписывают, – но картина погибла, и для мистера Айзекса это было ужасно, он говорит, что готов был совсем махнуть рукой на кино. Однако потом пришло еще много учеников, и они сделали другой фильм, очень удачный. По словам мистера Айзекса, он произвел настоящий переворот в искусстве кино, но его подвергли бойкоту – из профессиональной зависти. Ни один кинематограф не хотел его показывать. Теперь, впрочем, это улажено. Мистер Айзекс проник в верхи, и теперь-то «Вундерфильм» наверняка займет ведущее место в нашей стране. Более того, он предложил мне половинную долю в компании, за пять тысяч фунтов. Это в высшей степени великодушно, но он говорит, что ему нужен в правлении человек, который был бы способен оценить актерскую игру как профессионал. Очень странно, но мой банкир решительно возражает против такого помещения капитала. Даже чинит мне всяческие препятствия. Но мистеру Айзексу, вероятно, не хотелось бы, чтобы вы писали об этом в вашей газете.

– Я-то хотел с вами поговорить относительно вашей дочери, Нины.

– О, она в фильме не участвует. Я вообще далеко не уверен, что у нее есть талант. Удивительно, как такие вещи иногда передаются через поколение. Мой отец, например, был очень плохим актером, хотя всегда играл главную роль, когда мы на Рождестве ставили любительские спектакли. Честное слово, иногда он выглядел просто нелепо. Помню, однажды он изображал пародию на Генри Ирвинга в «Колоколах» ^[15]...

– Боюсь, вы меня не помните, сэр, но я приезжал к вам недели две назад, насчет Нины. Она просила меня рассказать вам, что теперь я – мистер Таратор.

– Таратор?... Нет, голубчик, что-то не помню. Память у меня не та, что была... Знавал я одного каноника Таратора – это да. Мы с ним учились в Нью-колледже... странная такая фамилия.

– Мистер Таратор из «Дейли эксцесс».

– Нет-нет, мой милый, уверяю вас, вы ошибаетесь. Он был рукоположен вскоре после того, как я кончил колледж, и служил где-то за границей, кажется на Бермудских островах. Потом вернулся, жил в Вустерс. Он никогда не работал в «Дейли эксцесс».

– Нет-нет, сэр. Это я работаю в «Дейли эксцесс».

– Ну, вам своих сотрудников лучше знать. Возможно, он и в самом деле уехал из Вустера и занялся журналистикой. Я знаю, многие духовные лица теперь так поступают. Но должен сказать, что от него я этого не ожидал. Он всегда был глуповат. Да и лет ему уже много, не меньше семидесяти... Ну-ну... кто бы мог подумать. До свидания, голубчик. Хорошо мы с вами поговорили.

– Но вы не понимаете, сэр! – воскликнул Адам, видя, что полковник уходит. – Я хочу жениться на Нине.

– Тогда нечего было приезжать сюда, – сказал полковник сердито. – Я же вам сказал, она где-то в Лондоне. К фильму никакого отношения не имеет. Придется вам у нее самой спросить. Между прочим, я случайно знаю, что она уже помолвлена. Сюда недавно приезжал по этому поводу один молодой болван... пастор говорит, у него не все дома. Всю дорогу смеялся – это плохой признак... но Нина почему-то все-таки хочет выйти за него замуж. Так что

боюсь, вы опоздали, голубчик. Очень сожалею... а пастор в связи с этим фильмом показал себя с очень некрасивой стороны. Отказался предоставить нам свой автомобиль. Наверно, из-за веслеанства. Узость взглядов... Ну, до свидания. Спасибо, что приехали. Привет от меня канонику Таратору. Надо будет заглянуть к нему, когда буду в следующий раз в Лондоне, да поддеть его на этот счет... Пишет в газетах, это надо же, в его-то возрасте!

И полковник Блаунт удалился, торжествующий.

Поздно вечером Адам и Нина сидели на галерее в «Café de la Paix» и ели устриц.

– Ладно, – сказала она, – оставим папу в покое и просто теперь же поженимся.

– Мы будем очень, очень бедны.

– Не беднее, чем сейчас... По-моему, это будет божественно... И будем изо всех сил экономить. Майлз говорил, он обнаружил одно место около Тотнем-Корт-роуд, там устрицы стоят три с половиной шиллинга дюжина.

– Наверно, такие, что от них заболеть можно?

– Ну, Майлз говорил, что они ничего, только немножко странно, что они все разные на вкус. Я с Майлзом сегодня завтракала. Он позвонил узнать, где ты. Хотел продать «Эксцессу» новость про помолвку Эдварда Троббинга. Но Вэн предложил ему пять гиней, и он продал ему.

– Жаль, что мы это упустили. Редакторша будет в ярости. Кстати, а как моя светская хроника? Удалось тебе заполнить страницу?

– Ой, милый, по-моему, я справилась замечательно. Понимаешь, Вэн и Майлз не знали, что я к этому причастна, и много чего наговорили про помолвку Эдварда, а я все это пустила в ход... свинство, правда?... И одного чего написала про Эдварда и про его невесту. Я была с ней знакома, когда только начала выезжать, это заняло половину страницы. А потом я добавила немножко про всяких вымышленных людей, как ты делаешь, вот и все.

– Что же ты написала про вымышленных?

– Уж не помню. Ну, что я видела, как граф Цинциннати вошел в «Эспинозу» в зеленом котелке... всякое такое.

– Ты это написала?!

– Да, а разве не надо было?... Радость моя, я что-нибудь не так сделала?

– О, черт.

Адам рванулся к телефону.

– Центральная десять тысяч... дайте мне ночного редактора... вы слушаете? Мне надо внести исправление в заметку Таратора... срочно.

– Сожалею, Саймз. Последнее издание полчаса как ушло в машину. Мы сегодня рано отделались. И Адам пошел доедать устрицы.

– Нумерация подкачала, – сказал лорд Мономарк на следующее утро, прочитав злосчастную заметку.

И мистером Таратором стал Майлз Злопрактис.

– Теперь мы не можем пожениться, – сказала Нина.

Глава 10

Адам, мисс Рансибл, Майлз и Арчи Шверт поехали на автомобильные гонки в машине Арчи Шверта. Ехать оказалось долго и холодно. Мисс Рансибл была в брюках, а Майлз надумал подкрасить себе ресницы в ресторане придорожного отеля, где они хотели позавтракать. Поэтому их попросили удалиться. Перед следующим отелем они оставили мисс Рансибл в машине и принесли ей туда холодной баранины и соленых огурцов. Арчи решил, что недурно будет выпить шампанского, и замучил официанта расспросами о сроках разлива (официант питал особое отвращение к этой теме). Они завтракали не торопясь, потому что в ресторане было тепло, а потом еще пили кюммель у камина, пока за ними не явилась мисс Рансибл, очень рассерженная, и не увела их на улицу.

Потом Арчи сказал, что не может больше вести машину – очень спать хочется, – так что Адам сел за руль и сбился с дороги, и они проехали много миль не в ту сторону, по какому-то бесконечному объездному шоссе.

А потом стало темнеть и дождь усилился. Обедали они в третьем отеле, где все подсмеивались над брюками мисс Рансибл, а стены были увешаны старинными медными грелками.

Наконец они добрались до города, где должны были состояться гонки. Они подъехали к отелю, в котором остановился тот гонщик, что дружил с Майлзом. ОТЕЛЬ, построенный в готическом стиле 1860 года, был большой, темный и назывался «Империял».

Они заранее послали гонщику телеграмму с просьбой заказать им номера, но... «Что вы, – сказала дежурная, – у нас за полгода вперед все номера были заказаны. Будь вы самые главные асы, я бы и то не нашла, где вас поместить».

Сегодня вы во всем городе не найдете комнат, разве что в привокзальной гостинице. А больше нигде».

В привокзальной гостинице их тоже отказались принять, хотя мисс Рансибл оставалась ждать в машине. «Одного из вас я еще могла бы положить на диване в баре, у меня там сейчас только муж с женой и два мальчика, а то можно еще в вестибюле, только там лечь негде, придется всю ночь сидеть». Что касается постелей, так об этом и думать нечего. Пусть заглянут в «Ройял Джордж», только едва ли им там понравится, даже если место найдутся, а мест там, скорее всего, тоже нет.

Тут мисс Рансибл вспомнила, что, кажется, здесь неподалеку живут знакомые ее отца; она узнала их телефон и позвонила, но в ответ слышала – очень жаль, но дом и так полон гостей, и прислуги, можно сказать, нет, а про лорда Казма они, сколько помнится, даже не слышали. Так что ничего не вышло.

Они объездили еще несколько гостиниц, изучив по нисходящей всю гамму: «Отель семейный и для коммивояжеров», просто «Для коммивояжеров», «Пансион высшего класса, плата помесечно», «Общежитие для девушек-работниц», просто «Пивная и чистые постели. Только для мужчин». Везде было переполнено. Наконец на берегу какого-то канала они нашли «Ройял Джордж». Хозяйка, стоя в дверях, доругивалась с пожилым человечком в котелке.

– Сперва он снимает в баре башмаки, – пожаловалась она, взывая к сочувствию новых слушателей, – джентльмены так никогда не поступают...

– Мокрые они были, – сказал человечек, – насквозь промокли.

– А кому нужны его мокрые башмаки на стойке, хотела бы я знать? А потом, видите ли, называет меня интриганкой за то, что я велела ему обуться и идти домой.

– Домой хочу, – сказал человечек. – Домой, к жене и к деткам. Разве это дело – не пускать человека к жене?

– Кто это не пускает тебя к жене, старый ты дурак? Я одно говорю, – обуйся ты ради бога, а потом уж ступай домой. Что жена-то подумает, если ты явишься домой без башмаков?

– А вы знаете, деточка, она совершенно права, – сказала мисс Рансибл. – Будет гораздо лучше, если вы обуесться.

– Вот, слышал, что дамочка говорит? Дамочка говорит – надень башмаки.

Человечек взял свои башмаки из рук хозяйки, внимательно оглядел мисс Рансибл и швырнул башмаки в канал. – Дамочка, – сказал он с чувством. – А штаны-то! – И зашлепал в одних носках в темноту.

– Он вообще-то ничего, безобидный, – сказала хозяйка. – Буянит помаленьку, но только когда выпьет. Вот ведь, хорошие башмаки загубил... Небось проведет ночь в кутузке.

– А к жене он, бедняжка, не пойдет?

– Ну что вы. Она живет в Лондоне.

Тут Арчи Щверт, не наделенный столь всеобъемлющим человеколюбием, как мисс Рансибл, окончательно потерял интерес к этому разговору.

– Мы хотели узнать, можете вы предоставить нам постели на ночь?

Хозяйка метнула на него подозрительный взгляд.

– Постель или постели?

– Постели.

– Это еще надо подумать. – Она перевела взгляд с автомобиля на брюки мисс Рансибл и обратно на автомобиль, прикидывая, что важнее, и, наконец, сказала: – По фунту с каждого, тогда можно.

– И место найдется для всех?

– Да как сказать. Который из вас с дамочкой-то?

– Я, к сожалению, одна, – сказала мисс Рансибл. – Со стыда сгореть можно, правда?

– А вы не горюйте, моя красавица, вы еще свое возьмете... Ну, так как же мы все разместимся? Одна комната есть свободная. Я могу лечь с нашей Сарой, значит, освобождается кровать для джентльменов... если дамочка не против переночевать со мной и Сарой...

– Пожалуйста, не сочтите меня невежливой, но я бы предпочла ту, освободившуюся кровать, – сказала мисс Рансибл смиренно и добавила с большим тактом: – Понимаете, я очень громко храплю.

– Пустяки, наша Сара тоже храпит. Нам это ничего, но, конечно, если вы предпочитаете...

– Да, пожалуй, предпочитаю, – сказала мисс Рансибл.

– Ну что ж, тогда я могу постелить мистеру Тичкоку на полу, так, что ли?

– Да, – сказал Майлз. – Постелите мистеру Тичкоку на полу.

– А если тот джентльмен не против ночевать на площадке... Ну, как-нибудь да устроимся, вы не сомневайтесь.

Они все вместе выпили джину в комнате позади бара и разбудили мистера Тичкока, чтобы он помог внести вещи, и его тоже угостили джином, а он сказал, что ему все равно, где ни спать, он всякому рад услужить, а от второго стаканчика не откажется, это уж, как говорится, на сон грядущий; и наконец все улеглись спать, очень усталые и более или менее довольные, и как же их всю ночь кусали клопы!

Адаму досталась отдельная комната. Он проснулся рано, под шум дождя. Выглянув в окно, он увидел серое небо, какую-то фабрику и канал, из неглубоких вод которого поднимались островки железного лома и бутылок; к дальнему берегу прибило наполовину затонувшие остатки детской коляски. В комнате стоял комод с торчащими из ящиков грязными лоскутами и умывальник, а на нем – ярко раскрашенный таз, пустой кувшин и старая зубная щетка. Еще там был округлый женский бюст, накрытый блестящей красной материей и обрубленный на шее, на талии и у локтей, как в житиях древних мучеников, – предмет, известный под названием портновского манекена. (Адам вспомнил, что такой же был когда-то у них дома, его называли Джемайма – однажды Адам ударил Джемайму долотом, набивка разлетелась по всей детской, и его наказали. В более просвещенный век в этом его поступке усмотрели бы какой-нибудь комплекс и встревожились бы, ему же просто велели самому подмести весь мусор.)

Адаму очень хотелось пить, но на дне графина рос бледно-зеленый мох, и он воздержался. Он снова лег в постель и обнаружил под подушкой чей-то носовой платок (очевидно, собственность мистера Тичкока).

Немного погодя он снова проснулся и увидел, что на краю его постели сидит мисс Рансибл в пижаме и меховом пальто.

– Деточка, – сказала она, – у меня в комнате нет зеркала, а ванной здесь вообще нет, а в коридоре я наступила на кого-то холодного и мягкого, он там спит, а я всю ночь не спала – капала на клопов лосьоном, и все так плохо пахнет, и вообще мне так скверно, просто ложись и умирай.

– Ради бога, давайте отсюда выбираться, – сказал Адам. Они разбудили Майлза и Арчи Шверта, и через десять минут, подхватив свои чемоданы, все на цыпочках двинулись к выходу.

– Как вы думаете, может, надо оставить сколько-нибудь денег? – спросил Адам, но ни в ком не нашел поддержки.

– За джин, пожалуй, надо бы заплатить, – сказала мисс Рансибл.

И они оставили на стойке пять шиллингов и уехали в «Империял».

Было еще очень рано, но все, видимо, уже встали и носились вверх и вниз на лифтах, нагруженные комбинезонами и защитными шлемами. Приятель Майлза, как им сообщили, ушел еще до рассвета – по всей вероятности, в свой гараж. Адам встретил нескольких репортеров, которых помнил по работе в «Эксцессе». Они сообщили ему, что предсказать победителя невозможно, а смотреть гонки интереснее всего с Чертова поворота, где в прошлом году было три смертных случая, а в этом году будет того хуже, потому что гудрон не просох. Самое опасное место, заверили его репортеры, после чего отправились брать новые интервью у гонщиков, добавив на прощание, что все участники одинаково уверены в победе.

Тем временем мисс Рансибл нашла свободную ванную и через полчаса спустилась в вестибюль умытая, подкрашенная и в юбке – она совсем пришла в себя и была готова к любым приключениям. Для начала они пошли завтракать.

В ресторане яблоку негде было упасть. Там были гонщики всех национальностей, по большей части невзрачные мужчины с усиками и с тревогой в глазах; они читали прогнозы в утренних газетах и ели то, что могло оказаться (а для иных и оказалось) последним в их жизни завтраком. Были многочисленные корреспонденты, вознаграждавшие себя за тяготы командировки; была пестрая орава болельщиков – весьма осведомленные молодые люди в ярких свитерах, заправленных в брюки, в галстуках – эмблемах своих закрытых школ, в клетчатых куртках, с развязным лексиконом и чуть заметным акцентом лондонских низов; были инспекторы из К.А.К. [16], инспекторы из А.А. [17] и представители нефтяных фирм и шинных заводов. Была опечаленная семья, приехавшая в этот город на крестины племянницы. (Их не предупредили о предстоящих гонках; счет в отеле явился для них жестоким ударом.)

– Так еще жить можно, – одобрительно сказала мисс Рансибл, попробовав копченую пикшу.

Со всех сторон до них доносились обрывки сугубо технических разговоров.

– ... Сменил весь мотор уже после осмотра. Другого бы за такое дисквалифицировали...

– ... еле тянет по пятьдесят миль...

– ...ужалила пчела, как раз когда он делал поворот, чуть не врезался в дерево и угодил прямо в ратушу. А за ним шел

«райли», тот завертелся волчком, полез на насыпь, перевернулся и вспыхнул...

– ...клапаны перегреваются... С этим мотором на подсосе ездить бессмысленно...

– ...Чертов поворот – это что. Просто нужно перед белым домиком сбавить до сорока – сорока пяти, потом у трактира дать газ и уходить на второй по левой бровке. Это всякий ребенок сумеет. А вот двойной вираж сразу за железнодорожным мостом – это действительно штучка...

– ... раз за разом махали ему флажком, чтобы остановился. Говорю вам, эта шайка не хочет, чтобы он победил.

– ... назвать себя не захотела, но сказала, что сегодня вечером встретится со мной на том же месте, и дала мне веточку белого вереска, а я, как дурак, ее потерял. Она еще сказала, что будет ее высматривать...

– ... в этом году предлагают всего двадцать фунтов премии...

... сошел с трека на скорости, семьдесят пять...

– ... прокладка лопнула, головка блока к черту...

– ... сломал обе руки, а в черепе две трещины...

– ... хвост затрясло...

– ... от скорости вибрация...

– ... мерк...

– ... маг...

– Тррах...

Позавтракав, мисс Рансибл, Адам, Арчи Шверт и Майлз пошли в гараж искать своего аса. Они застали его за тяжелой работой – он слушал свой мотор. Один угол гаража был отгорожен канатом, и пол посыпан песком, как для встречи боксеров.

Перед канатом крутилась стайка алчных мальчишек с альбомами для автографов и подтекающими вечными ручками, а на песке, окруженные механиками, стояли основные части автомобиля. Мотор работал, и вся машина сотрясалась от бесплодных усилий. Из нее исходили клубы темного дыма и оглушительный рев, который отдавался от бетонного пола и рифленого железа крыши во все углы здания, так что не было возможности ни говорить, ни думать, и все чувства мгновенно притуплялись. Довольно часто этот ровный жалобный рев прерывался резкими взрывчиками, и они-то, видимо, вызывали тревогу, потому что при каждом таком хлопке приятель Майлза, который, конечно же, не мог быть чрезмерно чувствителен к шуму, морщился и многозначительно взглядывал на своего старшего механика.

Непосвященного наблюдателя этот автомобиль поражал не только явными дефектами звука, но и странно незаконченным видом. Впечатление было такое, что он еще в процессе изготовления. У него было всего три колеса, а четвертое находилось в руках у молодого человека в комбинезоне, который бил по нему молотком, то и дело прерываясь, чтобы откинуть лезшую на глаза занавеску из желтых волос. Не было и сидений, и на то место, где им полагалось бы быть, другой механик навинчивал пластины свинцового балласта. Не было капота – им завладел маляр, выводивший черную цифру 13 в белом кругу. Такая же цифра была на задке, и еще один механик прикреплял дощечку с номером над фарой. Был там и механик, мастеривший из тонкой проволоочной сетки щиток на

ветровое стекло, и механик, который, лежа врасстяжку, колдовал над задней осью при помощи жестянки с политурой и тряпки. Еще два механика помогали приятелю Майлза слушать выхлопы. – Как будто мы не слышали бы их с Беркли-сквера, – сказала мисс Радсибл.

Дело в том, что автомобили являют собой очень наглядный пример философского различия между «бытием» и «становлением». Есть машины, служащие всего лишь средством передвижения, механические работяги, такие, как «испано-суиза» леди Метроленд, или «ролс-ройс» миссис Маус, или «деймлер» 1912 года леди Периметр, или «остин» рядового гражданина, – эти, подобно их владельцам, определенно имеют бытие. Их покупают свинченными, покрашенными, снабженными номерами, и такими они остаются, даже переходя из рук в руки, изредка освежаемые краской или на время омолаживаемые добавлением какого-нибудь второстепенного органа, но в основном сохраняя свое естество, пока не отправятся на свалку.

Другое дело настоящие автомобили, те, что становятся хозяевами над человеком, живые металлические особи, которые существуют лишь ради самостоятельного движения в пространстве, для которых шоферы, с опасностью для жизни цепляющиеся за руль, имеют не больше цены, чем стенографистка для биржевого маклера. Эти находятся в непрерывной мутации, они являют собой водоворот сталкивающихся и распадающихся частей – подобно скоплению транспорта в точке, где сходится много дорог и потоки машин сливаются воедино, смешиваются и разделяются вновь.

Приятель Майлза был, видимо, не расположен к беседе, даже будь она возможна в таком шуме. Он рассеянно махнул рукой и продолжал слушать. Потом подошел к канату и прокричал:

– Простите, занят, увидимся на пункте! У меня для вас есть повязки!

– Ой, деточка, а зачем?

Он дал каждому по белой полотняной полоске с тесемками на концах.

– На рукав! – крикнул он. – Без них вас на пункт не пустят!

– Ой, деточка, какая прелесть! У них тут есть какие-то пунктики!

Они надели свои повязки с надписями. Мисс Рансибл достался «Запасный водитель», Адаму – «Персонал гаража», Майлзу – «Запасный механик», Арчи – «Представитель владельца». Мальчишки у каната поначалу сильно сомневались в том, что мисс Рансибл и ее спутники – важные особы, однако при виде этих знаков отличия они незамедлительно окружили их со своими тетрадками. Арчи с готовностью одарил всех автографами, а в одной из тетрадок даже нарисовал не совсем подходящую картинку. Потом они укатили в машине Арчи.

Гонки должны были начаться только в полдень, но возможные колебания насчет того, как провести ближайшие несколько часов, были заранее устранены для них местной полицией, направлявшей все движение независимо от индивидуальных склонностей на дорогу к автодрому. Этой организационной мере было уделено особое внимание: еще за несколько дней начальник полиции издал миниатюрную дорожную карту, которую всем полисменам-регулирущикам было предписано запомнить наизусть, и они выполнили приказ так добросовестно, что с раннего утра и часов до шести вечера весь без исключения транспорт, приближающийся к городу с любой стороны, неукоснительно направлялся по

объездному шоссе, помеченному стрелками и пунктирной линией А – В и ведущему к временной стоянке машин позади главной трибуны. (Немало врачей, вынужденных, таким образом, изменить намеченный маршрут, приятно провели этот день без видимого ущерба для своих пациентов.)

Прибывающая публика уже образовала медленный сплошной поток. Одни шли пешком с вокзала, запасшись сэндвичами и складными стульями, другие ехали на велосипедах и мотоциклах с колясками, но больше всего было скромных, недорогих автомобилей. Владельцы их, судя по одежде и повадкам, принадлежали к средним кругам общества; кое-кто вез с собой радиоприемники и другие атрибуты веселья, но, в общем, здесь царило настроение деловое и целеустремленное. То было не гулянье в день дерби; люди не для того урвали среди недели свободный день, чтобы промотать его на карусели, гадалок и шарлатанов с горошиной и наперстком. Они явились сюда ради гонок. И сейчас, продвигаясь вперед на самой малой скорости, они подробно обсуждали конструкцию машин и возможные катастрофы и изучали по карте трассу в поисках наиболее опасных точек.

Объезд, спланированный начальником полиции, был длинный, вдоль дороги тянулись коттеджи и приспособленные под жилье железнодорожные вагоны. Над дорогой, привязанные к телеграфным столбам, реяли плакаты, по большей части рекламирующие газету «Морнинг диспетч», которая организовала гонки и заплатила за приз – безобразную статуэтку из позолоченного серебра под названием «Скорость в объятиях Славы». (Сейчас этот приз находился под надежной охраной в комнате гоночного комитета, потому что в прошлом году его накануне гонок украл официальный хронометрист – заложил в Манчестере за

смехотворно малые деньги и был затем отстранен от работы и посажен в тюрьму.) Другие рекламы расхваливали всевозможные марки горючего и запальных свечей, иные предостерегали: «100 ф. ст. за телесное повреждение. Спешите застраховаться». Между машинами расхаживал пожилой мужчина с бело-синим плакатом, гласившим: «Нет отпущения грехов без пролития крови», а франтоватый молодой человек бойко торговал фальшивыми билетами на главную трибуну.

Адам сидел на заднем сиденье с Майлзом. Тот был явно расстроен неотзывчивостью своего приятеля. – Чего я не пойму, – сказал он, – так это зачем нас вообще сюда занесло. Надо, наверно, прикинуть, что бы написать для «Экссесса». Пари держу, это будет самый нудный день в нашей жизни.

Адам готов был с ним согласиться. Вдруг до него дошло, что кто-то старается привлечь его внимание.

– Там какой-то ужасный человек кричит вам «эй», – сказал Майлз. – Ну и знакомые у вас, мой милый.

Адам обернулся и увидел в каких-нибудь десяти футах отделенный от него велосипедисткой в защитного цвета шортах, ее спутником с рюкзаком за плечами и мальчуганом, продающим программы, вождеденный облик пьяного майора. На этот раз он выглядел вполне трезвым, был в котелке и непромокаемом пальто и отчаянно махал Адаму в окошечко закрытого автомобиля.

– Эй! – кричал пьяный майор. – Эй! Я вас повсюду ищу.

– Я сам вас ищу, – заорал Адам. – Мне нужны деньги.

– Не слышу, что нужно?

– Деньги.

– Не понял, шум стоит адский. Как вас зовут? А то Лотти забыла.

– Адам Саймз.

– Не слышу.

Тут машины, продвигаясь вперед ярд за ярдом, достигли наконец точки В на карте начальника полиции, где пунктирные линии разделялись. На развилке стоял полисмен, направляя транспорт вправо и влево, одних – к стоянке позади главной трибуны, других – на холм над заправочными пунктами. Арчи завернул налево. Машина пьяного майора прибавила скорости и плавно забрала вправо.

– Как ваше имя? – крикнул он. Все водители, как сговорившись, выбрали это мгновение, чтобы загудеть в клаксоны, велосипедистка рядом с Адамом зазвонила в звонок, ее спутник подудел в рожок, как парижское такси, а мальчик с программами прокричал ему в ухо: – Официальная программа – карта пробега – полный список участников!

– Адам Саймз! – крикнул он что было сил, но майор беспомощно вскинул руки и исчез в гуще машин.

– Надо же уметь так знакомиться, – сказал Майлз, даже оживившись от восхищения.

Ремонтно-заправочные пункты оказались будками из досок и рифленого железа, построенными в ряд напротив главной трибуны. Многие из гоночных машин уже прибыли сюда и стояли каждая у своей будки, окруженные механиками и зрителями; казалось, их уже начали ремонтировать. Озабоченные инспекторы бегали взад-вперед, внося какие то данные в свои списки. Над головой

из огромного репродуктора гремела музыка военного оркестра.

Трибуна была еще почти пуста, но вдоль остальных участков трассы уже набралось порядочно публики. Трасса – с множеством подъемов и спусков – представляла собой неровное кольцо длиной в тринадцать-четырнадцать миль, и те счастливцы, что имели дом или трактир на особо опасных ее поворотах, соорудили на крышах шаткие деревянные заграждения и продавали (очень дорого) билеты, которые шли нарасхват. Позади заправочных пунктов круто поднимался поросший травой холм. На нем водрузили щит, на котором отряд бойскаутов готовился вести счет по этапам, а пока что коротал время с помощью лимонада, конфет и потасовок. Позади щита была изгородь из колючей проволоки, а за ней – толпа зрителей и несколько палаток-буфетов. Через дорогу была переброшена деревянная арка, рекламирующая «Морнинг диспетч». В нескольких местах можно было наблюдать, как инспекторы пытаются понять друг друга по полевому телефону. Временами музыка смолкала и чей-то голос объявлял: «Мистера такого то просят срочно зайти в кабинет хронометриста», после чего оркестр гремел снова.

Мисс Рансибл и ее компания отыскивали будку под номером 13 и сидели на дощатом прилавке, покуривая и раздавая автографы. К ним устремился инспектор.

– Просьба здесь не курить.

– Ой, деточка, простите. Я не знала. За спиной у мисс Рансибл стояло шесть открытых бочек – четыре с бензином и две с водой. Она бросила сигарету через плечо и волею providения, не часто ее баловавшего, попала в воду. Упав в бензин, песенка мисс Рансибл, вероятно, была бы спета.

Вскоре появился № 13. Приятель Майлза и его механик, оба в комбинезонах, защитных шлемах и очках-консервах, соскочили на землю, подняли капот и опять принялись копать в моторе.

– Тринадцатого номера совсем бы не надо давать, – сказал механик. – Нечестно это.

Мисс Рансибл опять закурила.

– Просьба здесь не курить, – сказал инспектор уже громче.

– Ох, деточка, какая же я безголовая. Забыла.

(На этот раз сигарета упала в корзинку с завтраком механика и тихо дотлевала на куриной ноге, пока не сгорела без следа.)

Приятель Майлза стал заливать в бак бензин через большущую воронку.

– Слушайте внимательно, – сказал он. – Прямо мне передавать ничего не разрешается, но если, когда мы будем проезжать мимо вас, Эдвардс поднимет левую руку, это значит, что на следующем кругу мы остановимся, чтобы заправиться. Тогда вы должны наполнить две канистры и поставить их вместе с воронкой вот здесь, чтобы Эдвардс мог взять. Если Эдвардс поднимет правую руку... – последовали подробные указания. – Вас оставляю старшим, – сказал он Арчи. – Как вам кажется, запомнили все сигналы? Имейте в виду, от них может зависеть результат гонок.

– Если я махну синим флажком, это что значит?

– Что вы велите мне остановиться.

– С чего это я велю вам остановиться?

– Ну, может, заметите какую-нибудь неполадку – бак протекает, или еще что, или инспектор велит протереть дощечку с номером.

– Синий флажок я, пожалуй, оставлю в покое. Как-то жутко к нему прикасаться.

Мисс Рансибл опять закурила.

– Если желаете курить, прошу выйти из будки, – сказал инспектор.

– До чего же грубый человек, – сказала мисс Рансибл. – Пошли лучше наверх и выпьем, там есть божественная палатка.

Они влезли на холм, миновали бойскаутов, нашли проход в проволочной изгороди и в конце концов добрались до буфета. Здесь атмосфера была более располагающая. Множество мужчин в брюках гольф пропускало по маленькой перед стартом. На траве сидела немолодая женщина с бутылкой пива и младенцем.

– Совсем как дома, – сказала мисс Рансибл. Внезапно военный оркестр умолк, и голос из репродуктора объявил: «Без пяти минут двенадцать. Всем водителям и механикам перейти на ту сторону трека».

Шум затих, и буфет стал быстро пустеть.

– Деточка, мы пропустим старт.

– А все-таки выпить бы неплохо.

– Четыре порции виски, – сказал Арчи Шверт.

– Смотрите не пропустите старт, – сказала буфетчица.

– Какая же он был свинья, – сказала мисс Рансибл. – Даже если там нельзя курить, мог бы говорить с нами повежливее.

– Дорогая моя, он имел в виду только вас.

– Тем хуже.

– Побойтесь бога, мисс, – сказала буфетчица, – неужели вы пропустите старт?

– Ни за что. Это, наверно, самое интересное, ой, деточка, они, кажется, уже начали.

Внизу взревело шестьдесят мощных моторов. – Ну, конечно, пошли... это же умереть можно... – Они стояли в дверях палатки. Через головы зрителей им был виден кусочек трека, там мелькнули машины, все сбившиеся в кучу, как свиньи, которых загоняют во двор. Одна за другой они вырывались вперед и, пронзительно визжа, исчезали за поворотом.

– Через четверть часа они опять пройдут здесь, – сказал Арчи. – Давайте пока выпьем еще по одной.

– Кто шел первым – тревожно спросила буфетчица.

– Точно я не разглядела, – сказала мисс Рансибл, – но, по-моему, тринадцатая.

– Да ну?

Буфет снова стал заполняться. Общее мнение, видимо, сводилось к тому, что сильнейшие кандидаты в победители – № 13 и № 28, красная «омега», которую ведет итальянский ас Марино.

– Подлюга, а не водитель, – захлебывался какой-то мужчина. – В Белфасте, помню, он так и расшвыривал их по кюветам.

– В одном можно не сомневаться – оба не финишируют.

– Просто удовольствие смотреть на этого Марино. Не езда, а сплошное убийство.

– Да, артист, ничего не скажешь.

Адам, мисс Рансибл, Арчи и Майлз вернулись в свою будку.

– Как-никак, – сказала мисс Рансибл, – бедняжке ведь может что-нибудь понадобится, может, он уже из сил выбивается, подает сигналы, а нас нет на месте.

К этому времени машины растянулись по всему треку с примерно одинаковыми промежутками. Одна за другой они, визжа, проносились мимо; две-три подкатили к своим будкам, и водители выскочили из них, дрожа всем телом, и бросились к инструментам. А одна машина – большая, немецкая – уже пострадала: лопнула шина, говорили даже, что какой-то наемник Марине нарочно ее проколол. Машина свернула с дороги и взлетела на дерево, как кошка, когда спасается от собаки. Два маленьких американских автомобиля вообще не стартовали; механики исступленно трудились над ними под издевки толпы. Вдруг на прямую вышли две машины, голова в голову, в двух футах друг от друга.

– Тринадцатый! – закричала мисс Рансибл, наконец-то непритворно волнуясь. – А рядом с ней этот черт итальянец. Давай, тринадцатый, давай! – кричала она, приплясывая в будке и размахивая флажком, который попался ей под руку. – Давай! Молодец, тринадцатый!

Машины, мелькнув, исчезли, за ними неслись другие.

– Агата, дорогая, вы ведь напрасно махали синим флажкам.

– Ой, какой ужас. А почему?

– Это же значит, что на следующем круге он должен остановиться.

– Боже милостивый! Разве я махала синим флажком?

– Вы сами прекрасно это знаете.

– Какой стыд! Что же я теперь ему скажу?

– Давайте все уйдем, пока он не появился снова.

– Да, пожалуй, так будет лучше всего. Он, наверно, ужасно рассердится. Пошли в палатку и выпьем, хорошо? Или нет?

И будка № 13 опять опустела.

– Что я говорил? – сказал механик. – Как узнал, что мы вытянули этот злосчастный номер, так сразу подумал: ну, быть беде.

Первым, кого они увидели в буфете, был пьяный майор.

– Опять ваш знакомец, – сказал Майлз.

– А, вот и вы, – сказал майор. – Вы знаете, я за вами гонялся по всему Лондону. Куда вы пропали?

– Я все время живу у Лотти.

– А она уверяет, что в глаза вас не видела. По чести говоря, я в тот вечер малость перехватил, и, когда

проснулся, в голове была каша. Ну, потом нашел в кармане тысячу фунтов и сразу все вспомнил. Что у Лотти был какой-то тип, который дал мне тысячу фунтов, поставить на Селезня. Кто-то говорил, что Селезень – лошадь никудышная. Мне вовсе не хотелось, чтобы ваши деньги пропали, но главное – я понятия не имел, кто вы такой. И Лотти как будто тоже. Казалось бы, не так уж трудно разыскать чудака, который раздает тысячи посторонним людям, а я вот не смог, даже отпечатка пальцев не нашел.

– Вы хотите сказать, – начал Адам, чувствуя, как в сердце у него вспыхнула нелепая надежда, – что моя тысяча все еще у вас?

– Не торопитесь, – сказал майор, – все в свое время. Так вот, в день скачек я просто не знал, как быть. Один мой голос говорил: сохрани деньги. Рано или поздно этот тип объявится, тогда уж пусть сам ставит на кого хочет. Другой голос твердил – поставь за него на фаворита, пусть получит удовольствие за свои денежки.

– И вы поставили на фаворита? – Сердце Адама снова налилось свинцом.

– Не угадали. В конце концов я решил: парень, видно, здорово богат. Если он хочет швыряться деньгами – его дело, на здоровье, и ухнул всю тысячу на Селезня.

– Так, значит...

– Значит, имеется пачечка в тридцать пять тысяч фунтов – лежит и дожидается, когда вы соблаговолите ее востребовать.

– Боже мой... послушайте... выпить хотите?

– От этого никогда не отказываюсь.

– Арчи, дайте мне займы, пока я не получил это состояние.

– Сколько?

– На пять бутылок шампанского.

– Пожалуйста, только где вы их возьмете?

У буфетчицы оказался припрятан целый ящик шампанского. («Людям часто делается нехорошо, когда автомобили так быстро мелькают перед глазами, – объяснила она. – Особенно дамам».) И они взяли по бутылке, уселись на склоне холма и выпили за процветание Адама.

– Внимание, внимание, – заговорил репродуктор, – машина № 28, итальянская «омега», за рулем капитан Марино, прошла первый круг за 12 минут 1 секунду, со средней скоростью 78,3 мили в час. Поставлен новый рекорд скорости.

Новость эта была встречена взрывом аплодисментов, но Адам сказал: – Что-то я потерял интерес к этим гонкам.

– Понимаете, любезный, – сказал майор, когда все опять успокоилось. – Я тут дал маху. Даже признаваться стыдно в таком идиотстве, но дело в том, что у меня в этой давке стибрили бумажник. Мелочь у меня, конечно, есть, до гостиницы добраться хватит, а там они, само собой, примут мой чек, но мне очень хотелось заключить пари с одними людьми, которых я почти не знаю. Так вот, вы бы не могли дать мне займы пятерку? А я ее верну заодно с теми тридцатью пятью тысячами.

– Ну, разумеется, – сказал Адам. – Арчи, дайте мне займы пять фунтов.

– Премного благодарен, – сказал майор, запихивая банкноты в боковой карман. – Если вам все равно, может, добавите до десятки?

– Мне очень жаль, – сказал Арчи сухо, – но у меня осталось только-только на дорогу домой.

– Ничего, ничего, любезный. Все понятно. Ни слова больше... Ну, выпьем за всех.

– Я был на ноябрьском гандикапе, – сказал Адам. – По моему, я вас там видел.

– Жаль, что не встретились, это бы сильно упростило дело, верно? Ну да все хорошо, что хорошо кончается.

– Ваш майор – просто ангел, – сказала мисс Рансибл. Когда они допили шампанское, майор – теперь уже, несомненно, пьяный – поднялся.

– Ну-с, любезный, – сказал он, – мне надо топать. Обещал тут кое с кем повидаться. Спасибо за угощение. Приятно было со всеми вами встретиться. Пока, милашечка.

– Когда же мы теперь увидимся? – спросил Адам.

– Да в любое время. Когда ни заглянете, буду рад. У меня для старых друзей всегда найдется бутылка и закусончик. Привет всей компании.

– А нельзя зайти к вам поскорее? По поводу денег.

– Чем скорее, тем лучше, дорогой. Только насчет денег я что-то не понял.

– Мои тридцать пять тысяч.

– А, да, конечно. Надо же, совсем забыл. Вот что. Вы нынче к вечеру приходите в «Империял», там я вам их и

отдам. Я сам не чаю с ними разделаться. В семь часов в американском баре... или чуть раньше.

– Пошли посмотреть гонки, – сказал Арчи.

Они спустились с холма, бодрые и беззаботные (как и положено себя чувствовать, когда много выпьешь до второго завтрака). Подходя к будкам, вспомнили, что проголодались. Решили, что снова подниматься в буфет – очень далеко, и съели завтрак механика – ту его часть, которая не пострадала от сигареты мисс Рансибл.

Тут с машиной № 13 случилась беда. Она нерешительно съехала на обочину, за рулем сидел механик. Он объяснил, что приятеля Майлза ударил в плечо гаечный ключ, брошенный из автомобиля Марино, когда они обгоняли его под железнодорожным мостом. Механик помог ему выйти и повел в палатку Красного креста.

– Дело труба, – сказал механик. – Больше он сегодня ни на что не годится. Чего же было и ждать, раз вытянули тринадцатый номер.

Майлз пошел ухаживать за своим приятелем, а мисс Рансибл, Адам и Арчи бессмысленно уставились на машину. Арчи легонько икал, дожевывая яблоко механика.

Вскоре появился инспектор.

– Что тут случилось? – спросил он.

– Водитель убит, – сказал Арчи. – Гаечный ключ. Под железнодорожным мостом. Марино.

– Так вы что, сошли? Кто у вас запасный водитель?

– Не знаю. Вы не знаете, Адам? Запасного водителя тоже могли убить. Очень просто.

– Запасный водитель – это я, – сказала мисс Рансибл. – У меня на рукаве написано.

– Запасный водитель – она. Вон, на рукаве написано.

– Ну, так вы как, хотите сойти с круга?

– Не надо сходить с круга, Агата.

– Нет, я не хочу сходить с круга.

– Отлично. Как ваше имя?

– Агата. Я – запасный водитель. У меня на рукаве.

– Вижу. Ладно, можете садиться и ехать.

– Агата, – твердо повторила мисс Рансибл, забираясь в машину. – Вон, на рукаве.

– Послушайте, Агата, – сказал Адам. – Вы в себе вполне уверены?

– На рукаве, – сказала мисс Рансибл строго.

– Я хочу сказать, вы вполне уверены, что это безопасно?

– Не совсем безопасно, раз они швыряют гаечные ключи. Но я сначала поеду медленно, а потом привыкну. Вот увидите. Вы со мной?

– Я останусь здесь и буду махать флажком, – сказал Адам.

– Хорошо. До свиданья... Ой, как страшно, это же умереть можно.

Машина пулей вылетела на середину дорожки, чудом не задела другую и с ревом скрылась за поворотом.

– Арчи, послушайте, а это ничего, если на гонках за рулем и в нетрезвом виде? Ее не арестуют?

– Ничего, ничего. Они тут все пьяные.

– Правда?

– Правда.

– Все?

– Все до единого. В стельку.

– Ну, тогда ничего. Пойдем выпьем. И они опять поднялись на холм и прошли сквозь бойскаутов в буфет.

Вести о мисс Рансибл не замедлили последовать.

– Внимание, – заговорил репродуктор, – № 13, английская «планкет-бауз», за рулем мисс Агата, столкнулась на Чертовом повороте с № 28, итальянской машиной «омега», за рулем капитан Марино. № 13 выправилась и продолжает путь. № 28 перевернулась и вышла из гонок.

– Молодец Агата! – сказал Арчи.

Несколько минут спустя:

– Внимание! № 13, английская «планкет-бауз», за рулем мисс Агата, прошла круг за 9 минут 41 секунду. Это рекорд скорости.

Раздались возгласы патриотического восторга. Во всех концах буфета пили за здоровье мисс Рансибл.

Несколько минут спустя:

– Внимание! Вынужден опровергнуть последнее сообщение, будто № 13, английская «планкет-бауз», за

рулем мисс Агата, установила рекорд. Только что поступило сообщение, что № 13 сошла с трека сразу после железнодорожного переезда и пять миль шла без дороги, а на трек вернулась только у поворота «Красный лев». Судьи этот этап не зачли.

Несколько минут спустя:

– Внимание! № 13, английская «планкет-бауз», за рулем мисс Агата, вышла из гонок. Некоторое время назад она покинула трек, свернув у Церковного угла не вправо, а влево. В последний раз замечена на объездном шоссе, по которому шла на юг, судя по всему потеряв управление.

– Ну, деточки, мне повезло, – сказал подоспевший Майлз. – Только второй день работаю в газете, и пожалуйста, сенсация. Уж если за такое в «Эксцессе» не похвалят... опять же деньги... – И он побежал в палатку связи – одно из удобств, предусмотренных организаторами гонок, – диктовать длинную корреспонденцию о несчастье, постигшем мисс Рансибл.

Адам пошел с ним и отправил Нине телеграмму: «Пьяный майор в буфете не фикция тридцать пять тысяч поженимся завтра все чудесно Агата пропала целую Адам».

– Как будто все ясно, – сказал он.

Потом они пошли в санитарную палатку – тоже одно из удобств, предусмотренных организаторами, – навестить приятеля Майлза. Он жаловался на боль в плече и тревожился за свою машину.

– Какая бессердечность, – сказал Адам. – По-моему, ему бы следовало тревожиться за Агату.

– Автомобилисты вообще бессердечные, – сказал Майлз со вздохом.

В палатку внесли на носилках капитана Марино. Когда его проносили мимо приятеля Майлза, он с громким стоном повернулся на бок и плюнул ему в лицо. Еще он плюнул в лицо врачу, который делал ему перевязку, и укусил одну из сестер.

В санитарной палатке сложилось мнение, что капитан Марино – не джентльмен.

Арчи выяснил, что до конца гонок уехать невозможно, а гонки продлятся еще не меньше двух часов. Машины все носились и носились по кругу. Время от времени бойскауты наклеивали против какого-нибудь номера большую красную букву В ^[18], тем отмечая очередную жертву неполадок в моторе, столкновения или Чертова поворота. По гребню холма к дверям палатки-столовой тянулась длинная очередь. И пошел дождь.

Ничего не оставалось, как снова идти в бар.

Последняя машина финишировала уже в сумерках. Победителю вручили серебряный позолоченный приз. Репродуктор передал «Боже, храни короля» и бодрым голосом распрощался с публикой. Стоявшим в очереди перед столовой вежливо сообщили, что обедов больше не отпускают. Буфетчицы в баре затянули: «Стаканы, леди и джентльмены, просим сдавать стаканы». Санитарные машины в последний раз пустились по трассе – подбирать уцелевших. Только тогда Адам, Майлз и Арчи Шверт пошли разыскивать свою машину.

На обратном пути стемнело. До города ехали час. Адам, Майлз и Арчи Шверт почти не разговаривали. Опьянение их достигло той второй стадии, красочно описанной во всех брошюрах о вреде пьянства, когда мимолетная иллюзия удовольствия и душевного подъема сменяется меланхолией, расстройством желудка и моральным распадом. Адам

пытался сосредоточить мысли на своем внезапном обогащении, но они, казалось, неспособны были держаться на столь высоком уровне и всякий раз, как он подтягивал их вверх, бессильно соскальзывали обратно, к его жалкому физическому самочувствию.

Ленивый поток машин, в котором они двигались, вынес их наконец в центр города, к неярко освещенному фасаду отеля «Империял». У его вращающихся дверей крутился бурный водоворот энтузиастов автомобильного спорта.

– Я просто падаю от голода, – сказал Майлз. – Давайте сначала поедим, а потом уж займемся Агатой.

Но управляющий «Империяла», игнорируя и превосходство сил противника и необходимость, мужественно отстаивал нерушимый режим британских отелей. Чай, объяснил он, подастся ежедневно в Пальмовом саду от четырех до шести часов, по четвергам и субботам играет оркестр. Табльдот – в ресторане от половины восьмого до девяти. Во втором зале в эти же часы можно пообедать *à la carte*. Сейчас двадцать минут седьмого. Если джентльменам угодно вернуться через час и десять минут, он сделает для них все, что в его силах, но резервировать для них столик не берется. Публики сегодня особенно много, объяснил он, – вблизи города проходили автомобильные гонки.

Портье оказался более отзывчивым, он сказал, что немного дальше по Главной улице, рядом с кинематографом, есть кафе под названием «Королевское». Однако он, видимо, давал те же сведения всем, кто к нему обращался, – «Королевское кафе» было полно до краев. Все сердились и ворчали, но столики доставались только самым язвительным и надменным, а еда – самым скандальным и грубым. После этого Адам, Майлз и Арчи Шверт попытались счастья еще в двух кафе (одно из них

содержали дамы-благотворительницы, и называлось оно «Честный индеец»), в рабочей столовой и в лавчонке, где торговали жареной рыбой. В конце концов они купили в кооперативной лавке пакет печенья «Смесь» и разъели его в угрюмом молчании в Пальмовом саду «Империала».

Шел уже восьмой час, когда Адам вспомнил о свидании в американском баре. Здесь тоже, разумеется, была давка. Сюда заглядывали и гонщики – розовые после ванны, в смокингах и белых крахмальных рубашках, каждый со своей свитой поклонников. Адам протолкался к стойке.

– Вы тут не видели пьяного майора? – спросил он.

– Еще чего, – фыркнула буфетчица. – А и увидела бы, так не стала бы обслуживать. В моем баре таким не место. Выдумали тоже!

– Сейчас-то он, может быть, не пьяный. Но скажите, вы здесь не видели такого толстого краснолицего мужчину с моноклем и усы подкручены вверх?

– Был тут недавно такой. Он что, ваш приятель?

– Мне необходимо с ним повидаться.

– Так я вам вот что скажу – вы приглядывайте за ним получше и больше его сюда не водите. Что он тут только вытворял – страшное дело. Два стакана разбил, к посетителям цеплялся. В руке у него было три, не то четыре фунтовых бумажки. Он все махал ими и приговаривал: «Каков анекдот? Я нынче встретил одного остолопа. Я ему должен тридцать пять тысяч, а он меня ссудил пятеркой». Ну разве можно так говорить при посторонних, а? Он минут десять как ушел. Я рада-радешенька была, что наконец убрался, -честное слово.

– Он в самом деле так сказал – что встретил одного остолопа?

– Сто раз повторил, пока здесь околачивался, даже надоело.

Но Адам, едва выйдя из бара, увидел майора, появившегося из мужской уборной. Он шел не спеша и смотрел на Адама пустым, остекленелым взглядом.

– Эй! – крикнул Адам. – Эй!

– Здравия желаю, – холодно отозвался пьяный майор.

– Ну как? – сказал Адам. – Относительно моих тридцати пяти тысяч?

Пьяный майор остановился и поправил монокль.

– Тридцать пять тысяч и пять фунтов, – сказал он. – Что именно вас интересует?

– Ну, хотя бы где они?

– Место надежное. Английское Объединение Национальных и Провинциальных банков. Компания безупречно честная и платежеспособная. Я бы им в больше доверил, если б имел. Я бы им миллион доверил, клянусь честью. Понимаете, любезный, одна из этих старых почтенных фирм. Теперь таких не делают. Этому банку я бы доверил жену и детей... Вы не думайте, дорогой, что я вложил ваши деньги куда попало... Пора бы вам меня знать...

– Ну конечно, конечно. Вы страшно добры, что так о них позаботились... и вы обещали сегодня вечером дать мне чек. Неужели не помните?

Пьяный майор поглядел на него хитрым взглядом. – Э-э, – сказал он, – это вопрос другой. Кому-то я обещал дать чек. Но откуда мне знать, что это были вы?... Мне, знаете ли, приходится соблюдать осторожность. А вдруг вы – переодетый мошенник? Имейте в виду, я этого не утверждаю, ну а вдруг? Хорошо я тогда буду. В таких делах нужно обе стороны принимать в расчет.

– О господи... Со мной здесь двое друзей, они вам под присягой подтвердят, что я – Адам Саймз. Этого вам довольно?

– А может, у вас шайка. Кроме того, мне-то не известно, что того малого, который дал мне тысячу, звали Адам как бишь вы сказали? Это я только с ваших слов знаю. Я вам вот что скажу, – продолжал майор, усаживаясь в глубокое кресло. – Я тут сосну. Так, совсем немножко. А когда проснусь, сообщу вам свое решение. Вы не сочтите меня подозрительным, дорогой, просто я должен действовать осторожно... чужие деньги, сами понимаете... – И он уснул.

Адам протискался сквозь толпу в Пальмовый сад, где оставил Майлза и Арчи. Только что поступили новости о машине № 13. Ее нашли в большой деревне, милях в пятнадцати от города, разбившуюся о каменный крест на рыночной площади (и нанесшую непоправимый ущерб памятнику древности, уже включенному в список взятых под охрану). Но мисс Рансибл исчезла бесследно.

– Наверно, нам надо что-то предпринять, – сказал Майлз. – Просто не упомню такого несчастного дня. Ну что, получили свое состояние?

– Майор был так пьян, что не узнал меня. Он только что уснул.

– Ну и ну.

– Придется ехать в эту злосчастную деревню искать Агату.

– Я не могу оставить майора. Он, наверно, скоро проснется и отдаст мое состояние первому встречному.

– Пойдем к нему сейчас и будем трясти его до тех пор, пока он не отдаст нам деньги, – сказал Майлз.

Но это оказалось невыполнимым: когда они добрались до кресла, в котором Адам оставил пьяного майора, там уже никого не было.

Швейцар хорошо помнил, что майор вышел из отеля. Он сунул ему фунтовую бумажку со словами: «Встретил одного остолопа», сел в такси и велел везти себя на вокзал.

– Сдается мне, – сказал Адам, – что я никогда не получу этих денег.

– Что ж, по-моему, жаловаться вам особенно не на что, – сказал Арчи. – Вы с чем были, с тем и остались. Мне хуже – я потерял пятерку и цену пяти бутылок шампанского.

– Это-то верно, – сказал Адам и немного утешился.

Они сели в машину и под дождем покатали в деревню, где был обнаружен «планкет-бауз». Там он и стоял в кольце восхищенных зрителей, почти неузнаваемый и еще слегка дымясь. Полицейский в непромокаемом плаще пытался оградить его от налетов охотников за сувенирами, уже собравших с земли все мелкие обломки.

Свидетелей катастрофы не нашлось. Младшие жители деревни были в то время на гонках, старшие отдыхали после обеда. Одному помнилось, что он слышал какой-то грохот.

Из расспросов на ближайшей железнодорожной станции выяснилось, однако, что в тот день, часа в три, у кассы появилась неизвестная молодая женщина весьма растерзанного вида и с повязкой на рукаве и спросила, где она находится. Выслушав ответ, она сказала, что это очень обидно, потому что кто-то оставил посреди дороги огромный каменный гаечный ключ. Она призналась, что чувствует себя неважно. Начальник станции предложил ей посидеть в помещении и выпить глоток бренди. Она сказала: «Нет, хватит с меня бренди» – и купила билет первого класса до Лондона. Уехала поездом 3.25.

– Значит, все в порядке, – сказал Адам.

Они выбрались из деревни на Большую Северную дорогу и скоро нашли гостиницу, где пообедали и переночевали. В Лондон они приехали на следующий день около часа и узнали, что рано утром мисс Рансибл была обнаружена в зале ожидания на Юстонском вокзале, где она, не отрываясь, смотрела на модель паровоза. В ответ на тактичные расспросы она ответила, что, насколько ей известно, имени у нее нет, и как бы в доказательство этого ткнула в повязку на рукаве. Она объяснила, что приехала в машине, которая не желала останавливаться. Машина была полна клопов, которых она пыталась убить, капая на них лосьоном. Один из клопов швырнул гаечный ключ. На дороге торчало что-то каменное. Ни к чему ставить среди дороги такие символы, правда ведь? Или нет?

Ее увезли в больницу на Уимпол-стрит и некоторое время держали в комнате со спущенными шторами.

Глава 11

Адам позвонил Нине.

– Милый, я так обрадовалась твоей телеграмме. Это правда?

– Нет.

– Майор все-таки фикция?

– Да.

– Денег у тебя нет?

– Нет.

– И мы сегодня не поженимся?

– Нет.

– Понятно.

– Что?

– Я говорю – понятно.

– Это все?

– Да, Адам, все.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже. До свиданья.

Позже Нина позвонила Адаму.

– Милый, это ты? Мне надо сказать тебе что-то ужасное.

– Да?

- Ты страшно рассердишься.
- Ну?
- Я выхожу замуж.
- За кого?
- Просто не знаю, как тебе сказать.
- За кого?
- Адам, а ты не устроишь сцену?
- Кто он?
- Рыжик.
- Не верю.
- Я не шучу. В общем, это все.
- Ты выходишь замуж за Рыжика?
- Да.
- Понятно.
- Что?
- Я говорю – понятно.
- И это все?
- Да, Нина, все.
- Когда я тебя увижу?
- Я больше не хочу тебя видеть.
- Понятно.

– Что?

– Я говорю – понятно.

– Ну, прощай.

– Прощай... Мне очень жаль, Адам.

Глава 12

Через десять дней после этого Адам купил на углу Уигмор-стрит букет цветов и пошел в больницу навестить мисс Рансибл. Для начала его провели в кабинет заведующей. Там было множество фотографий в серебряных рамках и препротивный фокстерьер. Заведующая курила сигарету – жадно, короткими, чмокающими затяжками.

– Зашла к себе на минуту передохнуть, – сказала она. – Даун, Джек, даун. Впрочем, я вижу, вы собак любите, – добавила она, видя, что Адам вяло потрепал Джека по голове. – Так вы хотите навестить мисс Рансибл? Должна вас предупредить, что волновать ее строго запрещено. Она пережила серьезный шок. Вы ей родственник, позвольте спросить?

– Нет, просто друг.

– Может быть, даже очень близкий друг? – спросила заведующая лукаво. – Ну-ну, не буду вас смущать. Бегите наверх, повидайте ее, только помните – не больше пяти минут, не то я сама приду вас выгонять.

На лестнице пахло эфиром, и это напомнило Адаму те дни, когда он сидел у Нины на кровати, перед тем как вести ее завтракать в ресторан, а она пудрилась и подмазывала губы. (На это время она всегда велела ему отворачиваться, выказывая повышенную стыдливость в отношении именно

этой стадии своего туалета – в отличие от иных женщин, которые нипочем не покажутся в одном белье, а с ненакрашенным лицом предстанут перед кем угодно.)

Подолгу думать о Нине Адаму было очень больно.

На двери палаты, где помещалась мисс Рансибл, висела прелюбопытная таблица, показывающая колебания ее температуры и пульса, а также много других захватывающих подробностей о состоянии ее здоровья. Адам с интересом изучал эту таблицу до тех пор, пока сестра, проходившая мимо с целым подносом сверкающих хирургических инструментов, не окинула его таким взглядом, что ему пришлось отвернуться.

Мисс Рансибл лежала в затемненной комнате, на узкой высокой кровати.

Возле нее сидела с вязаньем сестра. Когда Адам вошел, она встала, роняя с колен клубки, и сказала: – К вам гости, милая. Только помните, много говорить вам вредно. – Потом взяла у Адама из рук цветы, сказала: – Прелесть какая, вы у нас счастливица, – и вышла с цветами из комнаты. Через минуту она принесла их обратно в кувшине с водой. – Вон как по водичке соскучились, – сказала она. – Сейчас оживут, мои хорошие. – И опять вышла.

– Деточка, – раздался слабый голос с кровати. – Я даже не вижу, кто это. Может быть, отдернуть шторы? Или нельзя?

Адам впустил в комнату серый свет декабрьского дня.

– Ой, деточка, это же ослепнуть можно. Вон там в гардеробе есть все для коктейлей. Вы смешайте побольше, сестры их очень любят. Больница здесь прекрасная, только персонал морят голодом, и рядом в комнате сногшибательный молодой человек, он все заглядывает

сюда и справляется о моем здоровье. Сам-то он вывалился из аэроплана, это здорово, правда?

– Как вы себя чувствуете. Агата?

– Да по правде сказать, немножко странно... Как Нина?

– Выходит замуж, вы не слышали?

– Что вы, здешние сестры интересуются только принцессой Елизаветой, а больше никем. Расскажите.

– Есть такой молодой человек по имени Рыжик.

– Что?

– Вы его не помните? Он с нами повсюду ездил после вечера на дирижабле.

– Не тот, которого тошнило?

– Нет, другой.

– Не помню. Нина тоже называет его Рыжик?

– Да.

– Почему?

– Он ее просил.

– Что?

– Они в детстве вместе играли. Ну а теперь она выходит за него замуж.

– А как же вы? Ведь это же грустить можно.

– Я в полном отчаянии. Думаю покончить с собой, как Саймон.

– Не надо, милый... А разве Саймон покончил с собой?

– Вы же это знаете. В ту ночь, когда посыпались иски о клевете.

– Ах, *этот* Саймон. А я думала, вы про Саймона.

– Кто такой Саймон?

– Тот молодой человек, что вывалился из аэроплана. Сестры его прозвали Саймон-простачок, потому что он немножко повредился в уме... Но право же, Адам, мне за вас так обидно из-за Нины. Знаете, что мы сделаем? Как только я поправлюсь, уговорим Мэри Маус устроить развеселый вечер, чтобы вас подбодрить.

– А вы разве не слышали про Мэри?

– Нет. Что?

– Она уехала с магараджей Поккапорским в Монте-Карло.

– Ой, как Маусы, наверно, злятся!

– Проходит курс религиозного обучения, чтобы ее можно было официально признать княжеской наложницей. А потом они уедут в Индию.

– Как люди все исчезают, правда, Адам? Вы получили те деньги от пьяного майора?

– Нет, он тоже исчез.

– Вы знаете, все время, пока я была не в себе, меня мучили ужасные кошмары. Мне снилось, что все мы участвуем в автомобильных гонках, все носимся и носимся по кругу и не можем остановиться. А публики масса – сплошь «незваные», и репортеры светской хроники, и Арчи

Шверт и ему подобные, и все кричат, чтобы мы ехали быстрее, и одна машина за другой разбиваются, и вот я остаюсь одна и все несусь куда-то, несусь, а потом моя машина тоже вдребезги, и я просыпаюсь.

Тут дверь отворилась, и в палату вошел Майлз.

– Агата, Адам, дети мои, как же долго я сюда пробивался. У них там жуткие порядки – не пускают, и все. Сначала я сказал, что я лорд Казм – не подействовало; потом сказал, что я врач – тоже не подействовало; сказал, что я ваш жених – и это не подействовало; а как сказал, что я репортер светской хроники, тут они меня сразу впустили, только не велели вас волновать и очень просили упомянуть в газете об их больнице. Ну, как вы, Агги, деточка? Я вам принес новых пластинок.

– Вы ангел. Давайте их сейчас же поставим. Патефон.под кроватью.

– А к вам сегодня еще уйма гостей собирается. Я их видел на завтраке у Марго. Джонни Хуп, и Вэн, и Арчи Шверт. Только вот не знаю, сумеют ли они прорваться.

Сумели.

Так что вскоре их собралась большая компания, и из соседней палаты явился Саймон в веселеньком халате, и они ставили новые пластинки, а мисс Рансибл под одеялом двигала забинтованными руками и ногами в негритянском ритме.

Последней вошла Нина, очень красивая и на вид совершенно больная.

– Нина, что я слышу, вы выходите замуж?

– Да, это очень удачно. Мой отец только что вложил все свои деньги в кинокартину и все потерял.

– Дорогая моя, это пустяки. Мой отец терял все свои деньги два раза. Никакой разницы не чувствуется. Надо только это усвоить, и все будет хорошо. Вы правда зовете его Рыжик?

– В общем, да, только пожалуйста, Агата, не издевайтесь надо мной за это.

А патефон играл ту песенку, которую пел когда-то негр в «Café de la Paix».

Потом явилась сестра.

– Ну и расшумелись, – сказала она. – Вот узнает заведующая, влетит и вам и мне.

– Возьмите шоколадку, сестра.

– Ого, шоколад... Адам смешал еще коктейлей.

Майлз пододвинул к себе телефон и, сидя на кровати мисс Рансибл, стал диктовать заметку о больнице.

– Вот что значит иметь знакомство в прессе, – сказала сестра. Адам подал ей бокал. – Вы думаете, ничего? Авось не слишком крепкий, а то ну как ударит в голову. Что мои больные-то скажут, если к ним сестра заявится пьяненькая?... Ну, раз уж вы уверены, что не повредит, тогда спасибо.

...Вчера я навестил достопочтенную Агату Рансибл запятая прелестную дочь лорда Казма запятая в больнице на Уимпол-стрит, где она поправляется от последствий автомобильной катастрофы, недавно описанной на этих страницах точка в гостях у мисс

Рансибл собралось довольно большое общество, в том числе...

Адам, разносивший бокалы, дошел до Нины.

– А я думала, мы больше никогда не увидимся.

– Рано или поздно мы должны были встретиться, это ясно. Агата неплохо выглядит, правда? Я думала, она хуже. Какая забавная больница.

– Нина, нам нужно повидаться. Поедем отсюда к Лотти, пообедаем вместе.

– Нет.

– Ну пожалуйста.

– Рыжик будет недоволен.

– Нина, ты его не любишь?

– Наверно, нет.

– А меня?

– Не знаю, когда-то любила.

– Нина, я просто не могу с тобой не видеться. Поедем сегодня ко мне обедать. Что тут плохого?

– Милый, я отлично знаю, чем это кончится.

– Ну и что?

– Понимаешь, у Рыжика свой взгляд на эти вещи. Он ужасно рассердится.

– А как же я? Ведь у меня право первооткрывателя.

– Милый, не груби. Кроме того, мы с Рыжиком играли в детстве. Волосы у него тогда были очень красивого цвета.

...мистер «Джонни» Хуп, чья автобиография выходит в свет в будущем месяце, рассказал мне, что намерен посвятить себя живописи и весной уезжает в Париж учиться. Он уже принят в студию известного...

– Нина, в последний раз.

– Ну, что ж, пожалуй.

– Ты ангел.

– А ты, по-моему, знал, что я соглашусь.

...мисс Нина Блаунт, чей жених, выдающийся игрок в поло Рыжик Литлджон... мистер Шверт...

– Ах, Адам, если б только ты был так же богат, как Рыжик, ну хоть вполовину так же. Если б у тебя было хоть сколько-нибудь денег...

– Это что же такое, – сказала, внезапно появляясь, заведующая. – Коктейли и патефон после контузии? Слыханное ли дело? Сестра Бриге, сейчас же спустите шторы. А вы все уходите, живо. На моей памяти больные и не от такого умирали.

Мисс Рансибл и в самом деле уже выказывала признаки возбуждения. Она сидела в постели выпрямившись, улыбаясь безумной улыбкой и милостиво кивая забинтованной головой воображаемым гостям.

– Деточка, – говорила она, – это же божественно. Ну, как вы себя чувствуете?... А вы как?... И все пришли ко мне, какая ангельская доброта! Только будьте очень осторожны на поворотах, а то можно вывалиться... Ух, чуть не столкнулись. Вот опять этот противный итальянец... хоть

бы знать, что в этой машине для чего устроено... деточка, постарайтесь ехать прямее, еще бы чуть-чуть, и налетели бы на меня... Быстрее...

– Полно, полно, мисс Рансибл, не волнуйтесь, – сказала заведующая. – Сестра Бриге, несите скорее лед.

– Мы тут все свои, – говорила мисс Рансибл с лучезарной улыбкой. – Быстрее, быстрее... Уж я остановлюсь, когда придет время.

В тот вечер температурная кривая мисс Рансибл подскочила до такой высокой точки, что сбежалась смотреть вся больница. Сестра Бриге за вечерней чашкой какао вздохнула, что жаль будет потерять эту больную. Такая славная девушка, и умница, только очень уж возбудима.

В гостинице «Шепард» Лотти сказала Адаму: – Этот дядька опять вас спрашивал.

– Какой дядька, Лотти?

– А я откуда знаю? Тот же, что и раньше.

– Вы мне ни про какого дядьку не говорили.

– Разве? Ну, значит, запомновала.

– Что ему было нужно?

– Не знаю. Что-то насчет денег. Небось кредитор. Сказал, что завтра опять зайдет.

– Так вы ему передайте, что я уехал в Манчестер.

– Передам, голубчик... Винца не хотите выпить?

Позже в тот же вечер Нина сказала: – По-моему, ты сегодня даже не особенно рад.

– Прости, пожалуйста. Тебе со мной скучно?

– Я, пожалуй, пойду домой.

– Да.

– Адам, милый, что с тобой случилось?

– Не знаю... Нина, тебе никогда не кажется, что так не может продолжаться?

– Что именно? У нас или вообще?

– Вообще.

– Нет... к сожалению, нет.

– Наверно, ты права... что ты ищешь?

– Платье.

– О, Адам, что тебе наконец нужно? Ты сегодня совершенно невозможен.

– Давай помолчи! Нина, хорошо?

Позже он сказал: – Я бы все на свете отдал за что-нибудь новое.

– Новое вместо меня или вообще новое.

– Вообще... Только ведь у меня ничего нет... какой смысл говорить?

– Адам, родной мой...

– Да?

– Нет, ничего.

Когда Адам на следующее утро спустился в гостиную, он застал там Лотти за утренним бокалом шампанского.

– Что, улетела ваша птичка? Ну садитесь, выпейте. Кредитор этот опять заходил. Я ему сказала, что вы в Манчестере.

– Вот и отлично.

– А он, представьте, даже обозлился. Сказал, что поедет вас искать.

– Еще лучше.

И тут случилось то, чего Адам с ужасом ждал уже много дней. Лотти вдруг сказала: – А кстати, мне вы ведь тоже кое-что должны.

– Знаю, знаю, – сказал Адам. – Я все собирался попросить у вас счет. Вы распорядитесь, чтобы его выписали и прислали мне как-нибудь на днях, ладно?

– А он у меня здесь, уже готов. Батюшки мои, сколько же тут за одни напитки!

– Да, просто ужас. А может быть, часть этого шампанского брал судья, как вы думаете?

– Вполне возможно, – согласилась Лотти. – У нас частенько получается путаница с записями.

– Ну, все равно, спасибо, я вам пришлю чек.

– Нет, голубчик, – сказала Лотти, – вы лучше выпишите его прямо здесь. Вот вам перо, вот чернила, а вот чистая чековая книжка.

(Счета у Лотти предъявляют нечасто и нерегулярно, но уж если предъявят, от них не отвертеться.) Адам выписал чек на 78 фунтов и 16 шиллингов.

– И два пенса за бланк, – сказала Лотти.

– И два пенса, – приписал Адам.

– Вот и умница, – сказала Лотти, промокнула чек и заперла его в ящик стола. – Смотрите-ка, кто сюда пожаловал. Мистер Какбишьего собственной персоной.

Это был Рыжик.

– Доброе утро, миссис Крамп, – сказал он официальным тоном.

– Подсаживайтесь к нам, голубчик, выпейте винца. Я ведь вас знала, когда вас еще на свете не было.

– Приветствую, Рыжик, – сказал Адам.

– Послушайте, Саймз, – сказал Рыжик, в замешательстве глядя на бокал, оказавшийся у него в руке. – Мне нужно с вами поговорить. Можем мы пройти куда-нибудь, где нам не помешают?

– Да не буду я вам мешать, мои милые, – сказала Лотти. – Говорите себе сколько душе угодно. А у меня дел невпроворот.

Она ушла, и тут же в гостиную донесся ее громкий голос, распекающий лакея-итальянца.

– Итак? – сказал Адам.

– Дело в том, что я хочу сказать вам одну вещь, которая может показаться вам чертовски неприятности все такое, но, понимаете, я хочу сказать, что победа досталась достойнейшему, только я, конечно, не имею в виду, будто я достойнее вас. Это бы мне и в голову не пришло. И уж, во всяком случае, Нины ни вы, ни я не достойны. Просто мне повезло. Вам-то, конечно, здорово не повезло и все такое, но, однако же, как подумаешь, ну, в общем, вы, черт возьми, понимаете, что я хочу сказать?

– Не совсем, – сказал Адам ласково. – Давайте повторите еще раз. Это что-то насчет Нины?

– Вот именно, – вдруг зачастил Рыжик. – Мы с Ниной помолвлены, и я попросил бы вас не вклиниваться, а то вам же будет хуже. – Он умолк, несколько смущенный собственным красноречием.

– Из чего вы заключили, что я вклиниваюсь?

– Она, черт возьми, обедала с вами вчера вечером, разве не так? И домой вернулась очень поздно.

– Откуда вы знаете, когда она вернулась домой?

– Ну, мне, понимаете, надо было обсудить с ней одну очень важную вещь, и я несколько раз звонил ей, а она ответила только в три часа ночи.

– Вы, надо думать, звонили ей примерно каждые десять минут?

– Ничего подобного, вовсе не так часто. Нет, черт возьми, гораздо реже. Я понимаю, это звучит как-то непорядочно, но мне, понимаете, необходимо было с ней поговорить, а когда я, наконец дозвонился, она только сказала, что ей нездоровится, а разговаривать не захотела. Ну вот, я и говорю. Как-никак, надо быть джентльменом.

Еще будь вы давнишним другом семьи, ну, тогда другое дело, а то ведь нет? Вы ведь сами одно время были как будто с нею помолвлены, верно? Ну вот, я и говорю, как бы вы отнеслись, если бы я тогда вклинился? Должны же вы, черт возьми, встать и на мою точку зрения, разве не так?

– А знаете, пожалуй, именно это и произошло.

– Ну что вы, Саймз, как можно, черт возьми, говорить такие вещи. Да вы знаете, когда я жил на Востоке, у меня Нинина фотография всегда висела над кроватью, честное слово. Вы, наверно, сочтете это сентиментальностью и все такое, но, говорю вам, пока я был там, я ни на минуту не переставал о ней думать. Причем, имейте в виду, там было много и других очень славных девушек и, я не скрываю, с некоторыми я дружил – теннис, понимаете, турниры и все такое и танцы по вечерам, но что-нибудь серьезное – этого, понимаете, не было. Единственной девушкой, о которой я думал всерьез, была Нина, и я твердо решил – найду ее, когда вернусь в Англию, и, если она согласится... Вы меня понимаете? Так что видите, как мне должно быть неприятно, когда кто-то вклинивается. Уж это-то вы можете понять?

– Да, – сказал Адам.

– И есть, понимаете, еще одна вещь, это уж независимо от всяких сантиментов. Нина, понимаете, любит хорошо одеваться и любит красивые вещи и комфорт и все такое. Так вот, я хочу сказать, ее отец, конечно, чудесный старик, прямо-таки замечательный, но в денежных делах он, понимаете ли, порядочный осел. Я хочу сказать, что Нине придется очень туго и все такое, а у вас ведь не так уж много денег, верно?

– У меня вообще нет денег.

– Ну вот, я и говорю, это я и хотел сказать, что вам в этом смысле здорово не повезло. Никто вас, разумеется, не осуждает, это даже очень почтенно – я имею в виду зарабатывать на хлеб и все такое. Сейчас у многих нет денег. Я мог бы назвать вам десятки хороших людей, прямо-таки превосходных, У которых нет буквально ни гроша. Нет, я только имею в виду, что, когда дело доходит до женитьбы, это все-таки разница, верно?

– Вы, видимо, все это время пытались сказать, что не уверены в Нине?

– Бросьте, дорогой мой, что за глупости. Это абсолютная чепуха. Черт возьми, конечно, я в ней уверен, как же иначе? В конце концов, что значит любить человека, если не веришь в него?

«В самом деле, что это значит?» – подумал Адам, а вслух сказал: – Ну-ка, Рыжик, положи руку на сердце, что бы вы дали за Нину?

– О господи, вот странный вопрос, да что угодно, разумеется. Я бы ради этой девушки ничего на свете не пожалел.

– Ну, так я ее вам продам.

– Бог с вами, послушайте, нет, черт возьми, я хочу сказать...

– Продам вам мою долю в ней за сто фунтов.

– Вы уверены, что любите Нину, а сами так о ней говорите. Да это, черт возьми, непристойно. И кроме того, сто фунтов – очень большая сумма. Я хочу сказать, женитьба вообще связана с большими расходами. А я еще выписал из Ирландии двух лошадок для поло. То, другое, вы знаете, во сколько мне это все обойдется?

– Сто фунтов на бочку, и я отказываюсь от Нины в вашу пользу. Я считаю, что это еще дешево.

– Пятьдесят.

– Сто.

– Семьдесят пять.

– Сто.

– Больше семидесяти пяти не дам, хоть ты тресни.

– Давайте семьдесят восемь фунтов, шестнадцать шиллингов и два пенса. Дешевле уступить не могу.

– Ладно, идет. И вы правда уберетесь с дороги?

– Постараюсь, Рыжик. Выпьем.

– Нет уж, спасибо... Вот теперь ясно, какой участи избежала Нина... бедная девочка.

– Прощайте, Рыжик.

– Прощайте, Саймз.

– Мистер Какбишьего уже уходит? – сказала Лотти, появляясь в дверях. – А я как раз думала, не выпить ли по стаканчику.

Адам пошел в телефонную будку. – Алло, это Нина?

– Кто говорит? Мисс Блаунт, кажется, нет дома.

– Мистер Фенвик-Саймз.

– Ой, Адам. А я думала, это Рыжик. Я как проснулась, почувствовала, что просто не выношу его. Он вчера позвонил, как только я вернулась.

– Знаю. Нина, радость моя, случилась ужасная вещь.

– Что?

– Лотти предъявила мне счет.

– Милый, и что же ты сделал?

– Сделал нечто из ряда вон выходящее... Родная, я продал тебя.

– Ой, милый, кому?

– Рыжику. Ты потянула на семьдесят восемь фунтов, шестнадцать шиллингов и два пенса.

– Что?!

– И теперь я никогда больше тебя не увижу.

– Ну знаешь, Адам, это свинство. Я так не хочу, чтобы больше тебя не видеть.

– Мне очень жаль... Прощай, Нина, родная моя.

– Прощай, моя радость. Но какой же ты все-таки негодяй.

На следующий день Лотти сказала Адаму: – Помните, я говорила, что вас тут один спрашивал?

– Кредитор?

– А он, оказывается, был не кредитор. Я только что вспомнила. Он одно время часто здесь бывал, пока не подрался с каким-то канадцем. Он был здесь в тот вечер, когда эта дурочка Флосси доигралась с люстрой.

– Неужели пьяный майор?

– Вчера он был не пьяный. С виду, во всяком случае, было незаметно. Такой краснолицый дядька с моноклем. Да вы, голубчик, наверно, его помните. Он еще ставил за вас на лошадь в ноябрьском гандикапе.

– Но я немедленно должен с ним связаться. Как его зовут?

– Вот этого не скажу. И знала ведь, да начисто забыла. Он поехал в Манчестер вас искать. Обидно, что вы с ним разминулись.

Адам пошел звонить Нине. – Знаешь, что, – сказал он, – ты там не спеши с Рыжиком. Возможно, я тебя еще выкуплю обратно. Пьяный майор опять объявился.

– Поздно, милый. Мы с Рыжиком сегодня утром поженились. Я как раз укладываюсь. Мы улетаем в свадебное путешествие на аэроплане.

– Я вижу, Рыжик решил ловить момент. Нина, родная моя, не уезжай.

– Нельзя. Рыжик говорит, что знает «чудесное местечко вблизи Монте-Карло с вполне приличной площадкой для гольфа, на девять лунок».

– Ну и что?

– Да, я знаю... мы туда всего на несколько дней. А потом вернемся и Рождество проведем у папы. Может быть, тогда удастся что-нибудь устроить. Я надеюсь.

– Ну, прощай.

– Прощай.

Рыжик посмотрел в окошко аэроплана. – Нина, – прокричал он, – тебя в школьные годы не заставляли учить наизусть такие стихи из хрестоматии, что-то такое «Страна величья, трон любимый Марса, какой-то там Эдем»? Ну, знаешь, наверно? «Счастливейшее племя, в малом – мир, роскошный перл в сверкающей оправе...

*Благословенный край, страна родная,
Отчизна наша, Англия, – она,
Вскормившая на плодоносном лоне,
Взрастившая, как нянька, королей,
Рожденьем знаменитых, силой грозных...»* [19]

Дальше забыл. Что-то насчет упрямого еврея. Но ты знаешь, о чем я говорю?

– Это из одной пьесы.

– Нет, из синей хрестоматии.

– Я в ней играла.

– Ну, может быть, их потом вставили в пьесу. Когда я их учил, они были в синей хрестоматии. Но так или иначе, ты знаешь, о чем я?

– Да, а что?

– Я просто хотел сказать – у тебя нет такого чувства, когда вот так летишь и смотришь вниз и там все видно, не появляется у тебя ощущение вроде этого, ну, ты меня понимаешь.

Нина глянула вниз и увидела накренившийся под каким-то странным углом горизонт беспорядочного красного пригорода; заводы – одни работающие, другие

бездействующие, брошенные; заросший канал; вдалеке – холмы, усеянные домиками; радиомачты и электрические провода; людей было не разглядеть – одни точки; они там женились и выходили замуж, бегали по магазинам, наживали деньги и рожали детей. Пейзаж опять накренился и подпрыгнул – аэроплан попал в воздушную яму.

– Меня, кажется, сейчас стошнит, – сказала Нина.

– Бедная девочка, – сказал Рыжик. – Вот бумажные пакеты и пригодятся.

Впереди черная дорога была видна на каких-нибудь четверть мили, не больше. Она разматывалась, как киноплёнка. По бокам царил хаос; навстречу неся туман; крики «быстрее, быстрее» перекрывали рев мотора. Внезапно дорога пошла вверх, и белая машина, не сбавляя скорости, взлетела на крутой подъем. На верхней точке был поворот. Две машины незаметно подобрались к нему справа и слева – вот-вот столкнутся. – Быстрее! – крикнула мисс Рансибл. – Быстрее!

– Тише, тише, милая. Так вы всех перебудите. Лежите спокойно, а то никогда не поправитесь. Все хорошо, и волноваться не о чем. Ничего не случилось.

Ее пытались уложить. Разве можно править машиной лежа? Опять поворот, еще страшнее. Автомобиль приподнялся на двух колесах, дернулся вправо, его потащило через дорогу, до обрыва осталось несколько дюймов. На поворотах надо тормозить, но их же не видно, когда лежишь пластом, на спине. На такой скорости не удержать машину – видите, уже заносит.

– Быстрее! Быстрее!

Шприц. Укол.

– Не о чем волноваться, милая. Ничего не случилось...
Ничего.

Глава 13

Фильм был закончен, и все уехали – Весли и Уайт-филд, епископ Филпотс и мисс Латуш, мистер Айзеке и его ученики из Национальной Академии Кинематографического Искусства. Парк тонул в снегу, чистый белый ковер, и на нем ни теней, ни пятен, только цепочки крошечных стрелок, проложенные лапками голодных птиц. Звонари усердно готовились к празднику, и воздух полнился колокольным звоном.

В доме, в столовой, мистер Флорин, миссис Флорин и пятнадцатилетняя служаночка Ада украшали ветками остролиста рамы семейных портретов. Мистер Флорин держал корзину, миссис флорин держала лесенку, Ада пристраивала ветки по местам. Полковник Блаунт пошел к себе наверх – как всегда, соснуть до чая.

Флорин приготовил сюрприз. Это было древнее знамя из белого коленкора с выведенными по нему красной ленточкой словами: «Добро пожаловать!» Он всегда помнил, где оно хранится, и искать не надо было – сверху в черном чемодане, на дальнем чердаке, позади обеих цинковых ванн и футляра от виолончели.

– Его полковникова матушка сшила, – объяснил он, – когда мальчика в первый раз увезли в школу, и вывешивалось оно потом в холле всякий раз, как он и мистер Эрик приезжали домой на каникулы. Он как войдет в дом, первым делом его высматривает, даже когда уже взрослым приезжал, в отпуск. Сразу, бывало, спросит: «А

где мое знамя?» Вот мы его и вывесим для мисс Нины... лучше бы сказать, для миссис Литлджон.

Ада спросила, не нужно ли украсить остролистом спальню капитана Литлджона и его супруги.

Миссис Флорин ответила, где это слыхано, чтобы остролистом украшали спальни, и вообще на второй этаж его не носят, примета плохая.

Ада сказала, ну, тогда, может быть, веточку омелы над кроватью?

Миссис Флорин сказала, что Ада еще молода думать о таких вещах, постыдилась бы.

Флорин сказал, что хватит Аде возражать и спорить, пусть лучше идет с ним в холл вешать знамя. Одна веревка крепится на рог носорога, другая – за шею жирафа.

В положенное время сверху спустился полковник Блаунт.

– Камин в большой гостиной затопить, сэр? – спросила его миссис Флорин.

– В большой гостиной? Нет, конечно, с чего это вы вздумали, миссис Флорин?

– В честь капитана Литлджона и его супруги, сэр. Вы, наверно, не забыли, что они нынче приедут к вам на праздники?

– Какой там еще капитан с супругой? Я слыхом о них не слыхал. Интересно, кто это их пригласил сюда. Я, во всяком случае, не приглашал. Понятия не имею, кто такие. Мне они не нужны... Да вот еще, вспомнил, ведь сюда собираются мисс Нина с мужем, что же мне, весь дом превращать в гостиницу? Так что если эти люди приедут, Флорин, вы им

скажите, пусть уезжают. Понятно? Мне они не нужны, и кто их пригласил – не знаю, только очень уж много люди себе позволять стали – приглашают гостей ко мне в дом, даже не спросив у меня разрешения.

– Камин в большой гостиной затопить, сэр, в честь мисс Нины и ее мужа?

– Да, да, разумеется. И в спальне у них тоже, конечно, затопите. И еще. Флорин, пойдете-ка со мной в погреб, я хочу выбрать портвейн... Ключи у меня с собой... Думаю, что Нинин муж придется мне по вкусу, – доверительно продолжал он по дороге в погреб. – Я имею о нем самые хорошие сведения – порядочный, серьезный молодой человек, и доходы солидные. Мисс Нина пашет, что он бывал у нас в детстве. Вы его помните, Флорин? Я, убей бог, не помню. Как его фамилия-то?

– Литлджон, сэр.

– Вот-вот, правильно. Литлджон. Ведь на языке вертелось. Литл-джон. Надо запомнить.

– Отец его жил одно время в Оукшотте, сэр. Очень богатый джентльмен. Кажется, судовладелец. А сын мальчиком ездил с мисс Ниной верхом. Рыженький такой, на обезьянку похожий... кошкам от него житья не было.

– Ну, это у него с годами, вероятно, прошло. Не упадите, Флорин, здесь ступенька выщерблена. Ну-ка, поднимите фонарь повыше. Так мы зачем пришли? Да, за портвейном. Где-то еще оставался разлива 96-го года, всего несколько бутылок. На этом вот ящике что написано? Я не разберу. Поднесите фонарь поближе.

– 96-й год мы допили, сэр, когда здесь жил тот джентльмен, Что снимал картину.

– В самом деле? Это мы напрасно, Флорин, не стоило.

– Мистер Айзекс, он насчет вина был очень разборчив, а вы приказали подавать им, чего ни попросят.

– Да, но портвейн 96-го... Ну что ж, ну что ж... Возьмите две бутылки 904-го. Так, а что нам еще нужно? Да, кларет. Кларет, кларет, кларет, кларет. Где у меня кларет, Флорин?

Полковник Блаунт сидел за чаем – уже съел яйцо всмятку и намазывал медом булочку, когда Флорин распахнул Дверь библиотеки и доложил: – Капитан Литлджон с супругой, сэр.

И вошли Адам с Ниной

Полковник Блаунт отставил булочку и поднялся им навстречу

– Ну, здравствуй, Нина, давненько ты не навещала старика отца. А это, стало быть, мой зять? Здравствуйте, мой милый. Подсаживайтесь оба к столу, Флорин сейчас принесет еще чашек... Да. – сказал он, внимательно оглядев Адама, – я бы вас, пожалуй, не узнал. С отцом то вашим я одно время был хорошо знаком Он тут жил по соседству, в этом, как его Вы это время, наверно, не помните. А ведь вы у нас бывали, ездили с Ниной верхом. Вам тогда было лет десять-одиннадцать, не больше Странно, почему-то мне запомнилось, что волосы у вас были рыжие

– Ты, наверно, слышал, что его называют Рыжик, – сказала Нина, – поэтому так и решил.

– Возможно, возможно, только с чего бы называть его Рыжиком, когда он самый обыкновенный блондин, ну, да все равно, рад вас видеть, очень, очень рад. Вам то здесь,

может быть, покажется скучновато. Гостей у нас теперь бывает мало. Вот тут Флорин, не спросясь у меня, пригласил какого-то капитана с супругой, но я сказал, что не желаю их видеть. С чего это я буду принимать друзей Флорина? Слуги нынче совсем обнаглели, воображают, что раз они у вас некоторое время прожили, так могут делать, что им вздумается. Возьмите хоть эту несчастную – старую леди Грейбридж. Пока она не умерла, так никто и не знал, что ее дворецкий все время сдавал комнаты в северном крыле дома. Она никак не могла взять в толк, почему это фрукты из сада никогда не попадают к ней на стол, а это, оказывается, дворецкий их все съедал со своими жильцами. А когда она заболела и слегла, он устроил в парке площадку для гольфа, просто безобразие. На такое, я думаю, Флорин бы не пошел, а впрочем, кто его знает. Лиха беда начало, а он – видали? – уже приглашает сюда гостей на праздники.

В кухне Флорин сказал: – Это не тот мистер Литлджон, которую я знал мальчиком.

Миссис Флорин сказала: – Это тот молодой джентльмен, что в прошлом месяце здесь завтракал.

Ада сказала: – У него наружность приятная.

Флорин и миссис Флорин сказали: – Помолчи, Ада. Ты им в спальню горячей воды поставила? А чемоданы наверх отнесла? И распаковала? А вечерний костюм полковнику почистила? Ты что же думаешь, Флорин и миссис Флорин за тебя всю работу по дому будут делать? И посмотри на свой передник, нескладеха ты такая, с утра уже второй изгваздала.

Флорин добавил: – А знамя-то мисс Нина заметила.

В библиотеке полковник Блаунт сказал: – На вечер у меня припасено для вас кое-что интересное. Я только что получил две последние проявленные пленки моей кинокартины. Вот мы их вечером и посмотрим. Смотреть придется у пастора, потому что у него есть электричество, везет человеку. Я его предупредив, что мы будем. Он как будто не очень обрадовался. Стал говорить, что ему завтра читать три проповеди и к ранней обедне надо встать в шесть часов. Совсем не похоже на рождественский дух милосердия. Да еще не хотел заехать за нами на машине. Тут всего-то каких-нибудь четверть мили, для него это пустяк, а нам легко ли идти пешком по снегу со всей аппаратурой? Я ему сказал: «Если бы вы сами поступали похристиански, мы бы, может быть, охотнее жертвовали на ваши заграничные миссии, и на бойскаутов, и на постройку органа». Ну, это его проняло. Да я сам, черт возьми, предоставил ему место в здешнем приходе, так кто же, как не я, имеет право на его автомобиль?

Когда Нина и Адам ушли к себе переодеваться к обеду, она сказала. – Вот видишь, я же говорила, что папа тебя не узнает.

Адам сказал, – Смотри, кто-то повесил у нас над кроватью омелу

– Флоринов ты, по-моему, сильно удивил.

– погоди, что еще скажет пастор. Когда я был здесь первый раз, он отвез меня на станцию. Он тогда решил, что я сумасшедший.

– Бедный Рыжик. Я все думаю, очень гадко мы с ним поступили? Но это словно сама судьба велела, чтобы его именно сейчас вызвали в полк.

– Я оставил ему чек в уплату за тебя.

– Милый, ты же знаешь, что это не чек, а фикция.

– Все чеки хороши, пока банк не отказался по ним платить а завтра Рождество, потом второй день праздника, потом воскресенье. Раньше понедельника он не предъявит его к оплате, а до тех пор мало ли что может случиться. Вдруг еще объявится пьяный майор. А на худой конец я всегда могу отослать тебя ему обратно.

– Скорее всего, этим и кончится... Милый, наше свадебное путешествие – это был такой ужас... холод собачий, а Рыжику непременно нужно было после обеда выхаживать взад вперед по какой-то террасе, любоваться луной над Средиземным морем. Весь день он играл в гольф и заводил знакомства с другими англичанами в нашем отеле. В общем, что-то кошмарное... это же с тоски повеситься можно, как сказала бы бедная Агата.

– Я тебе говорил, что был на ее похоронах? Народу почти никого не было, только Казмы и какие-то тетки. Мы пошли с Вэном, предварительно выпили, и на нас все глазели. По-моему, им казалось, что я отчасти повинен в катастрофе.

– А Майлз не был?

– Ему пришлось уехать из Англии, ты разве не слышала?

– Милый, я ведь только сегодня вернулась из свадебного путешествия. Я ничего не слышала... Выходит, что из нас почти никого не осталось, только мы с тобой.

– И Рыжик.

– Да, и Рыжик.

Нельзя сказать, чтобы просмотр киноленты прошел с успехом. Пастор приехал, когда они кончали обедать, и вошел в столовую, стряхивая снег с воротника пальто.

– Входите, уважаемый, входите. Мы сейчас. Вот вам рюмка портвейну, присаживайтесь. С дочерью моей вы, конечно, знакомы? А это мой новоиспеченный зять.

– С ним я, кажется, тоже имел уже удовольствие познакомиться.

– Вздор, он здесь не бывал с тех пор, как еще пешком под стол ходил, задолго до вас.

Пастор не спеша тянул портвейн и поглядывал на Адама с таким выражением, что Нина чуть не прыскала со смеху. Наконец Адам тоже фыркнул, и пастор утвердился в своих подозрениях. Таким образом, отношения стали натянутыми еще до того, как все сели в машину. Впрочем, полковник, всецело поглощенный перевозкой своей аппаратуры, ничего не заметил.

– Вы здесь впервые? – спросил пастор, ведя машину по глубокому снегу.

– Я жил в этих краях в детстве.

– Да... но ведь вы совсем недавно сюда приезжали, разве нет? Полковник, знаете ли, очень забывчив.

– Нет, нет. Я здесь пятнадцать лет не был.

– Вот как, – сказал пастор и закончил вполголоса: – Невероятно, невероятно и очень печально.

Жена пастора, предвкушая вечер в веселом обществе, заранее приготовила в гостиной кофе с шоколадным

печеньем, но полковник живо положил конец этому легкомыслию, погрузив их всех в темноту.

Он вывинтил электрические лампочки и вставил в розетку штепсель своего проектора. Яркий луч прорезал гостиную, выхватив из мрака пастора, шепотом сообщавшего на ухо жене о своем открытии.

– ...тот самый молодой человек, о котором я тебе рассказывал, – говорил он. – Явно помешан, бедняга. Даже не помнит, что приезжал сюда. В возрасте полковника такие вещи, может быть, естественны, но когда человек так молод... печальный прогноз для потомства...

Полковник прервал свои приготовления.

– Знаете, уважаемый, что мне пришло в голову. Хорошо бы сюда доставить старика Флорина. Он, пока снимали картину, почти все время пролежал больной. Ему наверняка интересно было бы посмотреть. Будьте другом, съездите за ним на машине, а?

– Право же, полковник, по-моему, это не обязательно. И машину я уже поставил в гараж

– Я без вас не начну, не беспокойтесь. Мне тут еще есть с чем повозиться Мы вас подождем. Обещаю

– Дорогой полковник, на улице валит снег, началась метель. Не окажется ли это плохой услугой – вытащить пожилого человека из дому в такую погоду, чтобы показать ему фильм, который, я не сомневаюсь, скоро будет демонстрироваться по всей стране?

– Ну хорошо, хорошо, уважаемый, будь по-вашему. Я только подумал, что сегодня как никак сочельник... о черт, током дернуло.

Адам с Ниной и пастор с женой терпеливо сидели в темноте. Через некоторое время полковник развернул скатанный в трубку посеребренный экран.

– Ну-ка, кто-нибудь, – сказал он, – помогите мне убрать с камина всю эту мелочь.

Жена пастора бросилась спасать свои безделушки.

– Как думаете, выдержит? – спросил полковник, взбираясь на рояль и проявляя разбуженные волнением поразительные запасы дремавшей энергии. – Так, теперь подайте мне экран. Отлично. Ничего, если я ввинчу вам в стену парочку шурупов? Совсем маленьких.

Вскоре экран был укреплен и линза повернута так, что на него лег небольшой квадрат света.

Публика замерла в ожидании.

– Начинаю, – сказал полковник и запустил проектор.

Послышалось жужжание, и вдруг стало видно, как четыре всадника в военной форме задом скачут по аллее парка.

– Эге, тут что-то не так, – сказал полковник. – Странно. Должно быть, я забыл ее перемотать.

Всадники исчезли, и снова послышалось жужжание – лента перематывалась на другую катушку.

– Вот, – сказал полковник, и на этот раз появилась надпись ровным, четким шрифтом: ПРОИЗВОДСТВО БРИТАНСКОЙ КОМПАНИИ ВУНДЕРФИЛЬМ. Надпись эта, сильно вибрируя, но в остальном не меняясь, заполняла экран довольно долго («Титры, конечно, надо будет немного подрезать, прежде чем выпускать ее в прокат», – объяснил полковник), а потом сменилась другой: С

УЧАСТИЕМ ЭФФИ ЛАТУШ. Это сообщение на экране не задержалось, они едва успели его прочесть, как оно покатилося куда-то вбок и вниз («Черт, – сказал полковник, – съехало».) Последовала долгая пауза, а затем:

ЧУДОМ СПАСШИЙСЯ

ФИЛЬМ, ОСНОВАННЫЙ НА ЖИЗНЕОПИСАНИИ ДЖОНА ВЕСЛИ

(«Вот видите», – сказал полковник.)

АНГЛИЯ XVIII ВЕКА

Четверо мужчин в париках и маскарадных костюмах сломя голову бросились к столу и стали играть в карты. На столе были стаканы, горы денег и свечи. Мужчины играли с лихорадочным азартом и много пили. («Тут должна быть песня, – сказал полковник, – но мой аппарат, к сожалению, не дает звука».) Потом появился разбойник, задержавший ту самую карету, которую Адам видел во время съемок; потом голодные нищие у входа в даутингскую церковь; потом дамы в маскарадных костюмах, танцующие менуэт. Временами головы их исчезали над верхом экрана; временами они по пояс погружались вниз, словно в трясины; один раз сбоку мелькнул мистер Айзекс без пиджака, знаками подгонявший танцующих. («Я его выкину», – сказал полковник.)

ДОМ СВЯЩЕННИКА В ЭПВОРТЕ

ЛИНКОЛЬНШИР (АНГЛИЯ)

(«Это на случай, если картину приобретут в Штатах, – сказал полковник. – Линкольншира, у них там, кажется, нет, но все же уточнить не мешает».)

Появился угол дома в Даутинге, из окон валил дым. Старый священник в лихорадочном темпе передавал стоявшим поблизости ребенка за ребенком. («В доме пожар, – объяснил полковник. – Это мы устроили совсем просто – жгли какое-то снадобье, которое Айзекс привез с собой. Вонь стояла невыносимая».)

Так события в фильме сменялись в течение примерно получаса. Одна из особенностей картины состояла в том, что в самых драматических и важных для развития сюжета местах лента, казалось, крутилась особенно быстро. Крестьяне бежали в церковь, как наэлектризованные; любовники пуль влетали в окна и вылетали обратно; лошади мелькали перед глазами, как автомобили; восстания происходили так мгновенно, что их едва успевали заметить. Зато эпизоды спокойные, статичные – разговор в саду между двумя священниками, миссис Весли на молитве, леди Хантингдота, спящая в своем замке, и т. п. – тянулись нестерпимо долго. Даже полковник Блаунт обратил внимание на этот изъян.

– Здесь, пожалуй, можно кое-что вырезать, – сказал он после того, как Весли просидел за сочинением памфлета четыре с половиной минуты.

Когда пленка кончилась, все с облегчением зашевелились.

– Очень, очень мило, – сказал жена пастора. – Очень мило и поучительно.

– Поздравляю вас, полковник, картина захватывающе интересная. Я понятия не имел, что жизнь Весли была так богата приключениями. Надо будет перечитать Леки [20].

– Просто божественно, папа.

– Большущее вам спасибо, сэр. Я получил огромное удовольствие.

– Что вы, что вы, это не конец, – сказал полковник. – Есть еще четыре катушки.

– О, это хорошо. – Я так рада! – Великолепно. – Да?... Но досмотреть картину им не удалось. В самом начале второй части – когда в Америке леди Хантингдон, переодетая ковбоем, спасает Весли от краснокожих индейцев – произошла одна из тех неприятностей, от которых не застрахованы и самые современные суперкинематографы. Что-то вдруг затрещало, вспыхнула длинная голубая искра, и свет погас.

– Экая досада, – сказал полковник. – Что там еще? Сейчас как раз будет такое интересное место.

Он принялся энергично теребить свои шнуры, в спешке обжигая пальцы. Публика сидела в темноте. Потом дверь отворилась и вошла горничная со свечой.

– Прошу прощения, мэм, – сказала она. – Света нет во всем доме.

Пастор торопливо вышел в коридор и попробовал выключатель. Он несколько раз щелкнул им вверх и вниз, постучал по нему, как по барометру, легонько подергал его.

– Видимо, пробка перегорела, – сказал он.

– Ну, знаете, уважаемый, это не дело, – сказал полковник сердито. – Без электричества я показывать фильм не могу. Вы уж как-нибудь его почините.

– К сожалению, тут потребуется монтер, а вызвать монтера можно не раньше понедельника, – сказал пастор не по-христиански холодным тоном. – Да, мне уже ясно, что нам с женой и всему моему дому предстоит провести рождественские праздники в темноте.

– Признаться, – сказал полковник, – я этого не ожидал. Я, конечно, понимаю, что для вас это так же огорчительно, как для меня. Но все-таки...

Горничная принесла несколько свечек и велосипедный фонарь.

– Последние, сэр, – сказала она. – А лавки только в понедельник откроются.

– Полагаю, что в таком случае мое гостеприимство вам больше не требуется, полковник? Хотите, я позвоню в Эйлсбери и вызову вам такси?

– Что такое? Такси? Да это просто смешно – вызывать такси из Эйлсбери, чтобы проехать четверть мили.

– Миссис Литлджон едва ли захочется идти пешком в такую погоду.

– Может быть, правда вызвать такси, папа?

– Разумеется, если вы предпочитаете переждать... метель, возможно, утихнет. Но не думаю, чтобы вам улыбалось сидеть здесь вот так, в темноте.

– Нет-нет, вызывайте такси, – сказал полковник. По дороге домой он сказал: – Я совсем было решил дать ему на праздник две-три наши лампы. А теперь и не подумаю. Это

надо же – гнать такси за семь миль, чтобы проехать несколько сот ярдов. Да еще в сочельник. Жалуются, что народ мало ходит в церковь, а чего же и ждать, когда у них у самих такое понятие о рождественском братстве. И я-то еще старался, привез ему показать мою картину...

Наутро Адам и Нина проснулись под Адиной веткой омелы и слышали гудящий над снегом рождественский благовест. «В церковь, люди добрые, в церковь поспешайте». Накануне они повесили на видном месте по чулку, и Адам положил Нине в чулок флакон духов с пульверизатором, а она ему – два галстука и безопасную бритву новой марки. Ада принесла им чай и поздравила с праздником. У Нины были приготовлены подарки для обоих Флоринов, но про Аду она забыла, поэтому подарила ей свои духи.

– Радость моя, – сказал Адам, – они стоят двадцать пять шиллингов – записаны в магазине Астри на счет Арчи Шверта.

Крошки от хлеба они высыпали на подоконник, прилетел снегирь и стал их клевать. В таком духе прошел весь день.

Завтракали Адам и Нина в столовой одни. На поставленных в ряд спиртовках грелись серебряные блюда с омлетом, жареной куропаткой, пловом, почками, рыбой и булочками; был там еще окорок, холодный язык, солонина и маринованная селедка. Нина съела яблоко, Адам – несколько гренков.

Полковник Блаунт спустился сверху в одиннадцать часов, облаченный в серый фрак. Он поздравил их с праздником, и они обменялись подарками. Адам подарил

ему ящичек сигар, Нина – большую иллюстрированную книгу о современном кинематографе. Он подарил Нине брошь с мелкими бриллиантками, принадлежавшую ее матери, Адаму же – календарь с цветной картинкой – бульдог, курящий трубку, – и строкой из Лонгфелло на каждый день года.

В половине двенадцатого они пошли в церковь.

– Преподам ему урок истинно христианского всепрощения, – сказал полковник (однако с начала до конца проповеди демонстративно читал свою Библию).

После службы они навестили нескольких арендаторов. Флорин еще накануне обошел их и оставил пакеты с провизией. Арендаторы были очень рады познакомиться с мужем мисс Нины. Многие из них помнили его мальчиком и отметили, что он изменился прямо до неузнаваемости. Они захлеб напоминали ему про всякие компрометирующие эпизоды из детства Рыжика, главным образом случаи жестокого обращения с кошками.

После второго завтрака они пошли смотреть праздничные украшения в людской.

Это был обычай, освященный временем, и Флорины, соблюдая его, развесили в комнате бумажные вымпелы, прикрепив их к газовым рожкам. Ада ушла обедать к родителям, жившим в деревне среди заправочных колонок, так что Флорины ели индейку и плумпудинг вдвоем.

– На моей памяти за этим столом обедало об Рождестве по двадцать пять человек, – сказал Флорин. – Когда полковник и мистер Эрик были школьниками, вот уж бывали праздники, так праздники. Спектакли ставили, весь

дом, бывало, вверху дном перевернут, и каждый гость приезжал со своим лакеем.

– Да, – вздохнула миссис Флорин.

– Теперь не то, – сказал Флорин и потянулся за зубочисткой.

– Да, – вздохнула миссис Флорин.

И тут из столовой пришли господа.

Полковник постучал в дверь и спросил: – Можно нам войти, миссис Флорин?

– Можно, сэр, милости просим, – ответила миссис Флорин. Адам, Нина и полковник полюбовались украшениями и преподнесли Флоринам подарки, завернутые в папиросную бумагу. Потом полковник сказал: – Давайте-ка выпьем вместе по бокалу вина.

Флорин откупорил принесенную еще утром из погреба бутылку хереса, налил бокалы и подал сперва Нине, потом миссис Флорин, потом полковнику, потом Адаму, а последний взял себе.

– Примите мои наилучшие пожелания, миссис Флорин, – сказал полковник, поднимая бокал, – и вы тоже, Флорин. Годы идут, и мы не молодеем, но я надеюсь и верю, что мы еще не раз вместе встретим Рождество. Миссис Флорин – та вообще изменилась с тех пор, как сюда приехала. Желаю вам обоим и в наступающем году здоровья и счастья.

Миссис Флорин сказала: – Благодарю вас, сэр, и вам того же.

Флорин сказал: – И до чего же приятно, что мисс Нина... лучше бы сказать миссис Литлджон... опять среди нас, в

родном доме, и супруг ее тоже, и мы с миссис Флорин желаем им счастья и благополучия в совместной жизни, и я одно могу сказать – ежели они проживут так же счастливо, как мы с миссис Флорин, так лучшего я им и пожелать не могу.

Потом господа ушли, и весь дом привычно погрузился в дремоту.

В тот вечер после обеда Адам и полковник взяли по рюмке с портвейном и повернули свои кресла лицом к огню. Нина вышла в гостиную покурить.

– По чести, мой милый, – сказал полковник, подправляя ногой горящее полено, – я очень рад, что Нина вышла за вас замуж. Вы мне сразу понравились. Нина у меня своевольная, всегда такой была, но я знал, что в конце концов она сделает разумный выбор. У вас с ней много хорошего впереди.

– Надеюсь, сэр.

– А я так уверен, мой милый. Она тут чуть не наделала глупейших ошибок. Сюда недавно приезжал один осел – хотел на ней жениться. Журналист. Совсем безголовый. Уверял меня, что мой старый друг каноник Таратор работает вместе с ним в газете. Ну, мне не хотелось с ним спорить – как-никак, ему виднее, – но я тогда еще подумал, что это странно, а потом, представьте, разбирал как-то у себя наверху старые газеты, и мне попалась вырезка из «Вустер геральд» с описанием его похорон. Он умер в 1912 году. Это же надо быть полным идиотом, чтобы так ошибиться, верно я говорю?... Еще рюмочку портвейну?

– Спасибо.

– А то был еще один. Явился сюда, видите ли, продавать пылесосы и попросил у меня тысячу фунтов. Ну, я живо спровадил его... А вот вы, Литлджон, совсем другое дело. Лучшего зятя мне не надо. Ваш брак большая радость для меня, мой милый.

Тут вошла Нина и сказала, что под окнами гостиной собрались колядчики славить Христа.

– Зови, зови их сюда, – сказал полковник. – Они каждый год приходят. Да скажи Флорину, пусть несет пунш.

Флорин принес пунш в огромной серебряной миске, а Нина ввела певцов. Они выстроились вдоль буфета, каждый с шапкой в руке, моргая на ярком свету, с пылающими от быстрого перехода в тепло щеками и носом.

– *Весть благая и радостная*, – запели они, – *благая и радостная*.

О весть благая и радостная...

Они спели «Добрый царь Венсеслас», и «Придите, кто верит», и «Первый праздник Рождества», и «Пока пастухи пасли стада». Потом Флорин серебряным черпаком разлил по стаканам пунш, следя за тем, чтобы мальчикам не достались стаканы, предназначенные для взрослых, но чтобы каждому, по его возможностям, досталось вдоволь и даже немножко больше.

Полковник попробовал пунш и заявил, что пунш превосходный. Потом он спросил у певцов, как их зовут и откуда они, и, наконец, дал регенту пять шиллингов и выпустил их на мороз.

– Вот так бывает каждый год с тех пор, как я себя помню, – сказал полковник. – В моем детстве к нам на Рождество всегда съезжались гости... играли в шарады, то-

то бывало весело... и после завтрака всегда бокал хереса в людской, а после обеда колядки... Скажите, – спросил он, внезапно меняя тему, – вам вчера в самом деле понравилась та часть моего фильма, которую мы успели посмотреть?

– Другого такого божественного фильма я просто не запомню, папа.

– Честное слово, сэр, я получил колоссальное удовольствие.

– В самом деле? Ну-ну, рад это слышать. А вот пастор, тот, по-моему, не оценил его, по крайней мере недостаточно оценил. Конечно, вы посмотрели только кусочек, так получилось огорчительно. Не хотелось ему это говорить, но я сразу подумал, экая небрежность – допустить, чтобы электрическая проводка в доме пришла в такое состояние, что ее даже на один вечер не хватило. И очень нелюбезно по отношению к людям, которые хотят показать фильм. Но фильм-то грандиозный, верно? Вы правда так считаете?

– Клянусь, я редко получал такое удовольствие.

– Эта картина, – сказал полковник мечтательно, – знаменует собою новый этап в развитии британской кинематографии. Это самый значительный звуковой суперрелигиозный фильм, созданный целиком на британской земле, силами британских актеров и режиссуры и на британские деньги. С начала до конца, невзирая на трудности и расходы, мы пользовались советами ученых консультантов – историков и богословов. Сделано решительно все, чтобы добиться максимальной достоверности каждой детали. Жизнь выдающегося социального и религиозного реформатора Джона Весли впервые будет показана британскому зрителю во всем ее человеческом и трагическом величии... Я рад, что вы все это

понимаете, мой милый, потому что я как раз собирался обратиться к вам с одним предложением. Я старею, на все меня не хватает, и я чувствую, что могу принести больше пользы как актер и постановщик, нежели в области коммерческой. Тут требуется человек молодой. Вот я и подумал – не заинтересует ли вас войти со мной в долю. Я купил все это предприятие у Айзекса, и, поскольку вы теперь член семьи, я не против того, чтобы продать вам половинный пай – скажем, за две тысячи фунтов. Я знаю, для вас это немного, а вы, со своей стороны, можете с уверенностью рассчитывать, что через несколько месяцев получите за свои деньги вдвое. Что вы на это скажете?

– Да понимаете... – сказал Адам.

Но ответить ему так и не пришлось, потому что в эту самую минуту дверь в столовую отворилась и вошел пастор.

– А-а, это вы, уважаемый, входите, входите. Вот это подружески – навестить нас в такой поздний час. Поздравляю вас с праздником.

– Полковник Блаунт, у меня ужасные новости. Я не мог не сообщить вам...

– Что вы говорите, ай-ай-ай. Надеюсь, не заболел никто из домашних?

– Хуже, гораздо хуже. Мы с женой сидели после обеда у камина, и так как читать мы не могли – ведь у нас нет света, – то включили радио. Передавали очень красивые рождественские песнопения. А потом концерт вдруг прервали и прочли экстренный выпуск известий... Полковник, случились нечто ужасное, совсем неожиданное – объявлена война!!

14 Счастливым конц

Посреди самого большого в истории человечества поля сражения Адам сел на расщепленный пенъ и прочитал письмо от Нины. Оно пришло еще накануне утром, но сразу же завязался напряженный бой и не было ни минуты свободной, чтобы его распечатать.

Даутинг-Холл,

Эйлсбери

Адам, радость моя, как-то ты там? Очень трудно понять, что происходит, потому что газеты пишут такие странные вещи. У Вэна сейчас божественная работа – выдумывать новости с фронта, и он на днях сочинил чудесную историю о том, как ты спас жизнь сотням людей, и теперь то, что называют общественным мнением, возмущается, почему тебя не наградили Крестом Виктории, так что теперь ты его, вероятно, уже получил, забавно, правда?

Мы с Рыжиком здоровы. Он работает в одном бюро в Уайт-Холле и носит очень внушительную военную форму, а я, представь себе, жду ребенка, такой ужас, правда? Но Рыжик твердо решил, что ребенок его, и безмерно доволен, так что это не страшно. Он окончательно простил тебе Рождество, говорит, что ты теперь защищаешь родину и вообще в военное время нехорошо таить обиду.

В Даутинге открыли госпиталь, ты слышал? Папа показывает раненым свой фильм, и они в восторге. Я как-то видела мистера Бенфлита, он сказал, какой это ужас, когда посвятишь всю жизнь делу культуры, видеть, как все, ради чего жил, идет прахом, но у него

очень хорошо расходуется серия военных поэтов «Меч вынут из ножен».

Правительство издало постановление, что все должны спать в противогазах на случай бомб, но никто не слушается. Арчи посадили в тюрьму как нежелательного иностранца, это Рыжик добился, он очень строг насчет шпионов. Мне часто нездоровится из-за маленького, но все говорят, что родить детей во время войны патриотично. Почему?

Целую крепко, мой ангел.

Береги себя.

Н.

Он вложил письмо обратно в конверт, спрятал в нагрудный карман, а карман застегнул. Потом достал трубку, набил ее и закурил. Местность вокруг него была удручающе безотраднa: огромное пространство развороченной мокрой земли и все, что на ней можно разглядеть, сожжено либо разбито. Где-то за горизонтом гремела стрельба, над серыми тучами кружили аэропланы. Смеркалось.

Он заметил, что к нему приближается какая-то фигура, – мужчина, явно военный, с трудом пробирался между обрывками колючей проволоки, растянувшимися по земле, как паутина. Человек подошел ближе, и Адам увидел, что он целится в него из ручного огнемета. Адам стиснул в пальцах гранату Хаксдена-Халли (для рассеивания бацилл проказы), и так, ожидая друг от друга самого худшего, они сошлись. В полумраке Адам разглядел форму английского офицера штаба. Он убрал гранату в карман и отдал честь.

Офицер опустил руку с огнеметом и приподнял противогаз. – Англичанин? – сказал он. – Ни черта не вижу. Монокль разбился.

– О, – сказал Адам. – Вы же пьяный майор.

– Я не пьян, сэр, – сказал пьяный майор, – и к тому же я, черт возьми, генерал. Вы-то что здесь делаете?

– Да понимаете, – сказал Адам, – я потерял свой взвод.

– Подумаешь, взвод... Я вот потерял всю свою дивизию, чтоб ей неладно было.

– Бой кончился, сэр?

– Не знаю. Ни черта не вижу. Еще недавно шел вовсю. Тут где-то моя машина поломалась. Шофер пошел искать подмогу и пропал, а я вышел его посмотреть, да вот теперь потерял машину. Чертова местность, тут всякий заплутается. Никаких ориентиров... Смотри-ка, где встретились, это забавно. Я вам кое что должен.

– Тридцать пять тысяч фунтов.

– Тридцать пять тысяч и пять. Я вас повсюду искал, до того как началась эта заваруха. Деньги могу вам отдать хоть сейчас, если хотите.

– Фунт, вероятно, сильно упал в цене?

– Почти до нуля. Но чек я вам, пожалуй, все-таки выпишу. Хватит купить стакан спиртного и газету. Кстати, о спиртном, у меня в машине целый ящик шампанского, только машина-то неизвестно где. Я его спас из одной столовой ВВС, еще там, при штабе. Ее разбомбили. Хорошо бы все-таки найти машину.

Со временем они ее нашли – лимузин «деймлер», по ступицу увязший в жидкой грязи.

– Залезайте, садитесь, – гостеприимно пригласил генерал. – Я сейчас включу свет.

Адам залез в машину и обнаружил, что там уже кто-то есть. В углу, свернувшись калачиком, под французской шинелью крепко спала какая-то молодая женщина.

– А я и забыл про нее, – сказал генерал. – Эту малютку я подобрал на дороге. Познакомить вас не могу, потому что не знаю ее имени. Проснитесь, Mademoiselle!

Женщина тихо вскрикнула и раскрыла испуганные глаза.

– Ничего, ничего, малютка, пугаться некого, тут все свои. Parlez anglais?

– А как же, – сказала она.

– Так, может быть, выпьем? – сказал генерал, сдирая фольгу с горлышка бутылки. – Стаканы в шкафчике.

При виде вина съездившийся в углу безутешный комочек женской плоти, казалось, немного успокоился. Она признала в шампанском символ международной доброй воли.

– А теперь наша прелестная гостья, может быть, скажет, как ее зовут, – предложил генерал.

– Не знаю, – сказала она.

– Полно, полно, малютка, не надо стесняться.

– Я не знаю. Меня как только не звали. Когда-то звали Непорочность. Потом на одном вечере была знатная леди,

она отправила меня в Буэнос-Айрес, а когда началась война, привезла обратно, и я была у солдат, которые проходили обучение на Солсберийской равнине. Это было чудесно. Они меня звали Белочка, даже не знаю почему. Потом меня послали сюда, я была у канадцев, те меня называли совсем плохо, а когда стали отступать, бросили меня, и я попала к каким-то иностранцам. Они тоже были славные, хоть и воевали против англичан. Они тоже удрали, а тот грузовик, в котором я ехала, застрял в кювете, и тогда я попала к каким-то другим иностранцам, только эти уж были за англичан и на редкость противные, но я встретила одного американца-врача, совершенно седого, и он называл меня Эмили, говорил, что я очень похожа на его дочку, поэтому он увез меня в Париж, и там было чудесно, но через неделю он нашел себе в ночном клубе другую, и когда вернулся на фронт, бросил меня в Париже, а у меня не было денег, и с паспортом получилось недоразумение, и меня называли *numéro mille soixante dix huit* [21] и послали меня и еще очень много девушек на Восток, к тамошним солдатам. То есть хотели послать, но в пароход попала торпеда, меня спасли, и французы отправили меня сюда поездом с другими девушками, очень невоспитанными. Потом я жила с этими девушками в барачном лагере, а вчера к ним пришли гости, я осталась одна и пошла погулять, а когда вернулась, ни барака нашего не было, ни девушек, и вообще никого не было, пока вы не приехали на машине, и теперь я уж совсем не знаю, где я. Какой ужас эта война, правда?

Генерал откупорил еще бутылку шампанского.

– А теперь все в полном порядке, малютка, – сказал он, – так что не печалься и улыбнись. А дуться не нужно – с такими-то хорошенькими губками. Давай-ка снимем эту тяжеленную шинель, я тебе сейчас укрою ею колени. Ну что, так лучше?... Вон какие ножки гладкие, крепенькие...

Адам не мешал им. Вино, и мягкие подушки, и усталость, накопившаяся за два дня боев, сделали свое дело. Отрешенный от всех, не ведая о пульсирующих рядом с ним приятных эмоциях, он погрузился в сон.

Окошки застрявшего в грязи автомобиля светились среди опустошенного поля битвы. Потом генерал, задернув шторы, отгородился от этой печальной картины.

– Так уютнее? – сказал он.

И Непорочность стала грациозно перебирать пальчиками его ордена и медали и расспрашивать, за что он их получил.

А издалека, подобно новому витку тайфуна, уже опять накатывался грохот боя.